

ISSN 2500-039X

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Филология, педагогика,
психология

№ 4

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2020

Редакционная коллегия

И. Н. Симаева, д-р психол. наук, проф., Институт образования, БФУ им. И. Канта (главный редактор); *С. С. Ваулина*, д-р филол. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
В. К. Пельменев, д-р пед. наук, проф., Институт рекреации, туризма и физической культуры, БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
О. В. Александрова, д-р филол. наук, проф., филологический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; *Н. Г. Бабенко*, д-р филол. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *Л. В. Байбородова*, д-р пед. наук, проф., Институт педагогики и психологии, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; *В. П. Бездухов*, д-р пед. наук, чл.-кор. РАО, проф., СГСПУ; *Л. М. Бондарева*, канд. филол. наук, доц., проф., Институт образования, БФУ им. И. Канта; *А. О. Бударина*, д-р пед. наук, доц., Институт образования, БФУ им. И. Канта;
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф., факультет психологии, Институт общественных наук, РАНХиГС; *А. А. Горелов*, д-р пед. наук, проф., Научно-исследовательский центр по физической подготовке Вооруженных сил РФ, ВИФК; *У. Гравитис*, д-р пед. наук, проф., Латвийская академия спортивной педагогики; *С. П. Евсеев*, д-р пед. наук, проф., НГУ им. П. Ф. Лесгафта;
В. И. Заботкина, д-р филол. наук, проф., факультет филологии и истории, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий, РГГУ;
Г. В. Залевский, д-р психол. наук, чл.-кор. РАО, проф., Институт образования, БФУ им. И. Канта; *И. Ю. Иеронова*, д-р пед. наук, проф., Институт образования, БФУ им. И. Канта; *М. Е. Кобринский*, д-р пед. наук, проф., спортивно-педагогический факультет массовых видов спорта, БГУ ФК;
А. В. Кузнецова, д-р филол. наук, проф., Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ЮФУ;
Л. В. Куликов, д-р психол. наук, факультет психологии, СПбГУ;
А. А. Насырова, канд. пед. наук, доц., Институт образования, БФУ им. И. Канта (ответственный секретарь); *А. М. Поликарпов*, д-р филол. наук, проф., Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, САФУ им. М. В. Ломоносова; *А. А. Реан*, д-р пед. наук, акад. РАО, проф., НИУ ВШЭ; *Н. В. Самсонова*, д-р пед. наук, проф., Институт рекреации, туризма и физической культуры, БФУ им. И. Канта; *С. В. Свиридов*, канд. филол. наук, доц., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
С. С. Филиппов, д-р пед. наук, проф., НГУ им. П. Ф. Лесгафта; *Н. С. Цветова*, д-р филол. наук, проф., Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», СПбГУ; *Т. А. Шарыпина*, д-р филол. наук, проф., филологический факультет, НГУ им. Н. И. Лобачевского

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-68537 от 31 января 2017 г.

Адрес редакции:

236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

© БФУ им. И. Канта, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика

<i>Кузнецова А.В.</i> Субъективная модальность художественного текста: онтологический статус в авторской концепции мира	5
<i>Кукса И.Ю.</i> Субъективная модальность как способ выражения авторских интенций в первой печатной российской газете «Ведомости» времени Петра Великого	15
<i>Шептухина Е.М., Тихонова Н.И.</i> Региональные деловые письма середины XVIII века в аспекте жанровой параметризации	23
<i>Фатеева Н.А.</i> Функции соматизмов в поэзии Б. Пастернака	34
<i>Стрельчук Е.Н., Шакак Х.Х.М.</i> Языковые средства создания образа женщины-мусульманки в спортивном интернет-дискурсе	45

Литературоведение

<i>Дорофеева Л.Г.</i> Жанровая специфика романа В. Максимова «Прощание из ниоткуда»: к проблеме духовной традиции	56
<i>Камалова А.А., Унгуриянова Е.А.</i> «Светотомия» Н.М. Кононова и «Пир» Платона: диалог культур	67
<i>Малащенко В.В.</i> Тема судьбы художника в эссе С. Довлатова «Верхом на улитке»	77
<i>Жилина-Элс Т., Жилина Н.П.</i> Учение как путь в романе Дж. Джойса «Портрет художника в юности»	85

Педагогика и психология

<i>Короткевич А.А., Ларина А.Б.</i> К вопросу о рейтинговой оценке младших школьников в условиях инклюзивного обучения	95
<i>Карась И.С., Лукина А.А., Пушкарева В.И.</i> Особенности психологической помощи в социальной сети Instagram	103

CONTENTS

Linguistics

4	<i>Kuznetsova A. V.</i> Subjective modality of the literary text: ontological status in author's conception of the world.....	5
	<i>Kuksa I. Yu.</i> Subjective modality as a way of expressing author's intentions in the first printed Russian newspaper "Vedomosti" of the times of Peter the Great.....	15
	<i>Sheptukhina E. M., Tikhonova N. I.</i> Regional business letters of the mid-18 th century in the aspect of genre parameterization.....	23
	<i>Fateeva N. A.</i> Functions of somatisms in the poetry of B. Pasternak.....	34
	<i>Strelchuk E. N., Shakak Kh. H. M.</i> Language means of creating an image of a Muslim woman in internet sports discourse	45

Literary studies

	<i>Dorofeeva L. G.</i> Genre specificity of V. Maksimov's novel "Farewell from Nowhere": to the problem of spiritual tradition.....	56
	<i>Kamalova A. A., Unguryanova E. A.</i> "Svetotomy" N. M. Kononov and Plato's "The feast": a dialogue of cultures	67
	<i>Malashchenko V. V.</i> The theme of the artist's fate in S. Dovlatov's essay "Riding a snail"	77
	<i>Zhilina-Els T., Zhilina N. P.</i> Teaching as a path in J. Joyce's novel "A Portrait of the Artist as a Young Man"	85

Pedagogy and psychology

	<i>Korotkevich A. A., Larina A. B.</i> On the issue of rating assessment of primary schoolchildren in the context of inclusive education.....	95
	<i>Karas I. S., Lukina A. A., Pushkareva V. I.</i> On some aspects of psychological assistance on Instagram.....	103

А. В. Кузнецова

**СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС
В АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МИРА**

5

Художественный текст расценивается современной лингвистикой как динамическая коммуникативная единица, в связи с чем возникает необходимость рассмотрения ее конститuentов. Субъективная модальность является коммуникативно-семантической категорией художественного текста, благодаря которой становится возможным всестороннее представление отношения автора к сообщаемому. В статье обосновывается онтологический статус субъективной модальности художественного текста как компонента авторской концепции мира. Материалом исследования послужили художественный очерк М. Ю. Лермонтова «Кавказец», жанр которого демонстрирует сложный синтез различных зон реализации субъективной модальности. Авторская концепция, воплощаемая с помощью различных средств субъективной модальности, обусловлена системой ценностей писателя, его духовным опытом и эстетической когницией. Анализ языкового материала позволил определить, что субъективная модальность может быть реализована как синтез трех уровней – образа автора, рассказчика и героя, что позволяет обосновать в художественном тексте авторскую концепцию мира.

A literary text is considered by modern linguistics as a dynamic communicative unit, in connection with which it becomes necessary to study its constituents. Subjective modality appears in a literary text as a communicative-semantic category that allows one to comprehensively represent the author's attitude to the communicated instance. The purpose of the article stays with the need to substantiate the ontological status of the subjective modality of a literary text as a component of the author's concept of the world. The material for the study is the literary text of the essay "Caucasian" by M. Yu. Lermontov as a genre that demonstrates a complex synthesis of various zones of implementation of subjective modality. The author's concept, embodied with the help of various means of subjective modality, is determined by the writer's system of values, his spiritual experience, and his aesthetic cognition. The analysis of the linguistic material made it possible to determine that the subjective modality can be realized as a synthesis of three levels – the image of the author, narrator and hero, which makes it possible to substantiate the author's concept of the world in a literary text.

Ключевые слова: художественный текст, субъективная модальность, авторская концепция, рассказчик, образ автора.

Keywords: literary text, subjective modality, author's conception, narrator, author's image.

Введение

Для лингвистики последних десятилетий характерно сосредоточение не только на языке, но и на человеке как его носителе. С позиций антропоцентризма язык рассматривается «в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [16, с. 8]. Такой ракурс закономерен, так как человек, создавший язык, отражает в нем не только внешний мир, но и собственный образ. Именно сосредоточенность на человеке приводит современную лингвистику к активному изучению модальности, которая, по Ш. Балли, является собой «душу предложения». Эта многоаспектная категория представляет собой языковую универсалию, характеризуя способ действия или отношение к действию.

6

Модальность как широкая семантическая категория, объективирующая «живой контакт с внеязыковой действительностью» [11, с. 141], во многом определяет смысловую структуру предложения. Поэтому изучается она прежде всего на уровне предложения: модальность объективирует отношения предикативных единиц, целевую установку предложения, отражая отношение говорящего к сообщаемой информации и оценку ее реальности / ирреальности.

Целью настоящей статьи является обоснование онтологического статуса субъективной модальности художественного текста как конституента авторской концепции мира, релевантного адекватной авторскому замыслу интерпретации авторских интенций. *Актуальность* принятого исследования обусловлена необходимостью определения границ авторской субъективности и установления координат зон репрезентации субъективной модальности. *Научная новизна* исследования заключается в выявлении нескольких зон субъективной модальности в художественном очерке, представляющем собой один из сложных по своей коммуникативной структуре жанров.

Предложенная В. В. Виноградовым концепция модальности уточняется на основе разработанной Г. А. Золотовой типологии аспектов модальных отношений: «...отношение содержания высказывания к действительности в плане его реальности / ирреальности с точки зрения говорящего — объективная модальность; отношение говорящего к содержанию высказывания в плане его достоверности / недостоверности — субъективная модальность; отношение между субъектом действия (носителем признака) и действием (предикативным признаком) — по терминологии автора, внутрисинтаксическая модальность» [10, с. 57].

Изучение текстовой модальности требует гибкости научных подходов, поскольку, по утверждению Л. Г. Бабенко, «как только предметом рассмотрения становится текстовая модальность, стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересекаемость и взаимодействие» [2, с. 134]. Для современной науки о языке текстовая модальность — категория «высшего ранга», так как она играет «ведущую роль в организации произведения, оказывая влияние на структуру текста и отбор языковых единиц» [20, с. 10].

Оценка признается семантической основой субъективной модальности, что позволяет выявить целый ряд модальных значений и их разновидностей, причем этот список продолжает пополняться: например, в координаты субъективной модальности включают значения «абсолютной и сравнительной оценки, экспрессивно-эмоциональной оценки... запретного / разрешенного, желательного / нежелательного... известного / неизвестного, истинности / ложности, утверждения / отрицания, потенциальности / целенаправленности, категоричности / некатегоричности, возможного / невозможного» [12, с. 50] и пр. Модальность изучается с позиций выделения ее текстовых и семантических маркеров [1; 9], а также с точки зрения обоснования значимости эмоционально-оценочных компонентов в составе модальности как языковой универсалии и текстообразующей категории [19; 21 – 23].

Методология нашего исследования базируется на комплексном применении функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов в лингвистике. Используемые методы обусловлены предметом исследования – субъективной модальностью как компонентом авторской концепции мира – и включают дедуктивно-индуктивный метод, когнитивно-семантический и прагматический анализ модальных языковых единиц разноуровневой принадлежности, контекстуальный анализ, методы логико-лингвистической и филологической интерпретации.

Результаты

Интенсивное изучение содержательной структуры языка оказывает влияние на последовательное развитие функционально-семантического подхода в науке о языке. В этой связи актуальна мысль Е. В. Падучевой о том, что «прикрепленность речевого высказывания к действительности... создается не только референцией предметных наименований, но и референцией компонентов с пропозициональным значением, которые соотносятся с фактами, событиями, ситуациями» [15, с. 10]. Адекватное описание модальности как сложного феномена возможно только при учете ее речевой, коммуникативной реализации, что обуславливает необходимость применения функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов в изучении модальности текста. Модальный смысл текста представляет собой результат синтеза семантики всех модальных единиц, которые реализованы в нем, но такой смысл не является простой суммой модальных значений. В этом отношении художественный текст представляет собой объект исследования, обладающий обширным эвристическим потенциалом.

Трактовка художественного текста как динамической коммуникативной единицы, обусловленная развитием антропоцентрической парадигмы, актуальна для современной науки о языке. Художественный текст воплощает лингвокреативный потенциал автора и является результатом творческой фантазии: он отражает воображаемую реальность, представляя собой уникальный вариант «интерпретации дей-

ствительности с точки зрения автора текста» [2, с. 134]. Художественный текст характеризуется «субъективностью и антропоцентрическими устремлениями, а антропоцентричность выражается в речи и как субъективно-модальное значение» [3, с. 194]. Как искусственно организованная структура, он способен транслировать «определенную картину мира и обладает высокой силой социального воздействия. Текст... представляет собой результат индивидуального отбора языковых ресурсов, соответствующих эстетическим или прагматическим целям писателя» [4, с. 75].

Текст отражает объективную действительность сквозь призму авторского сознания; помимо этого художественному тексту как «вторичной моделирующей системе» свойственно и «вторичное» сознание образа автора / повествователя / рассказчика. Так возникает двойная субъективность: реальность репрезентирована посредством лингвокогнитивной деятельности автора и через сознание субъекта речи, ведущего повествование. Результатом эстетической деятельности автора является его концепция мира, представленная в художественном тексте различными способами и средствами. Авторская концепция мира не может быть адекватно описана вне рассмотрения категории модальности, скрепляющей «все единицы текста в единое смысловое и структурное целое» [6, с. 96].

Коммуникативно-семантическая природа модальности (см.: [7]) художественного текста определяется отражением с помощью модальных единиц субъективного, которое, однако, имеет объективный характер. Сам выбор предметов и явлений объективной действительности и их качественная оценка характеризуются субъективной модальностью, так как автор всегда отражает собственное отношение к описываемому в тексте. Кроме того, модальность — категория текстообразующая, она «участвует в выражении авторской модальности, формирующей как антропоцентричность, так и субъектоцентричность текста, в первую очередь художественного» [8, с. 20]. Отметим в этой связи, что целый ряд исследователей (см., напр., [18]) признает как единственно возможную для художественного текста только субъективную модальность: именно она выражает авторскую оценку художественной реальности, которая создается посредством творческих усилий, фантазии и эстетической когниции автора, а художественный текст характеризуется уникальной референтностью, не имея прямого соотношения с реальной действительностью.

Ведущим принципом построения художественного текста является эгоцентризм, который открывает возможности синтеза повествующего и переживающего «я», связанного с художественной реальностью посредством субъективной рефлексии. «Я» повествователя и образ автора в авторской концепции мира способны «регулировать развитие художественного действия согласно своей эгоцентрической системе координат» [17, с. 299]. Как способ самораскрытия автора, субъективная модальность играет важную роль в процессе субъективации — одном из определяющих для эстетической деятельности. Сложные случаи репре-

зентации системы ценностей автора и его концепции мира посредством субъективной модальности, на наш взгляд, представлены в жанрах, лишенных открытого сюжетного действия и / или системы персонажей, к каким, безусловно, относится и нравоописательный очерк, приобретающий особую популярность в русле так называемой натуральной школы русской литературы 1840–1850-х гг. По всей видимости, в художественном очерке должна быть представлена субъективная модальность, присущая образу автора, который к тому же выступает в таком художественном тексте в роли рассказчика. Так, например, в очерке М.Ю. Лермонтова «Кавказец» (1841) авторская модальность репрезентирована вопросной формой: «Во-первых, что такое именно кавказец и какие бывают кавказцы?» [14]. Безусловно, в данном случае такая имитация диалога с читателем свойственна именно образу автора, как и обращение к читателю напрямую: «Настоящих кавказцев вы находите на Линии; за горами, в Грузии, они имеют другой оттенок; статские кавказцы редки; они большею частию неловкое подражание, и если вы между ними встретите *настоящего*, то разве только между полковых медиков» [14]. В приведенном фрагменте такое обращение к читателю фиксируется с помощью местоимения *вы*, что, разумеется, создает иллюзию сокращения дистанции между ним и образом автора.

Немаловажное значение для реализации субъективной модальности в ее авторской зоне имеют и различные изобразительно-выразительные средства – тропы и фигуры, которые у Лермонтова представлены всегда разнообразно, не только составляя контаминации, но образуя целостный синтез. Например, в следующем микроконтексте: «Он... был отправлен туда [на Кавказ] на казенный счет с *большими надеждами* и *маленьким чемоданом*» [14] — реализована антитеза. Языковые антонимы *большие* – *маленький* «вовлекают» в отношения контраста и лексемы *надежды* – *чемодан*, фактически противопоставляя духовное и материальное, что, разумеется, не только выражает отношение продуцента художественного очеркового текста к предмету изображения, но и реализует авторскую концепцию мира, в которой оппозиция *земля* – *небо* (материальное – духовное) играет определяющую роль (см. подробнее: [13]).

Семантическая основа категории модальности образована предметной модальностью, которая отражает авторскую модель мира, и оценочной модальностью, модифицирующей предметную модальность посредством качественно-оценочных характеристик сообщаемого в тексте. Предметный аспект модальности художественного текста актуализирует отношения содержания текста и объективной действительности с позиции автора: благодаря информации о предмете или ситуации все текстовые единицы, как и текст в целом, получают актуализацию, т.е. становятся означающими конкретных предметов, фактов и ситуаций. Именно поэтому авторское отношение к предмету изображения приобретает определяющее значение для отражения его концепции мира.

Так, субъективная модальность, свойственная образу автора, может иметь и ироническую окраску. Например, в следующем контексте: «Он еще в Петербурге сшил себе ахалук, достал мохнатую шапку и черкесскую плетть на ямщика. Приехав в Ставрополь, он дорого заплатил за дрянной кинжал, и первые дни, пока не надоело, не снимал его ни днем, ни ночью» [14] — ирония реализована с помощью частиц (*еще, ни... ни*), вводного сочетания (*пока не надоело*), а также антонимических микроконтекстов (*дорого заплатил за дрянной кинжал, ни днем, ни ночью*). Кроме того, сама описанная ситуация уже иронична: «кавказец» заказывает себе в Петербурге (!) национальную кавказскую одежду — ахалук (или архалук — ‘мужская и женская верхняя распашная одежда у народов Кавказа’ [5]), который хотя и был в моде как домашняя одежда в начале XIX в., но для героя очерка выступает вовсе не в этой роли: он ему нужен для создания необходимого кавказского антуража. Также «кавказец» *достает* (т.е. предпринимает для достижения цели длительные поиски) мохнатую шапку и черкесскую плетть.

Ироническое отношение к герою очерка эксплицировано в следующем макроконтексте: «Наконец он явился в свой полк, который расположен на зиму в какой-нибудь станице, тут влюбился, как следует, в казачку пока до экспедиции; все прекрасно! сколько поэзии! Вот пошли в экспедицию; наш юноша кидался всюду, где только провизжала одна пуля» [14]. Экспликация иронии происходит здесь с помощью вставных конструкций (*как следует; все прекрасно! сколько поэзии!*). Также важна контекстуально обусловленная оценочность, представленная в лексемах и лексических сочетаниях *наконец, в какой-нибудь станице, наш юноша, только провизжала*. Представляется, что при переходе от одного функционального типа текста к другому наблюдается и синтез субъективной модальности образа автора и рассказчика. Так, например, беседа с читателем о жизненном пути героя очерка, Лермонтов контаминирует компоненты авторской и персонажной зон повествования прежде всего посредством несобственно-прямой речи, например:

Он думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты. Он во сне совершает рыцарские подвиги — мечта, вздор, неприятеля не видать, схватки редки, и, к его великой печали, горцы не выдерживают штыков, в плен не сдаются, тела свои уносят. Между тем жары изнурительны летом, а осенью слякоть и холода. Скучно! промелькнуло пять, шесть лет: все одно и то же [14].

Представляется, что отдельные компоненты этого макроконтекста репрезентируют оценочность героя, тем самым обнаруживая персонажную зону модальности в тексте: *страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты; совершает рыцарские подвиги; схватки редки; жары изнурительны летом, а осенью слякоть и холода; скучно; все одно и то же*. Персонажная зона сложным образом взаимодействует здесь с зоной авторской модальности, представленной следующими лексемами и лексическими сочетаниями: *думает поймать руками десятка два горцев; мечта, вздор, неприятеля не видать; к его великой печали, горцы не выдерживают*

штывков, в плен не сдаются, тела свои уносят; промелькнуло пять, шесть лет. Такой сложный синтез авторской и персонажной зон модальности в развитии художественной мысли приводит тем не менее к выражению авторской концепции мира: «Он приобретает опытность, становится холодно храбр и смеется над новичками, которые подставляют лоб без нужды» [14].

В целом автор относится к своему герою с симпатией, хотя, как мы указывали выше, его взгляд не лишен иронии. Однако изначально заданный в тексте эмоционально-оценочный фон, представленный в высказывании: «Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия. До 18 лет он воспитывался в кадетском корпусе и вышел оттуда отличным офицером» [14], — сохранен в целостном тексте. Так, единственный случай прямой речи, принадлежащей «кавказцу», создает весьма органичное впечатление о нем: «...кабардинцы просто молодцы; ну есть и между шапсугами народ изрядный, только все с кабардинцами им не равняться, ни одеться так не сумеют, ни верхом проехать... хотя и чисто живут, очень чисто!» [14]. Эта речь — результат собственных наблюдений офицера, который долгое время служит на Кавказе, к тому же Лермонтов описывает «страсть ко всему черкесскому» как необходимое условие истинности «кавказца» — героя данного очерка.

Модальность и оценку объединяет модус как их общая позиция в высказывании, а их прагматика и функции определены квалифицированием диктума (пропозитивной семантики). Другими словами, их природа диалектична: оценка и модальность, выражая отношение говорящего к пропозиции высказывания, субъективны, но, находясь в диктальной его части, также фиксируют объективные параметры содержания. Так, у Лермонтова в очерке «Кавказец» такие объективные параметры содержания присутствуют в изображении быта героя: «Опыт долгих походов не научил его изобретательности, свойственной вообще армейским офицерам; он франтит своей беспечностью и привычкой переносить неудобства военной жизни, он возит с собой только чайник, и редко на его бивачном огне варятся щи» [14]. Тем не менее отметим и здесь, что в приведенном контексте представлено наложение субъективной модальности автора и рассказчика, прежде всего посредством эмоционально-оценочной лексики *франтит, беспечность, привычка переносить неудобства*, а также с помощью репрезентации жизненных ситуаций, представленных диктально: *он возит с собой только чайник, и редко на его бивачном огне варятся щи*.

Реализация субъективной модальности в очерке «Кавказец» происходит на пересечении нескольких зон — зоны образа автора, рассказчика и собственно героя очерка. Зачастую в контекстах затруднительно дифференцировать эти три уровня субъективной модальности:

...во время перестрелки кладет голову за камень, а ноги выставляет на пенсию; это выражение там освящено обычаем. Благотетельная пуля попадает в ногу, и он счастлив. Отставка с пенсионом выходит, он покупает тележку,

запрягает в нее пару верховых кляч и помаленьку пробирается на родину, однако останавливается всегда на почтовых станциях, чтоб поболтать с проезжающими. Встретив его, вы тотчас отгадаете, что он *настоящий*, даже в Воронежской губернии он не снимает кинжала или шашки, как они его ни беспокоят. Станционный смотритель слушает его с уважением, и только тут отставной герой позволяет себе прихвастнуть, выдумать небылицу; на Кавказе он скромнен — но, ведь, кто ж ему в России докажет, что лошадь не может проскакать одним духом 200 верст и что никакое ружье не возьмет на 400 сажень в цель? [14].

В приведенном контексте могут быть выявлены все три слоя реализации субъективной модальности: зона образа автора (*это выражение там освящено обычаем; встретив его, вы тотчас отгадаете*), рассказчика (*благодетельная пуля попадает в ногу, и он счастлив; не снимает кинжала или шашки, как они его ни беспокоят*) и героя-«кавказца» (*отставка с пенсией выходит; лошадь не может проскакать одним духом 200 верст и что никакое ружье не возьмет на 400 сажень в цель*).

Безусловно, эстетической задачей Лермонтова было, по всей видимости, нейтрализовать границы оценки авторской и персонажной, тем самым создав вполне реалистический портрет своего современника, важный для манифестирования авторской концепции мира. Все это не противоречило собственным задачам нравоописательного очерка, развивавшегося в координатах натуральной школы, а зародившийся жанр русского социально-психологического романа, начало которому положил «Герой нашего времени» (1840), получает в очерке «Кавказец» новое обоснование, в том числе средствами субъективной модальности.

Заключение

Авторская концепция мира, воплощенная различными способами реализации субъективной модальности, облигаторно присутствует в художественном тексте. В художественном тексте эстетическая когнитивность автора, а также его интенции и система ценностей, эмоциональные по своей сути, обуславливают характер модальности как значимого прагматического компонента.

Изучение языкового материала текста художественного очерка позволило выявить три уровня реализации субъективной модальности в эстетической коммуникации: образ автора — адресация к читателю и сохранение литературных норм, нейтральный стиль повествования; рассказчик — определенное эмоционально-оценочное отношение (восхищение, уважение, ирония) к герою, манифестированное с помощью определенных речевых средств; герой (персонаж) — несобственно-прямая и прямая речь, составляющая неотъемлемую часть семантического пространства художественного текста. Таким образом, авторская концепция мира получает всестороннее обоснование в тексте, в том числе и средствами субъективной модальности, функционирующими в разных ее зонах.

Список литературы

1. *Андреева И.В.* Функции квалификаторов субъективно-модальных значений в тексте романа «Тихий Дон» М.А. Шолохова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2016. № 11 (65), ч. 2. С. 46–48.
2. *Бабенко Л.Г.* Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // *Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. / под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных.* Калининград, 2009. С. 133–142.
3. *Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста : теория и практика. Екатеринбург, 2000.
4. *Базалина Е.Н.* Художественный текст и модальность // *Научная мысль Кавказа.* 2000. № 7. С. 75–76.
5. *Большой энциклопедический словарь.* URL: <https://www.vedu.ru/bigen/cdic/> (дата обращения: 30.07.2020).
6. *Валгина Н.С.* Теория текста. М., 2003.
7. *Ваулина С.С.* Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта.* 2013. Вып. 8: Филологические науки. С. 7–12.
8. *Ваулина С.С., Девина О.В.* Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта.* 2010. Вып. 8: Сер. Гуманитарные науки. С. 13–21.
9. *Замятина Е.С.* Семантика вводных слов субъективной оценки меры и степени // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2019. Т. 12, вып. 4. С. 164–167.
10. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 2009.
11. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
12. *Кривенко Г.А.* Модальность художественного текста как проявление авторского «я» // *Вестник Павлодарского государственного университета.* Сер. Филологическая. 2011. № 2. С. 47–53.
13. *Кузнецова А.В.* Лирический универсум М.Ю. Лермонтова: семантика и поэтика : монография. Ростов н/Д, 2003.
14. *Лермонтов М.Ю.* Кавказец // *RoyalLib.com* : [электрон. библиотека]. URL: https://royallib.com/book/lermontov_mihail/kavkazets.html (дата обращения: 30.07.2020).
15. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 2008.
16. *Постовалова М.В.* Картина мира в жизнедеятельности человека // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.* М., 1999. С. 8–70.
17. *Романова Н.Л.* Рольные воплощения «я» в аспекте двуперспективного эгоцентрического повествования // *Studia Linguistica 12: Перспективные направления современной лингвистики.* СПб., 2003. С. 296–304.
18. *Солганик Г.Я.* Стилистика текста : учеб. пособие. 14-е изд. М., 2018.
19. *Чумакова Т.В.* Способы выражения эмоциональной семантики в синтаксисе романа «Евгений Онегин» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 6-1 (48). С. 192–196.
20. *Якимец Н.В.* Категория авторской модальности в функциональном аспекте (на материале «Театрального романа» М.А. Булгакова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1999.
21. *Culpepe J., Gillings M.* Pragmatics: Data trend // *Journal of Pragmatics.* 2019. Vol. 145. P. 4–14. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.01.004>.

22. *Norrick N.R.* Narrative illocutionary acts direct and indirect // *Journal of Pragmatics*. 2015. Vol. 86. P. 94–99. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.05.008>.

23. *Wood T.* Abstraction and adherence in discourse processes // *Journal of Pragmatics*. 2009. Vol. 41, iss. 3. P. 484–496. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.05.015>.

Об авторе

Анна Владимировна Кузнецова – д-р филол. наук, проф., Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

The author

Prof. Anna V. Kuznetsova, South Federal University, Russia.

E-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

И. Ю. Кукса

**СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ
В ПЕРВОЙ ПЕЧАТНОЙ РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ «ВЕДОМОСТИ»
ВРЕМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

Рассматриваются публикации газеты «Ведомости» 1709 и 1719 гг. На данном материале анализируются формы авторского присутствия в газетном тексте. Демонстрируется существенная роль уровня субъективно-модальных значений, надстраиваемого над фундаментом объективной модальности, в выражении отношения автора публикации к сообщаемому. Выявляются акцентируемые авторами субъективно-модальные смыслы и средства их выражения (среди которых модально-оценочная лексика, специфические вводные и вставные конструкции, частицы). Иллюстрируется и квалифицируется модальный синкретизм газетного текста.

The article examines the potential of the subjective modality as a tool to implement the author's intentions in the texts of the first Russian printed newspaper «The Vedomosti». The article reveals a significant role of the subjective-modal meanings built over the objective modality through a number of expressive tools (modality units, parenthetical words and structures, particles). The author illustrates and qualifies the modal syncretism of the newspaper text.

Ключевые слова: периодическая печать, история отечественной журналистики, газетный текст, коммуникация, модальность, субъективная модальность, авторская позиция.

Keywords: periodical press, the history of Russian journalism, a newspaper text, communication, modality, subjective modality, author's position.

Признанная исследователями квалификация категории языковой модальности как антропоцентрической категории, отражающей позицию говорящего относительно определенного фрагмента картины мира (см., например, об этом: [2; 4; 10; 12]), определяет непрекращающийся интерес к субъективной модальности, планом содержания которой и является отношение говорящего к сообщаемому.

В соответствии с традиционной грамматической точкой зрения в состав экспликаторов субъективной модальности включается обширный перечень разноуровневых языковых средств: вводные слова и конструкции, модальные частицы, эмоционально-оценочная лексика, единицы экспрессивного синтаксиса (повторы, риторические вопросы и пр.) [11] и даже ряд конститuentов, выражающих значения ситуативной модальности (модальные глаголы и предикативы). При этом по отношению к газетному тексту их содержательно-функциональная

специфика в диахронии становится объектом исследования довольно редко. Вместе с тем с точки зрения современного подхода к дискурсу массовой коммуникации как к особому, воздействию типу дискурса, а к глобальной авторской интенции публицистического текста — как к убеждающей [5, с. 61] небезынтересно рассмотреть способы выражения отношения автора газетного текста к сообщаемому в диахроническом аспекте — в период зарождения журналистики как социального института, что и стало задачей данной статьи.

Иллюстративный материал извлечен нами из годовых комплектов «Ведомостей»¹ за 1709 и 1719 гг., то есть периодов первого и второго десятилетия XVIII в. с разницей в 10 лет. При этом существенно, что «Ведомости» 1709 г. (с февраля по июль) — года победы в Полтавской битве — в основном представляют собой реляции, донесения, письма военачальников и даже самого государя с мест баталий, комплект же за 1719 г. по традиции «Ведомостей» включает в себя зарубежные новости и в меньшей степени новости отечественные. Авторское присутствие обнаруживается и в подборе материалов, событий, фактов, и в форме их преподнесения читателю.

Экспликация субъективно-модальных смыслов в газетных текстах во многом обуславливается интенцией автора, его намерением не только продемонстрировать факты, явления, события как отражение окружающей действительности в их временной отнесенности (уже произошло, происходит сейчас или только будет происходить), но и квалифицировать их как достоверные, истинные (ложные), важные, полезные, желательные и т.д. При этом на фундамент объективной модальности надстраивается субъективный модальный пласт, отражающий отношение автора к сообщаемому с помощью целого арсенала средств (см.: [1; 8] и др.).

В определенном смысле позиция автора выявляется при квалификации им источника информации, при этом напомним, что в большинстве случаев ссылка на источник не является обязательным структурно-содержательным элементом новости, в газетном тексте часто называется лишь место, откуда получена информация (по известной формуле *Изъ — название места — пишутъ*), однако в донесениях и реляциях за 1709 г. информация всегда предваряется точным указанием на источник — лицо биографическое, реальную историческую персону, например: «...писальъ изъ армейи господинъ генераль отъ кавалерии князь меншиковъ» (1709, №1, 15)²; «...писальъ из местечка глинска господинъ фелтъмаршалъ шереметевъ» (1709, №2, 15); «От господина полковника Яковлева оуведано...» (1709, №5, 19); «Изъ ливы отъ коменданта ржевского...» (1709, №7, 20).

¹ Примеры приводятся по изданию [3]. В скобках указываются год, номер газеты и страница, на которой находится пример в данном издании.

² В приводимых примерах сохраняется орфография и пунктуация источников, но используется упрощенная графика: буквы греческого алфавита *кси, пси, фита, омега, ук, иже*, а также старославянские буквы *ять, юс малый, юс большой* передаются буквами современного русского алфавита.

В годовом газетном комплекте за 1719 г. помимо подобного обозначения источника информации — например, «Реляция капитана Наума Снявина с корабля Партемуия...» (1709, №1, 251) — частотны примеры с акцентированием обобщенно-абстрактного, неофициального и даже неустановленного характера источника информации, в том числе на уровне слухов, маркерами чего чаще всего являются лексемы с прозрачной семантикой (*слух, молва*), вводные конструкции с глаголами 3-го лица множественного числа *говорят, сказывают*, предикативом *слышно*, а также с достаточно устойчивыми в этот период формулами *молва / слух носится, ведомость получена / учинилась* и под.: «Сказывают что намерение въ томъ такое есть, чтоб идти атаковать Мастрандъ, или Готенбургъ» (1719, №2, 264); «Слухъ носится, что будто Англичаня взяли три Гишпанские карабля...» (1719, №3, 267); «Получили ведомость, что Конференции на острове Аланте паки начались» (1719, №6, 279); «Сказывают, что 6 советниковъ отъ Ренского парламента уже побежали» (1719, №28, 349); «И говорятъ что те беглые почитаи все въ нашу службу идуть» (1719, №29, 354).

Таким образом, в случаях, когда автор решает указать источники информации, очевидными становятся две основные типичные коммуникативные ситуации: 1) с точным обозначением *официального источника* (в том числе писем, депеш, донесений, приказов, указов и т.д.), с указанием *исторически реальной персоны*, реже — без такого указания; 2) с обобщенно-абстрактным обозначением неофициального источника.

В первом случае имплицитно формируется значение достоверности по отношению к сообщаемому за счет доверия источникам информации, во втором — открываются возможности для еще большего проявления авторской позиции. Проиллюстрируем реализацию таких возможностей за счет дополнительного использования модально маркированных (нагруженных) средств: «Сказывают что можетъ быть вскоре поедеть онъ въ Голландию моремъ» (1719, №26, 346). В этом и подобных примерах на обозначение недостоверного источника информации наслаивается субъективно-модальное значение неуверенности и сомнения автора в том, что номинируемое событие произойдет, подчеркивается гипотетический характер новости, отнесенной к плану будущего. Иногда после упоминания недостоверного / неофициального характера источника информации автор считает необходимым дополнительно акцентировать гипотетичность сообщаемого, например: «...о чемъ время возможно насъ лучше изъяснить» (1719, №3, 266); «...о чемъ время лучше возможно намъ изъяснить» (1719, №4, 268), предлагая читателю подождать развития событий и получить в будущем либо подтверждение, либо опровержение сообщаемого.

При неустановленном / неофициальном источнике информации у автора тем не менее может быть цель подчеркнуть ее достоверность и собственную уверенность в сообщаемом, чтобы сформировать такое же отношение к новости и у читателей. Чаще всего для реализации этой цели отбираются лексические средства с важной для контекста и намерений автора семой «истинный»: «А потомъ такожь получили *подлин-*

ную ведомость...» (1709, №5, 18); «...понеже его царское величество какъ от неприятельскихъ перебежчика, такъ и от полоняниковъ *подлинное* оуведомление получилъ...» (1709, №8, 22); За *подлинно* говорятъ, что Король вначале будущаго года коронованъ быть имеетъ» (1719, №5, 275); «...*подлинно* есть, что Маркизь Карачиоли... убить» (1719, №8, 287).

В жанре реляций (донесений с места событий) коммуникативные роли автора текста и непосредственного участника событий часто совпадают, что, безусловно, повышает доверие к информации, передаваемой, что называется, «из первых уст»: «И неприятель увидель оную *нашу* наступающую на нихъ партию, в порате себя поставили за рогатками в три рядъ... где *наши* спешась наступили» (1709, №2, 16); «...чего ради *мы*... къ помянутому городу пошли» (1709, №5, 18); «Доношу вашему Величеству, сего маиа противъ 24 числа въ полночь увидели *мы* три судна... и потомъ выпалилъ *я* из пушки... тогда *я* шведской флагъ спустил и поднялъ... флагъ Россииской» (1719, №1 251); «...5 числа сего месяца продолжили *мы нашу* стрельбу» (1719, №19, 324).

Актуализаторами модальных смыслов в подобных примерах становятся лексические и лексико-грамматические средства: лексика положительной оценки, личные и притяжательные местоимения — и в целом использование тактического коммуникативного приема «свидетельство очевидца» (третьего лица — участника событий) либо даже «личное свидетельство» (от первого лица)

В числе прочего такие «эффекты включенности» постепенно формируют прообраз репортажного жанра. Недаром исследователи справедливо полагают, что многие информационные заметки в «Ведомостях» тяготеют к событийному репортажу — в них представляется зримая динамичная картина произошедших в реальности и описываемых событий: например, о действиях русской армии повествуется в третьем лице, но обязательно с местоимением *наш*: «*наши* переправились», «*наши* разбили» и т.д. [12]. Использование автором местоимения *наш* в силу специфики грамматического значения категории притяжательных местоимений (принадлежащий кому-, чему-либо) позволяет внести в квалификацию событий / фактов смысловые штрихи сопричастности, сопереживания, эмоциональной включенности в описываемые явления.

Авторское отношение к сообщаемому обозначается в том числе и с помощью инсталляции в текст специальных маркеров («авторских ремарок») — **вводных слов, словосочетаний и конструкций** со значением различной степени уверенности / неуверенности, традиционно относящихся к плану выражения субъективной модальности [6; 7]. При этом обращает на себя внимание специфика употребления данных экспликаторов с прозрачной модальной семантикой в зависимости от жанровых характеристик газетных текстов. Так, в комплекте «Ведомостей» за 1709 г. в реляциях подобные конститuentы авторами не используются, поскольку, как уже отмечалось выше, в этих типах текстов, близких к репортажному жанру, автор является непосредственным участником либо наблюдателем описываемых событий и не имеет

необходимости дополнительно подчеркивать собственную уверенность / неуверенность, а также достоверность сообщаемого. В годовом комплекте за 1719 г. экспликатеры значения уверенности / неуверенности адресанта в реальности событий и фактов используются в зависимости от намерения автора и группируются в два основных блока:

– с общим значением *проблематичной достоверности, низкой степени уверенности, сомнения автора* по поводу сообщаемого события или факта: «...принцесса Сабицкая... кажется быть великого ума» (1719, №2, 262); «И тако по видимому превеликая у нихъ во всякомъ нужда» (1719, №6, 276); «Здешний дворъ кажется не много печалится о гибели городовъ» (1719, №20, 329); «...и может быть станется такъ, что учинять оную провинцию простымъ генералитетомъ» (1719, №26, 346);

– с общим значением *категорической достоверности, высокой степени уверенности автора*: «...а в нынѣшнемъ году конечно повелено отделать» (1719, №2, 260); «И въ нихъ гарнизоны быть имеютъ въ такой силе, чтобъ конечно кубанцомъ проходить въ рубежи Россииские было невозможно» (1719, №13, 260); «Въ Шведской стране уронъ конечно вдвое или втрое больши нашего» (1719, №15, 310).

Обращает на себя внимание как количественное преобладание вводных слов и словосочетаний со значением неуверенности (сомнения), так и их более обширный ассортимент с точки зрения разнообразия: со значением уверенности в рассматриваемых текстах встречается практически единственное вводное слово *конечно*, тогда как в целях выражения антонимичного значения используется целый арсенал средств, что видно даже по вышеприведенным примерам.

Таким образом, весьма отчетливо прослеживается реализация субъективно-модальных значений уверенности / неуверенности как ключевых компонентов модального поля достоверности.

Еще один заметный актуализатор авторского отношения к сообщаемому – использование устойчивых словосочетаний типа (с) *божиею помощью, слава богу* и т.п.: «...на последокъ божиею помощью наши их прогнали» (1709, №1, 15); «до света с божиею помощью напередъ зачали войска наши чрезъ мостъ въ лице неприятеля переходить» (1709, №5, 17); «Сие все събожиею помощью съделано безъ великой утраты людей» (1719, №1, 252); «О протчихъ здесь древнихъ и новыхъ благихъ духовныхъ и мирскихъ делахъ, слава богу, весьма видимо, твердое созидание, и истинное во всемъ осмотрение» (1719, №2, 11); *Съ помощью Божиею* оной Каравль... въ новую гавень введенъ» (1719, №11, 294).

С одной стороны, данный факт является отражением в новых текстовых (газетных) форматах ценностных основ христианского мира, воплощенных и закрепленных в проповедях, летописях, сказаниях, церковных текстах старшего периода, что подчеркивает единство и преемственность глубинных сущностных духовных ориентиров русского человека, его сакральную связь с богом, без которого невозможны ни мирские достижения, ни военные победы. С другой стороны, это один из способов представить реальные события / факты как особенно важные, значимые.

Позиция автора текста «Ведомостей» довольно прозрачно обозначается и путем использования **модально-оценочной лексики**, которая выражает как положительные, так и отрицательные эмоционально-экспрессивные реакции на исторические события и поступки их участников. Чаще всего авторская эмоционально-оценочная характеристика событий дается по традиционной шкале «хороший / плохой» с помощью качественных прилагательных *добрый, славный, храбрый, злой, худой, великий, жестокий, плохой* либо «хорошо / плохо» с помощью соответствующих наречий (предикативов): «И учинилъ съ онымъ *доброу* отпоръ» (1709, №1, 15); «Всякимъ *добрымъ* способомъ домогался в стороне цесарского величества оную склонить» (1709, №6, 2); «...при такой *безмерной трудной* переправе... малыми людьми многимъ тысячамъ противитись имъ могли» (1709, №5, 18); «Такъ все и оставили молоко, масло, и хлебъ *худой* съ корою» (1719, №6, 276); «...а цесарцы пошли за ними въ *добромъ* строю» (1719, №8, 286); «А остальные въ зело *худое* состояние приведены» (1719, №18, 322); «...арестовали въ некоторомъ британскомъ замке 17 Шляхтичевъ *зломысленныхъ*» (1719, №28, 349); «Приехали туды пять *славныхъ* юрисконсультовъ изъ Флоренции» (1719, №29, 354); «...но осаженные также *хорошо* обороняются» (1719, №30, 354). Именно в рассматриваемом годовом комплекте «Ведомостей» за 1709 г. представлено известное сообщение Петра I о победе в Полтавской битве, в котором авторская позиция ярко выражена посредством использования оценочной лексики: «Объявляю вамъ о зело *превеликой и неначаемой* виктории...» (1709, №11, 24). Иногда автор специально подчеркивает важность и значимость новости, используя эмоционально-оценочную лексику: «Получили мы две *радостные* ведомости объ изрядной надъ неприятелемъ победе» (1709, №5, 20); «...отъ коль поехалъ онъ... съ *приятною* ведомостию» (1719, №3, 268); «Сии две ведомости суть *великою важности*» (1719, №15, 311).

Модальный потенциал **частиц**, которые играют роль «интенсификаторов» авторской позиции [9, с. 35], также позволяет автору выразить отношение к событиям и фактам. Чаще всего подчеркивается исключительность, важность существенных для структуры новостной информации элементов (действия, его субъектов / объектов) путем употребления **ограничительно-выделительных частиц**: «...и драгунские полки отпустилъ, *толко* оставить при себе гранадерские полки» (1709, №1, 15); «...а большая часть немецкихъ офицеровъ... побито, но *толко* главные офицеры ушли» (1709, №8, 21); «И по некоторыхъ малыхъ разговорахъ изволилъ Его Величество съ нимъ итти въ спальню съ которыми *толко* быть Князь Куракинъ» (1719, №1, 261); «Наши люди взяли отъ оной *толко* частицу» (1719, №30, 354). Не менее активна позиция автора, заключающаяся в необходимости усиления, вычленения, актуализации значимых аспектов в информации (преимущественно о самом событии), которая выражается с использованием **усилительных частиц**: «...Неприятель оную крепость *уже* несколько разъ жестокимъ приступомъ атаковалъ, и хотя съ великимъ оурономъ отбить, и чрезъ

выласки многие людей потеряль, однако *жь* до сего времени помянутой городъ въ крепкой блокаде держится» (1709, №7, 17); «И *даже* до шведского главного квартеру, жукова, за ними гнались» (1709, №10, 23); «Многие генералы *уже* поехали отсель къ своимъ респективнымъ постамъ» (1719, №2, 264); «Галанские три корабля *уже и* пришли» (1719, №28, 349).

Употребление *вопросительных частиц*, встречающихся в рассматриваемых газетных текстах несколько реже, позволяет автору выразить сомнение в подлинности сообщаемой информации: «И *неведомо* еще *подлинно*, продолжать *ли* они свои путь» (1719, №2, 264); «...и того для нынешняго лета *едва может ли* въ окончание приттить» (1719, №14, 304). В приведенных примерах также очевиден модальный синкретизм, когда субъективно-модальные значения неуверенности, сомнения формируются за счет использования комплекса средств выражения: экспликаторов с главной семой «незнание», лексико-грамматических средств ситуативной модальности и др.

Уже в первой отечественной печатной газете такой модальный синкретизм становится еще более очевидным на текстовом уровне, когда комбинация разных модальных средств позволяет автору выразить необходимые ему смыслы по поводу сообщаемого, например не просто особо подчеркнуть гипотетичность, но и предложить дожидаться подтверждения информации: «*Разсеялся слухъ*, что Гишпанской Король отпавилъ графа Пинто сюды, для договору о мире. Но обаче *потребно ожидать* въ томъ *подтверждения* прежде нежели тому верить» (1719, №3, 268); «...но понеже по всемъ симъ ведомостямъ, видна в онои Акции великая до ныне *разность*, того ради *потребно* о томъ *ожидать*, для *верного и подлинного* известия *безпристрастныхъ* авизеи и конфирмаций, которые, *может быть*, приидуть на будущей почте» (1719, №7, 284).

При этом попутно автор решает и другие важные коммуникативные задачи: поддержать интерес к событию / факту, анонсировать следующие новости по теме, привлечь и закрепить читательский интерес к ней. А такое бережное отношение к фактам, которые не проверены и могут оказаться не соответствующими действительности, по сути, в определенной мере говорит о зарождении принципа социальной ответственности — и адресанта как наиболее активного субъекта массовой коммуникации, и института журналистики в целом.

Таким образом, помимо осознанной актуализации адресантом коммуникативно значимой информации, происходит и обогащение сообщения о положении дел модально-кваликативными оттенками. В совокупности это позволяет подчеркнуть особо ценную для автора информацию и отразить его мнение по отношению к представляемым читателю событиям, фактам, явлениям, а в целом — усилить прагматический эффект газетных текстов, что довольно четко и последовательно прослеживается уже в период зарождения и становления отечественной журналистики.

Список литературы

1. Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Соотношение объективной и субъективной модальности в текстах первых отечественных газет // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. №4 (108). С. 98–103.
2. Ваулина С. С., Кукса И. Ю., Пробст Н. А. и др. Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2018.
3. Ведомости времени Петра Великого: В память 200-летия первой рус. газ. : в 2 вып. М., 1903–1906. Вып. 2.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
5. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.
6. Кукса И. Ю. Оценка уверенности адресанта в газетных текстах XVIII века // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. / под ред. С. С. Ваулиной, В. И. Грешных. Калининград, 2009. С. 200–206.
7. Кукса И. Ю. Субъективная модальность в газетном тексте (на примере публикаций М. Горького середины 90-х годов XIX века) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2010. №1 (11). С. 26–30.
8. Кукса И. Ю. Синтаксические экспликативы авторской модальности в газетном тексте (на примере «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей» XVIII века) // Политическая лингвистика. 2012. №1 (39). С. 190–194.
9. Нагорный И. А. Актуализационно-прагматическая функция модальных частиц в публицистических текстах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. №24 (221). С. 30–35.
10. Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб., 2003.
11. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
12. Солганик Г. Я. Автор как стилообразующая категория публицистического текста // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2001. №3. С. 74–83.
13. Тоцев А. И. Петровские «Ведомости» как тип издания // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 184–199.

Об авторе

Ирина Юрьевна Кукса – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: kiu@zf.ranepa.ru

The author

Dr Irina Yu. Kuksa, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: kiu@zf.ranepa.ru

Е. М. Шентухина, Н. И. Тихонова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕЛОВЫЕ ПИСЬМА
СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА
В АСПЕКТЕ ЖАНРОВОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме квалифицирования документов разных жанров, которая возникает в процессе создания лингвистических корпусов малодоступных исторических актовых источников, хранящихся в региональных архивах. Материалом для работы избран фонд Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области (фонд 332, опись 1). С целью описания жанровых параметров документа для его автоматического распознавания произведена параметризация деловых писем, датированных 1753 г. Установлено, что в системе делопроизводства, существовавшей в канцеляриях Войска Донского, деловые письма представляют собой распорядительные документы, обеспечивающие ведение следствия. Выявлены речевые средства выражения параметров жанра, сопряженных с коммуникативной ситуацией и формуляром документа: название, адресант, адресат, функция, структура, характер передаваемой информации, пространственно-временная локализация документа. Утверждается, что деловые письма являются отдельным видом документа, однотипность их структуры и незначительная вариативность в реализации жанровых параметров позволяют автоматически определять жанр при отсутствии самоназвания документа.

The relevance of the study is determined by the need to create linguistic corpora of historical sources – the acts and other documents of limited accessibility, which are kept in regional archives. The material for the work was the Mikhailovsky village ataman fund of the State Archive of the Volgograd Region (SAVR, fund 332, inventory 1, files 1 – 158, 1734 – 1837). In order to determine the speech markers of the document genre for its automatic recognition in the corpus, the business letters of the mid-18th century were parametrized. The study has confirmed that the Don Troops office documents contained information on investigative matters. The speech markers are determined by the communicative situation and the document form. They include a sender's name, addressee, function, structure, the type of transmitted information, spatio-temporal localization of the document. Business letters are claimed to be a particular document type. The uniformity of their structure and insignificant variability in genre parameters realization enable automatic genre identification even if the document title is missing.

Ключевые слова: история русского языка, региональная деловая письменность, документ, жанр, параметры жанра, деловое письмо.

Keywords: history of the Russian language, regional business writing, document, genre, genre parameters, business letter.

Введение

Исследование, результаты которого представлены в статье, выполнено в русле комплексного проекта, осуществляемого русистами Волгоградского государственного университета с целью создания лингвистического корпуса скорописных документов XVIII–XIX вв., хранящихся в фонде Михайловского станичного атамана (Государственный архив Волгоградской области, фонд 332, опись 1, дела 1–158, 1734–1837 гг.). Для этого проводится метаразметка документов, позволяющая автоматически определять их жанр (вид). Методологически значимыми в этом аспекте являются публикации членов исследовательского коллектива, устанавливающие параметры, на основании которых возможно квалифицировать жанр документа. Это название документа, субъекты коммуникации (адресант и адресат), функции, характер передаваемой информации, структура, доминирующая модальность, пространственно-временная локализация [4; 6]. При этом отмечается, что «параметры жанра соотносятся с общими текстовыми категориями и свойствами документа; эксплицированы в речевой структуре текста равноуровневыми средствами языка и допускают вариативность; взаимодействуют между собой, и это взаимодействие не линейное, а многовекторное и разноплановое» [4, с. 184]. В соответствии с перечисленными параметрами охарактеризованы документы середины и второй половины XVIII в., которые активно функционировали на территории Войска Донского в этот период и, следовательно, широко представлены в фонде Михайловского станичного атамана: войсковые грамоты [4; 5; 16], доношения [3; 10], пашпорты [6], рапорты [3; 5], предложения [9]. Документы других видов единичны, однако их описание в соответствии с общими критериями жанровой параметризации необходимо, поскольку оно обеспечит целостность создаваемого корпуса и возможность автоматической квалификации источников конца XVIII – первой половины XIX в. Работа по описанию таких документов уже начата, в аспекте жанровых параметров охарактеризованы сказки [15], известия и сообщения [7].

Цель данного исследования – описание жанровых параметров деловых писем. В материалах фонда документы этого вида появляются в архивных делах, датированных 1753 г.: четыре письма – в деле 8, три письма – в деле 9. Именно эти источники и рассматриваются в работе.

Результаты и обсуждение

Параметр «название» значим для определения жанра (вида) документа. Из анализируемых писем два имеют включенное в текст документа самоназвание *письмо* в сочетании с указательным местоимением *сие* (письмо о розыске краденного 29 мая 1753 г. и письмо о наряде казаков в караул на ярмарку 30 июня 1753 г.). В остальных письмах само-

название отсутствует. Для их определения используется только указательное местоимение среднего рода *сие*, например: *получа сие* (д. 8, л. 41)¹; *с получения сего* (д. 9, л. 1 об.). Отметим, что в исторических словарях слово «письмо» фиксируется в широком значении: «письменный текст различного характера и назначения» [11], «что-л. написанное, написанный текст» [12]. Однако в документах фонда это существительное используется для называния документов, требующих от адресата выполнения определенных действий, обеспечивающих ведение следственных дел. По-видимому, в системе делопроизводства канцелярий Войска название *письмо* закреплено за документами определенной тематической отнесенности.

Параметр «адресант». Анализируемые письма написаны от первого лица, о чем свидетельствуют употребленные в них личные местоимения: *Луковской станицы казаки Василеі Евтеевъ, Семень Малитвинъ, Миронъ Захаровъ, о знании и о родине живущего в Провоторовской станицы выростка [Андрея] Прокофьева мною допрашиваны [и между] протчимъ показали* (д. 8, л. 49); *имъете выслать... в Кочалинскую станицу или где... я буду обретатца* (д. 9, л. 2); *велено мне... обще з г(оспод)иномъ Раствовъскаго драгунскаго полку полковником Толстовым производит следствие х которому я на сих днях із Ъловлинской станицы и отеду* (д. 9, л. 7—7 об.); *к намъ в Кумылженскую станицу* (д. 8, л. 35).

Как правило, адресантом является отдельное конкретное лицо. В шести из семи писем это старшина, в его ведении находились отдельные отрасли управления. Указание на адресанта содержится в конце документа и осуществляется посредством антропонимов в сочетании с существительными, обозначающими статус в войсковой иерархии, например: *Базарные старшина Василъи Пушкарев и казакъ Семень Сулинъ* (д. 8, л. 41); *старшина Андреи Юдинъ* (д. 8, л. 49); *старшина Петръ Лацилинъ* (д. 9, л. 2). Особо следует сказать о письме о розыске краденного, в котором представлен коллективный адресант — все казаки станицы. Указание на него также содержится в конце письма и отражает войсковую иерархию: *Кумылженской станицы станициноу наказанои атаманъ Аврам Шылинъ старики і казаки* (д. 8, л. 35 об.).

Во всех письмах 1753 г. при указании на адресанта использовано этикетное выражение, подчеркивающее почтение к адресату: *вашемъ почтенством всегдашний слуга* (д. 8, л. 35 об.); *вам доброжелательный слуга* (д. 8, л. 49 об.); *доброжелательны слуга Воиска Донскаго* (д. 9, л. 24); *вам доброжелательный слуга* (д. 8, л. 49 об.).

¹ Здесь и далее примеры приводятся по источнику [8] с указанием в круглых скобках номера дела и листа. При цитировании источников имена собственные даются с прописной буквы, выносные буквы приводятся в строке, титла раскрываются, союзы и предлоги пишутся отдельно с последующими словоформами, в остальных случаях сохраняется орфография и пунктуация скорописных оригиналов. Реконструируемые фрагменты текста заключены в квадратные скобки.

Параметр «адресат». Адресат деловых писем коллективный, это все казаки какой-либо станицы. Указание на адресата осуществляется во всех письмах посредством речевой формулы, содержащей этикетное выражение со значением почтения (*почтеннымъ господамъ*), типичное для документов Войска сочетание существительных со значением социального статуса (*станицному атаману и казакамъ*) и локализаторы — названия конкретных станиц или также типичное для документов Войска указание на несколько станиц посредством названия реки и станиц, расположенных по ней, например: *Почтенный Господинъ Михайловской станицы станицной атаман и казаки* (д. 8, л. 49); *Почтенный г(осподи)нъ реки Медведицы Бѣресовской станицы станицн[ои] атаман и козаки* (д. 9, л. 1); *Почтенные г(оспо)да Качалинской Трехъ островянской станицъ станицные атаманы і козаки* (д. 9, л. 7—7 об.); *Почтеннымъ господам по Хопру от Ку[мыл]женской до Михайловской стан[ицы] станицномъ атаманомъ и казак...* (д. 8, л. 35).

Отношения между участниками делового общения во многом определяют его цель и выбор жанра документа. Наш материал показывает, что в Войске посредством писем осуществлялось взаимодействие между равностатусными коммуникантами (адресант и адресат письма о поиске краденого — это все казаки двух станиц) или всеми казаками какой-либо станицы и должностным лицом, имеющим полномочия для ведения следствия и, таким образом, более высокий статус.

Параметр «функция» связан с назначением документа и детерминирован его содержанием. Анализируемые деловые письма выполняют информационную и регулятивную функции. Реализация информационной функции определяется содержанием документа: тематика исследуемых деловых писем различна. В них сообщаются разнообразные сведения, большая часть которых относится к следственным делам, например информация о поиске краденого, о представлении счетов, о проведении следствия о принадлежности к казакам, о присылке казака по следственному делу и др. Регулятивную функцию исследуемые документы реализуют в силу того, что они нацелены на выражение волеизъявления адресанта. Этот параметр тесно связан с параметрами «модальность» и «характер передаваемой информации».

Параметр «модальность». Вслед за С. С. Ваулиной и И. Ю. Куксой под языковой модальностью мы понимаем семантическую категорию, в которой различаются пропозициональная и прагматическая модальность: «...составляющими пропозициональной модальности являются объективная модальность, включающая значения реальности / ирреальности (она образует ядро функционально-семантической категории модальности), и модальность ситуативная (в иной терминологии, внутрисинтаксическая, предметная), включающая значения действительности, возможности, необходимости, желательности (она выступает в качестве микрополей, формирующих периферию рассматриваемой функционально-семантической категории). В числе основных содержательных компонентов коммуникативной (прагматической) модальности находятся субъективная модальность, вопрос, побуждение» [1, с. 29].

Реализация категории модальности в документах связана с выполняемыми ими функциями [4; 17]. С регулятивной функцией сопряжены модальные значения волеизъявления и необходимости.

Модальное значение волеизъявления выражается лексически глаголами *велеть, приказать, просить*. Грамматические средства выражения волеизъявления — форма канонического перформатива *просимъ* и форма повелительного наклонения *прикажете*. Предписываемые действия обозначаются зависимым инфинитивом, конструкцией «чтобы + инфинитив», например: *велено... производит следствие* (д. 9, л. 7—7 об.); *накорно просимъ, чтобъ к намъ... писменное известие... прислать* (д. 8, л. 35 об.). Как правило, субъектом волеизъявления выступает адресант письма. Однако в некоторых письмах есть фрагменты, в которых субъектом волеизъявления является вышестоящее лицо или орган управления, например: *по силе присланной ко мне от Воиска Донскаго войсковой грамоты... велено мне... быть депутатом* (д. 9, л. 24). Указание на субъект волеизъявления осуществляется с помощью отсылки к органам управления (Воиско Донское) и к документам (*по силе войсковой грамоты*). Субъектом волеизъявления может быть также и адресат письма: *сверх же того имеющих в станицах ваших находных лошадей прикажете содержать в добром смотреии и по возвращении нашем из Михаилова явит неотменно* (д. 8, л. 41 об.) — в таком случае волеизъявление представляет собой действие, которое предписывается адресату.

Модальное значение необходимости выражается в письмах разными средствами. Регулярным из них является модальное слово *потребно*, имеющее значение долженствования, необходимости: *Потребно... под меня и обретающихся при мне несколько в подводы лошадей* (д. 9, л. 7 об.). Это модальное слово может сочетаться с зависимым инфинитивом: *потребно... из станицъ ваших против прежних обыкновеней наредит казакъ* (д. 8, л. 41). Кроме того, значение необходимости выражается в конструкциях с независимым инфинитивом: *на пищу мне со обретающимся при мне со оными подводчики прислать с каждой станицы по два хлеба и отчасти пероговъ* (д. 9, л. 7 об.); *отсылат сие письмо денно и ноцно с поспешением* (д. 8, л. 42).

С информативной функцией писем сопряжено значение реальности действия (объективная модальность), которое выражается прежде всего предложениями со спрягаемыми формами глагола прошедшего, настоящего и будущего времени, например: *казаки Василеи Евтеевъ, Семень Малитвинъ, Миронъ Захаровъ, о знании и о родине живущего в Провоторовской станицы выростка [Андрея] Прокофьева мною допрашиваны [и между] протчимъ показали* (д. 8, л. 49); *накорно просимъ, чтобъ к намъ... писменное известие... прислать* (д. 8, л. 35 об.); *следствие х которому я на сих днях из Ыловлинской станицы и отеду* (д. 9, л. 7 об.).

Помимо этого, для описания событий в прошлом использованы формы страдательных причастий прошедшего времени, например: *у онаго чеботоря покрадено трое сапогъ... замок сломонъ и унесена винтовка да три пилы* (д. 8, л. 35). Указанные формы выражают перфектное значение. Действия, совершенные в прошлом, актуальны для настоящего, поскольку они послужили поводом для написания писем, содержащих предписание адресату.

Реальность действия в будущем передается предложениями со спрягаемыми формами будущего времени: *я на сих днях из Бловлинской станицы и отеду* (д. 9, л. 7 об.), спрягаемыми формами будущего времени в сочетании с инфинитивом: *за что вам с охотою за трут **уплатит подищимся*** (д. 8, л. 35 об.), с краткими страдательными причастиями прошедшего времени со вспомогательным глаголом *быть* в форме будущего времени: *поиманъ **будеть*** (д. 8, л. 35 об.). Относя формы будущего времени к средствам выражения объективной модальности, мы опираемся на мнение А. В. Бондарко, который считал, что в семантике будущего времени реальность представлена в «широком смысле, поскольку для того, чтобы ситуация стала реальностью, необходимо проявление намерения совершить данное действие, а следовательно, возможно осложнение “футуральной фактичности” различными элементами потенциальности и степени вероятности» [13, с. 73]. Особенно ярко это проявляется при употреблении форм будущего времени в условных придаточных предложениях. Например: *ежели где **явитца** и кемъ в которой станицы **поиманъ **будеть****, о томъ вас... **пакорно просимъ** чтобъ к намъ в Кумылженскую станицу писменное известие чрезъ станицы обь вышеписанной покражи в непродолжительномъ времени прислать* (д. 8, л. 35 об.). В приведенном примере значение объективной модальности сочетается со значением волеизъявления, поскольку в главной части сложного предложения называются действия, которые необходимо предпринять в случае возникновения ситуации, описанной в придаточном предложении.

Параметр «структура». Анализируемые письма характеризуются однотипной структурой. В исследованиях, посвященных документам XVIII в. разных видов, установлено, что деловые письма, как правило, имеют три части [2–4; 6; 15]. Анализируемые письма тоже трехчастны. Начальная часть содержит указание на адресата. Основная часть состоит из двух блоков: первый, мотивировочный, содержит описание положения дел (ситуации), второй, констатирующий, — собственно просьбу или распоряжение. Мотивировочная часть вводится оборотом *сего числа* и/или отсылкой к документу, послужившему основанием для распоряжения, например: *сего мая 28(го) дня в ноци в нашей станицы у вдавой женки калмычки...* (д. 8, л. 35); *сего июля 19 дня по силъ присланной ко мне от его... Воиска Донскаго воисковаго наказнаго атамана Стевана Даниловича воисковой грамоты и при оной приложенной с присланной к воиску донскому из гдрьст[...]нной военной каллегии ЕЯ I(МПЕРАТОРСКОГО) В(ЕЛИЧЕСТВА) высочаишеи грамоты копии...* (д. 9, л. 1). Распорядительная часть открывается перформативом *просим* (и далее следует содержание просьбы) или речевыми оборотами *того ради*. Заключительная часть содержит указания на адресанта, дату создания документа. Перечисленные элементы структуры обязательны, порядок их расположения не варьируется. Отметим, что анализируемые письма отражают формирование формуляра (набора реквизитов документа), поскольку некоторые элементы документа графически выделены из текста и стабильно воспроизводятся в одной и той же части листа: дата создания документа указана после основного текста слева, адресант — справа.

Кроме обязательных элементов, в структуре письма могут быть представлены факультативные. В некоторых письмах встречается указание на место создания документа, этот элемент формуляра, как правило, выделен из текста и расположен после него слева под указанием даты создания документа: *Кумылженская* (д. 8, л. 35 об.), *Ильинская станция* (д. 9, л. 2). В письме о наряде казаков в караул на ярмарку в начальной части расположено приветствие: *Почтенные г(оспо)да от Букановскои до Михайловскои станицъ станицные атаманы: старики и молодцы многолетно здравствуйте* (д. 8, л. 41). В этом же письме представлен и необязательный структурный элемент постскриптум. Он содержит дополнительную информацию, которую адресант счел необходимым выделить. Постскриптум располагается после основного текста и маркирован сокращением «РЗ». Например, в «Письме о наряде казаков в караул на ярмарку» после заключения читаем: *РЗ в скоромъ поспешении РЗ сверх же того имеющих в станицах вашихъ находных лошадеи прикажите содержать в добром смотрении и по возвращении нашем из Михайлова явит неотменно опасаясь за утаику, или чье доказательства неизбежимаго штрафа* (д. 8, л. 41 – 41 об.).

Параметр «характер передаваемой информации» сопряжен с параметром «функция». В соответствии с информативной функцией письмо передает фактуальную информацию. Прежде всего это сведения по делу – подробное изложение ситуации.

Фактуальная информация актуализируется посредством вербально-цифрового обозначения даты и места создания документа: *(июля 25 дня 1753г(о) году; сентября 12(го) дня 1753(го) году река Иловла)*, официального именования людей (*Еермей Степанов, Арэфий Федоров, Аверьян Сербин* и др.), использования гидронимов и ойконимов (названия станиц, рек), наименований видов документов (*воисковая грамота, указ ЕЯ I(МПЕРАТОРСКОГО) В(ЕЛИЧЕСТВА), репорт, известие, промемория*); указания на социальный статус (*станицный атаман, полковник, казак, старики, старшина, управитель, кузнец, чеботарь*) и родство (*отец, сын, племянник*).

Информация фактуального характера формирует содержание анализируемых документов. Однако кроме нее в письмах передается и социокультурная информация, которую, по мнению М.В. Косовой, «можно понимать как культурно-исторический фон, знания, обуславливающие достоверность интерпретации фактуальной информации. Передача такой информации не является целью документа, но содержание текста отражает определенную систему социальных координат, канонов отношений, правил, которые существовали в Войске Донском» [6, с. 11 – 12]. Социокультурный характер имеет информация о войсковой иерархии и коллективном управлении войском, об организации ведения следствия, о хозяйственной деятельности (организация ярмарки), бытовом укладе, специфике вооружения казаков и т. д.

Параметр «пространственно-временная локализация». В изучаемых исторических документах пространственная локализация пред-

ставлена реальным пространством, соотносимым с реальной действительностью, и социальным пространством, которое соотносится со структурой общества (подробно средства реализации пространственной локализации, отраженной в деловых письмах, охарактеризованы в [14]). Реальное пространство, окружающее коммуникантов, выражается различными языковыми средствами: топонимами (часто они употребляются с апеллятивами: *река Хопер, речка Иловля, станица Букановская* и т. д.); нарицательными существительными, обозначающими пространственные объекты, наименованиями казачьих поселений (*станлица, хуторь*), зданий (*домь*), места осуществления определенного действия, например торговли (*ярмарка*); прилагательными, образованными от наименований рек, населенных пунктов, выражающими отношение предметов и людей к определенной местности или административному учреждению (например, *хоперский, донской, астраханский, станичный*); наречиями и местоимениями со значением места (например, *сюда, обратно, где, здешний*); глаголами местоположения (*обретаться, находится*) и глаголами перемещения в пространстве (*переходить, отъехать, отправитъ, выслать, прислать, явиться* и др.), а также отглагольными существительными, которые сохраняют семантику перемещения (*возвращение, отсылка, переезд* и др.). Репрезентация пространственных отношений в деловых письмах происходит в рамках предложно-падежных конструкций с семантикой места (*в* + предл. п.), исходного (*из, от* + род. п.) и конечного пунктов движения (*до* + род. п., *к* + дат. п.): *в* доме ея котораи жителство имеют (д. 8, л. 41); *от* Ку[мыл]женскои до Михаиловскои стан[ицы], *из* станицъ ваших против прежних обыкновеи наредит казаковъ (д. 8, л. 41); *прислано'* къ Воиску Донскому *из* государственной военной коллегии грамоты (д. 9, л. 7).

Социальное пространство отражает место определенных субъектов в обществе и характер их отношений — прежде всего это иерархия в структуре Войска Донского. Социальное пространство представлено названиями различных учреждений, имеющих определенное местоположение (*Астраханская рыбная контора, государственная военная коллегия*), наименованиями военных подразделений, которые имеют точное местоположение (*Ростовский драгунский полкъ*), и укреплений, предназначенных для обороны (*Хоперская крепость, Царицынская линия*). В текстах документов присутствуют наименования пространства, в котором осуществляется профессиональная деятельность субъектов (*кузня, тульская оружейная слобода*).

Выявляя временную локализацию документов, мы опираемся на предложенное А. В. Бондарко определение синтаксического времени как семантической категории, которая отражает понимание и осмысление человеком времени обозначенных ситуаций и их составных частей по отношению к моменту речи говорящего или другой точке отсчета [13, с. 5]. В анализируемых письмах представлен ситуативно актуализированный тип речи, который, по словам А. В. Бондарко, отличается непосредственной связью содержания высказывания с ситуацией речи [13, с. 5]. Моментом речи для письма является время его создания.

Средствами актуализации временного дейксиса выступают различные лексические конкретизаторы, обозначающие время (точно, определено, либо неточно, неопределенно). В деловых письмах представлены определенно-фиксированная временная ориентация (например, *назад де тому летъ з двадцать, тотчас, того ж часу*) и неопределенно-фиксированная временная ориентация (*на сих днях, давно, прошлыхъ летъ, в непродолжителномъ времени*).

В письмах используются единицы, обозначающие даты написания и получения писем, отрезки времени для исполнения поручений, намеченные даты осуществления какого-либо действия. Эти обозначения выражают как точные временные координаты событий и действий (год, месяц, число), так и относительные, указывающие на события, известные субъектам коммуникации (*летъ з дватцать по смерти ево*), или на соотношение времени с основной датой письма (*тотчас, с получении сего*).

На морфологическом уровне временная локализация осуществляется посредством глагольных форм времени, выражающих действия, которые происходили, происходят или будут происходить (формы прошедшего, настоящего или будущего времени охарактеризованы нами при описании параметра «модальность»).

Заключение

Реализация рассмотренных параметров в их взаимодействии и особенности речевого выражения позволяют охарактеризовать деловое письмо как жанр (вид) документа. Оно выполняет регулятивную и информативную функции, имеет действие в границах Области Войска Донского. Деловые письма обеспечивают ведение следственных дел, исходят, как правило, от уполномоченного на ведение следствия должностного лица, направляются коллективному адресату и характеризуются как нейтральным (в мотивировочной части), так и императивным (в распорядительной части) тоном. Они отражают реалии жизни казачьего сословия на данной территории в данный исторический период.

Результаты, полученные на материале источников, датированных 1753 г., могут быть уточнены в ходе анализа документов фонда второй половины XVIII — начала XIX в., однако в создаваемом лингвистическом корпусе деловые письма могут быть представлены как отдельный вид документа, а однотипность их структуры и незначительная вариативность в реализации жанровых параметров дают возможность автоматически определять жанр при отсутствии самоназвания документа.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00246 «Параметризация текстов как основа создания лингвистического корпуса архивных документов XVIII – XIX вв. канцелярий Войска Донского».

Список источников и литературы

1. Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Модальность предложения — модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия : сб. науч. тр. Калининград, 2010. С. 25–34.
2. Выхристюк М. С. К вопросу о выработке формуляра делового текста г. Тобольска второй половины XVIII века // Вестник Челябинского университета. 2008. №16. С. 34–39.
3. Горбань О. А. Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в.: источниковедческий анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, №4. С. 45–59. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>.
4. Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда Михайловский станичный атаман) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, №4 (157). С. 182–199. doi: [10.15826/izv2.2016.18.4.074](https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.074).
5. Косова М. В. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // Текст в языке, речи, культуре : сб. науч. ст. Минск, 2016. С. 123–134.
6. Косова М. В. Жанровые параметры паспорта середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2019. Т. 18, №2. С. 6–15. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>.
7. Косова М. В. Параметризация текстов документов как способ жанровой идентификации // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. №1. С. 48–55.
8. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332. Оп. 1 (Михайловский станичный атаман).
9. Сафонова И. А. Композиционно-речевые особенности предложений канцелярии Области Войска Донского (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура : сб. ст. по матер. междунар. науч. конф. «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 1–3 декабря 2017 г.). Н. Новгород, 2018. С. 274–280.
10. Сафонова И. А. Структурные и речевые особенности доношений XVIII века (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Документ как текст культуры. Тула, 2017. С. 48–52.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989.
12. Словарь русского языка XVIII века. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 14.03.2020).
13. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.
14. Тихонова Н. И. Реализация жанрового параметра «локальность» в региональных деловых письмах середины XVIII в. // Молодой ученый. 2019. №18. С. 71–74. URL: <https://moluch.ru/archive/256/58703/> (дата обращения: 25.05.2020).
15. Шептухина Е. М. Жанровые параметры сказки как документа середины XVIII века в аспекте создания лингвистического корпуса // Научный диалог. 2019. №11. С. 114–129. doi: [10.24224/2227-1295-2019-11-114-129](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-114-129).

16. Шептухина Е.М. Сфера субъекта региональных документов XVIII века: динамический аспект // Научный диалог. 2017. №1. С. 46–59.

17. Шептухина Е.М., Горбань О.А. Войсковые грамоты середины XVIII в. в аспекте категории модальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2015. Т. 14, №5. С. 7–18.

Об авторах

Елена Михайловна Шептухина – д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: em_sheptuhina@volsu.ru; iryas@volsu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Наталья Ивановна Тихонова – магистрант, Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: ni.tihonowa@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3972-5378>

The authors

Prof. Elena M. Sheptukhina, Volgograd State University, Russia.

E-mail: em_sheptuhina@volsu.ru; iryas@volsu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Nataliya I. Tikhonova, Master's Student, Volgograd State University, Russia.

E-mail: ni.tihonowa@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3972-5378>

ФУНКЦИИ СОМАТИЗМОВ В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА

Активно использование соматизмов в поэзии Б. Пастернака связано с особенностями мировосприятия поэта. Проведенный количественный анализ показывает, что в лирике поэта присутствует более 100 соматизмов. Из них наиболее активно используются названия, связанные со зрительным восприятием (глаза, очи, зрачок и др.), второй по значимости является рука и ее составляющие (рука, плечи, ладони, локти и др.), что определяется отображением любовного контакта. Отмечается, что человек часто представлен у Пастернака метонимически, через перечисление названий отдельных органов, представляющих и замещающих его целиком. Параллельно происходит персонификация всех сущностей мира путем присвоения им частей человеческого тела, которые выступают как олицетворяющие детали. Нередко соматизмы представлены в составе фразеологизмов, как трансформированных, так и нетрансформированных, но в обоих случаях порождается новый образный смысл, часто не заложенный в идиоматику.

The article analyzes the somatic vocabulary in the poetry of B. Pasternak. It is concluded that the poet actively uses the words of this semantic class that is associated with some peculiarities of his world perception. The quantitative analysis of somatic elements shows that more than 100 somatisms are used in the poet's lyrics. Of these, the words associated with visual perception (eyes, pupil, etc.) are most actively used, the second most important unit is the hand and its components (arm, shoulders, palms, elbows, etc.) which is determined by the representation of love contact. It is noted that a person is often represented metonymically in Pasternak's poetry through the enumeration of individual organs that represent and replace him entirely. Simultaneously, all the entities of the world are personified by assigning them parts of the human body which act as personifying details. Often somatisms are presented as part of phraseological units, both transformed and not, but in both cases a new figurative meaning is generated, often not embedded in these idioms.

Ключевые слова: Пастернак, соматизмы, олицетворение, картина мира, фразеологизмы.

Keywords: Pasternak, somatisms, personification, world image, phraseological units.

Соматизмы, или соматическая лексика, представляют интерес, поскольку определяют модель языковой картины мира поэта и особенности его восприятия. Это связано с тем, что процесс осознания себя в мире у человека начинается с ощущений, возникающих непосредственно через органы чувств и части собственного тела. Соматическая лексика служит в художественном тексте и одним из средств создания экспрессии, тем более что она часто используется в составе фразеологизмов.

В настоящее время подробно изучена лингвосоматика Ф. Тютчева [1; 10; 13], М. Цветаевой [5], Б. Ахмадулиной [13], причем в последней работе отмечается влияние на Б. Ахмадулину лирики Б. Пастернака. В исследовании Д. М. Плужниковой приводятся сравнительные таблицы по частоте и разнообразию использования соматизмов поэтами XIX—XX вв. (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Ахмадулина, у каждого было рассмотрено по 100 стихотворений) [9, с. 36]. Пастернак оказывается на третьем месте по количеству словоупотреблений вслед за Лермонтовым и Ахмадулиной (385 против 460 и 411) и на первом месте по разнообразию (94 против 90 у Мандельштама и 63 у Цветаевой), правда, при этих расчетах учитывалось слово «душа», которое мы не включаем в список соматизмов.

Квантитативный анализ соматических элементов Б. Пастернака был проведен нами по изданию [6, т. 1—3] причем учитывались и произведения, не включенные в основное собрание и другие редакции (тексты Пастернака цитируются также по этому изданию). Всего в поэзии Б. Пастернака насчитывается около 100 соматизмов, без учета стилистических вариантов типа *глаза — очи, палец — перст, лоб — чело, губы — уста* и т. п. и различий по числу. Самый большой класс составляют названия, связанные со зрительным восприятием: *глаза* (84), *очи* (12), *зрачок* (5), *глазной белок* (3), *глазницы* (2), *глазные впадины* (1), *глазной хрусталик* (1), всего 108 словоупотреблений. Преобладание зрительных соматизмов в поэзии Пастернака можно объяснить как общей тенденцией преобладания зрительного ощущения над всеми другими, так и особым вниманием поэта к проблемам видения. Это подтверждают и исследования, изучающие другие лингвистические средства выражения ситуации зрительного восприятия у Пастернака, прежде всего глагольную лексику (*смотреть, видеть, глядеть* и их дериваты) [2; 3], причем авторы делают вывод о том, что «ситуация зрительного восприятия и мыслительной деятельности тесно связаны между собой и представляют единый когнитивный механизм» (ср.: *Я вижу сквозь его пролеты Всю будущую жизнь насквозь*) [2, с. 23]. Недаром М. Цветаева в «Световом ливне» прежде всего пишет о глазах Пастернака: *Громадная, тоже конская, дикая и робкая роскошь глаз (Не глаз, а око)* [14, с. 328], подобное же сравнение представлено и в его собственной метонимической метафоре из цикла «Боллезнь» (1918—1919): *Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса Гляжу, страшась бессонницы огромной.*

В отличие от многих других поэтов, Пастернак наделяет глазами и зрением окружающие его неживые объекты, персонифицируя их путем приписывания своей собственной отраженной способности видеть. Это объекты окружающей природы — вода, заря, небо, небосклон, горы: *Глаза зари в глаза воды Глядят, зимуя в изумруде* («Заря на севере», 1917), *И зоркий, как глазной хрусталик, Незастекленный небосклон* («Волны», 1931), *Здоровый глаз за веко спрятав, Над чем смеешься ты, Казбек?* (1931); растения и их плоды: *Чтоб видели очи фиалок и крокусов, Как сомкнуты веки бредущего* (вариант «Марбурга», 1916), *Снедаемый небом, с*

зимой в очах, Распухший кустарник был бел, как испуг («Болезнь», 1918–1919), *Но в чайной, где черные вишни Глядят из глазниц и из мисок На веток кудрявый девичник* («Мухи мучкапской чайной», 1917); неживые садовые и комнатные объекты, которые порой сливаются с живыми: *И вот, в гипнотической этой отчизне Ничем мне очей не задуть*. Так после дождя проползают слизи *Глазами статуй в саду* («Зеркало», 1917), *Но по ночам! Как просят пить, как пламенны Глаза капсуль и пузырьков лечебных!* («Болезнь», 1918–1919), *И не напрасно лампа с жаром пялит Глаза в окно и рвется со стола* («Спекторский», 1925–1931). Взаимоотраженное общение взглядами принимает у Пастернака вид «погружения», «проникновения», «слияния», под стать тактильному соприкосновению: *Я ангела имя ночное врезал, И в ландышей жар погружались глаза* («Наброски поэмы о ближнем», 1917), *О, как он велик был! Как сеткой конвульсий Покрылись железные щеки, Когда на Петровы глаза наворачнулись, Слеза их, заливы в осоке!* («Петербург», 1915). Лирический субъект буквально проникает вглубь предметов глазами: *В прозрачность заплаканных дней целиком Губами и глаз полыханьем Впиваешься, как в помутненный флакон С невыдохшимися духами* («Осень», 1917), тем более что и они сами, и вся природа буквально прикасаются к его глазам: *И – целыми деревьями В глаза, в виски, в жасмин!* («Дождь», 1917).

Второй по значимости частью тела в поэзии Пастернака является *рука* и ее составляющие, причем вместе они даже преобладают над сферой *глаз*: *рука* (74), *плечи* (19), *ладонь*, *долонь*, *жменя* (14), *локти* (9), *палец* (7), *перст* (2), *мизинец* (1), *ноготь* (7), *кисть* (5), *предплечье* (3), *запястья* (1), всего 142 словоупотребления. Недаром ученые особо выделяют и тактильное восприятие у Пастернака [3], хотя в нем, как мы видели, могут участвовать другие органы, например *губы* и *щека*, ср.: *Прикосновение руки – И полвселенной – в изоляции* (1918); *Прижимаюсь щекою к воронке Завитой, как улитка, зимы* (1913, 1928).

Сразу скажем, что этот контакт может принимать причудливую, в том числе метафорическую форму. Например, в «Импровизации» (1915) игра на фортепьяно показана как кормление птиц (*Я клавишей стаю кормил с руки Под хлопанье крыльев, плеск и клетот*); при этом «Я» принимает необычную позу (*Я вытянул руки, я встал на носки*), вступая в инициированный ночью контакт (*Рукав завернулся, ночь терлась о локоть*), т.е. получая от персонифицированного окружающего мира ответные контактные движения. А. К. Жолковский в работе «Инварианты и структура поэтического текста: Пастернак» [4] анализирует последний контакт наряду с приводимым ранее контекстом *Когда на Петровы глаза наворачнулись, Слеза их, заливы в осоке!*, объясняя их общим приемом выразительности Пастернака «совмещение», в котором принимают участие пары 'человек / природа' и 'малое / большое' (ср.: *...туман Густые целовал ресницы; Рукав завернулся, ночь терлась о локоть*), и объявляет элементы этих пар равноправными партнерами.

Наиболее тесный контакт отражает любовные движения, как в стихотворении «Хмель» (1953) из «Стихотворений Юрия Живаго»: *Наши*

плечи покрыты плащом, **Вкруг тебя мои руки обвиты**. В другом стихотворении из этого цикла, «Зимняя ночь» (1946), контакт представлен как «скрещение» рук и ног: *На озаренный потолок Ложились тени, Скрещенья рук, скрещенья ног, Судьбы скрещенья*.

В любовном контакте у Пастернака участвуют и другие части руки — локти, ладони, которые «сплетаются»: *Заплети этот ливень, как волны, холодных локтей И, как лилии, атласных и властных бессильем ладоней* («Разрыв», 1918), и это соприкосновение, уподобляемое слиянию в ливне, отражается и в звуковой организации текста (аллитерация на «л», принимающая вид паронимической аттракции).

Для возникновения любовного порыва в мире Пастернака важны не только сами руки, ладони и локти, но и плечи, наряду со смежными спиной и шеей: *А я пред чудом женских рук, Спины, и плеч, и шеи И так с привязанностью слуг Весь век благоговею* («Объяснение», 1947), но плечи доминируют настолько, что вызывают ответную реакцию у окружающих предметов: *Как то, что даже антресоль При виде плеч твоих трясло* («Сестра моя — жизнь», 1917). Однако прекращение любовного контакта ассоциируется с «вырыванием» именно из рук (*И тотчас вырвалась из рук И выскользнула из объятия* («Ева», 1956)), как и стремление отвергнутого «Я» приблизиться именно к рукам возлюбленной: *Так пел я, пел и умирал. И умирал, и возвращался К ее рукам, как бумеранг, И — сколько помнится — прощался* («Сестра моя — жизнь», 1917).

Поскольку у Пастернака весь мир одушевлен, то руками наделяются и объекты внешнего мира, подвергающиеся персонификации: как природные, например, ветер (*Руки враскидку, крючки назад, Стан казакином, как облако, вспучен, Окрик и свист, берегись, осади, — Двор! Этот ветер морозный — как кучер* («Двор», 1916, 1928)), так и артефакты, поставленные в один ряд с людьми: **В руках у крыши, у труб, у недогроз** *Не сумерки, — карандаши для грима (1923); Как губы, — шепчут; как руки, — вяжут; Как вздох, — невнятные, как кисти, — дряхлы* («Мельницы», 1915, 1928). Рука в смысле некоей силы, оказывающей помощь, может появляться и у окружающей местности: *И мартовская ночь и автор Шли рядом, и обоих спорящих Холодная рука ландшафта Вела домой, вела со сборища* («Встреча», 1918).

Оба компонента — *глаз, око и рука* — очень активно используются Пастернаком во фразеологических оборотах и их трансформациях: *Ты ей прямой ответ не в бровь, а в глаз; Глаз не смыкал и горе мыкал; А в зарослях парковых очи хоть выколи / А в зарослях парковых глаз хоть выколи* (два варианта); *И в будущем из рук судьбы получен; Он в руки грешников себя предаст* и др.). Заметим при этом, что многие фразеологизмы и фразеологические обозначения невербальных жестов теряют свой идиоматический характер, за счет чего происходит реализация метафорического значения в тексте, ср.: *И сокровенье, — и что там, На старом месте, старый шрам Ноябрьских туч; что, приложив К устам свой палец, полужив, Стоит знакомый небосклон, И тем, что за ночь вырос он* («Десятилетье Пресни», 1915). Фразеологическое значение уходит на второй план, на первый выходит образ небосклона.

Хотя число употреблений слова *уши* не столь велико — всего 22 + *ушко* (4), *барабанная перепонка* (1), слуховое восприятие также важно для Пастернака, учитывая его раннюю приверженность к музыке [3]. Слуховое восприятие при этом часто обозначается не через название органа, а через лексему «слух», причем способностью к такому виду восприятия наделяются прежде всего природные объекты: *И воздух степи всполошен: Он чует, он вливает дух Солдатских бунтов и зарниц. Он замер, обращаясь в слух* («Распад», 1917). Происходит также слияние говорения (воспроизведения звука) и слуха (восприятия звука): *Дорогою бессонный говор веток Был смутен и, как слух, тысячеуст* («Спекторский», 1925–1931). Эти природные звуки воспринимаются поэтом (лирическим «я») как шум, превращающийся затем в стихи: *В ушах с утра какой-то шум. Он в памяти иль грезит?* («Разлука», 1953).

Надо отметить, что соматизм «ухо», «уши» в тексте также в основном используется во фразеологизмах (*И уши навострив; И город грезит, по уши в воде; В то же утро, ушам не поверя; Он шел из мглы Удушливых ушей ущелья — Верблюдом сквозь ушко иглы* и др.).

Значительное место занимают *губы* и *рот* как место порождения речи и как органы телесных любовных ощущений: *губы* (48), *уста* (12), *рот* (24) (ср. знаменитое *Имелась ночь. Имелось губ Дрожание*).

Здесь можно сделать и более общее замечание о том, что органы восприятия выступают как метонимии творческого процесса и оцениваются самими поэтами как креативные и текстопорождающие. Это прежде всего, согласно Е. Фарыно [11, с. 36], *глаза, уши, губы, грудь*. Они стоят на границе внешнего и внутреннего мира и обеспечивают их взаимную проницаемость: мир и «Я» удостоверяются друг в друге посредством слияния органов чувств. Такая взаимная проницаемость, в первую очередь инстанций порождения и восприятия звука, характеризует мир Пастернака с самых ранних его произведений: *Я — уст безвестных разговор, Как слух, подхвачен городами; Ко мне, что к стертой анаграмме, Подносит утро луч в упор* («Лесное», 1913); *О, все тогда — одно подобье Моих возрпотавших губ, Когда из дней, как исподлобья, Гляжусь в бессмертия раструб* («Близнец в тучах», 1913); *К губам поднесу и прислушаюсь, Все я ли один на свете, — Готовый навзрыд при случае, — Или есть свидетель* («Плачущий сад», 1917).

При этом креативные возможности *губ* и их функции как органа любовного соприкосновения в рамках одного стихотворения взаимозависимы и взаимопереходны, и обе эти потенции присваиваются по принципу отражения самим стихам как плоду любви и творчества, как в «Нашей грозе» (1917).

Большой значимостью для поэта обладает и *сердце*,местилище разного рода чувств и орган, отражающий общее состояние человека: *сердце* (53), *предсердье* (2), *аорта* (3). По Пастернаку, *Мирозданье — лишь страсти разряды, Человеческим сердцем накопленной* («Сестра моя — жизнь», 1917).

В переносном значении *сердце* как орган, в котором сосредоточены любовные переживания и эмоции, приобретает способность изменять-

ся физически, и его изменения становятся видны, как на коже: *мне больно, довольно – стенает во мне Назревшее сердце, мой друг в матинэ?* («Марбург», 1916, первый вариант); *О ангел залгавшийся, – нет, не смертельно Страданье, что сердце, что сердце в экземе!* («Разрыв», 1918). Само анатомическое строение сердца также получает отражение в мире Пастернака, когда он метафорически отображает неразрывность со своей возлюбленной даже после смерти с положением сердца и предсердия: *И я б хотел, чтоб после смерти, Как мы замкнемся и уйдем, Тесней, чем сердце и предсердье, Зарифмовали нас вдвоем* («Второе рождение», 1931). «Сердечная мышца» – орган, подверженный ритмическому сокращению, – предстает у поэта как инстанция, улавливающая волны звуков и затем по принципу отражения воплощающая их в стихах: *Опять опавшей сердца мышцей Услышу и вложу в слова, Как ты ползешь и как дымишься, Встаешь и строишься, Москва* («Волны», 1931).

Выделяются также *лицо* (45) с его составляющими как внешнее осуществление личности человека: *щека* (16), *лоб* (14), *чело* (4), *исподлобья* (4), *крутолобость* (1), *скулы* (5), *подбородок* (1), *морищины* (1) – и голова целиком: *голова, глава* (35), в которой особо отмечены *виски, височные жилы* (10), *затылок* (7), *волосы* (15), ср.: *И – целыми деревьями В глаза, в виски, в жасмин!* (1917); *(Сейчас там ночь.) Задушный твой затылок* (1918) и др.

Присвоение «лица» явлениям и предметам окружающей действительности – еще одно проявление принципа «всеобщей одушевленности» в мире Пастернака. Окружающая действительность как бы становится «личностной», имеющей свое выражение лица, свой характер. Это и *лицо грозы*, отраженное в зеркалах (*У всех пяти зеркал лицо Грозы, с себя сорвавшей маску* («Июльская гроза», 1915)), и *лица лазурного неба и реки*, отражающиеся друг в друге (*Лицо лазури пьет над лицом Недышащей любимицы реки* («Сестра моя жизнь», 1917), и *лицо улицы*, которое все время меняется (*И улица меняется в лице, И ветер машет вырванным рецептом* («Двадцать строф с предисловием», 1925)). В то же время объекты действительности отраженно способны к восприятию «личности» самого человека: *Крыши городов дорогой, Каждой хижины крыльцо, Каждый тополь у порога Будут знать тебя в лицо* («Художник», 1936).

Лексема *лицо*, как мы видим, часто встречается и во фразеологизмах, причем состояния, обозначаемые ими, также накладываются Пастернаком на природу: *На лугах лица нет, У прудов нет сердца, бога нет в бору* («Воробьевы горы», 1917) – тут также следует отметить фразеологизм с соматизмом *сердце*.

«Олицетворение» применяется Пастернаком и по отношению ко всей жизни целиком: *Мне хочется, как сон при свете солнца, Припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо* («Второе рождение», 1931). При этом способностью «смотреть в лицо» наделена и смерть, и мы имеем дело как бы с актантно перевернутой идиомой «смотреть смерти в лицо»: *В лесу казенной землемершею Стояла смерть среди погоста, Смотря в лицо мое умершее, Чтоб вырыть яму мне по росту* («Август», 1953). Таким образом, *лицо* как бы становится репрезентантом индивидуального облика всего

человека, даже после смерти — ср. в стихотворении «Памяти Цветаевой» (1943): *Лицом повернутая к богу, Ты тянешься к нему с земли, Как в дни, когда тебе итога Еще на ней не подвели.* Отсюда возникает авторский фразеологизм Пастернака «не отступаться от лица»: *И должен ни единой долькой Не отступаться от лица, Но быть живым, живым и только, Живым и только до конца («Быть знаменитым некрасиво...», 1956).*

Из других соматизмов, связанных с лицом и головой, хочется отметить уникальную характеристику, которой удостоена первая жена поэта, Е. Лурье-Пастернак, — *крутолобость* из стихотворения «Годами когда-нибудь в зале концертной...» (1931). Эта *крутолобость* интересна не только с точки зрения портрета художницы, но и чисто лингвистически в плане звуковой организации стиха, поскольку как бы вбирает в себя все составляющие ее облика — *круг, улыбку и лоб: Художницы робкой, как сон, крутолобость, С беззлой улыбкой, улыбкой вздох, Улыбкой, огромной и светлой, как глобус, Художницы облик, улыбку и лоб.*

Если *крутолобость* выделяется своей уникальностью (единичный случай употребления), то *виски, височные жилы* (10) обращают на себя внимание, напротив, достаточно высокой частотностью по отношению к составляющим головы. Прежде всего, *виски* становятся ощутимы весной: *Весна, ты сырость рудника в висках, Мигренью руд горшок цветочный полон* (1915), *Опять весна в висках стучится* (1910), *Одна весна лишь над висками* (1909–1920), *И от поста болят виски* (1915). *Висок* упоминается и при метонимическом перечислении ряда соматизмов, которые составляют и замещают человека целиком: *Когда бы, человек, — я был пустым собраньем Висков и губ и глаз, ладоней, плеч и щек!* («Разрыв», 1918). *Виски* связаны и с творческим музыкальным восприятием мира: *Окно, и ночь, и пульсом бьющий иней В ветвах, — в узлах височных жил. Окно, И синий лес висячих нотных линий* («Окно, поупитр и, как овраги эхом...», 1931). Все это дает возможность предположить, что у Пастернака часто, особенно весной, случались мигрени, которые становились импульсом к порождению текста: *О, верь игре моей, и верь Гремящей вслед тебе мигрени!* («Сестра моя — жизнь»). При этом, как следует из его переписки, например, с Е. Пастернак 1926 г., мигрень рассматривалась поэтом как нечто привычное: «меня обуревали мученья другого рода, безмолвные и настойчивые, как мигрень» [7]; в 1933 г. О.М. Фрейденберг он пишет, что то, что у него обнаружили, — «не фурункулез, не экзема, а загрязнение кровеносной и лимфатической сетки, от которого через три дня ничего не осталось, кроме головных болей, обыкновенных, как мигрень» [8, с. 140].

Большое внимание уделяется и нижним конечностям как основе передвижения человека: *нога* (45), *колено* (7), *коленная чашечка* (1), *стопа* (5), *ступня* (2), *пята* (2), *лодыжка* (1), *икры* (1), *голень* (1), *щиколотка* (1). Здесь можно сказать, что Пастернак особо любит фразеологизм *с головы до ног*, с индивидуальным вариантом *от гребенок до ног* (ср.: *В тот день всю тебя, от гребенок до ног... Носил я с собою и знал назубок при правильном Покроюсь с головы до ног Горшечною глазурью*).

Наряду с «руками», «ноги» также относятся к таким соматизмам, которые связаны с обликом любимой. Так, в стихотворении «Образец» из «Сестры моей жизни» (1917) находим в связи с фразеологизмами «в ногах валяться», «в ногах ползать» (со значением «лицо (X) вымаливает у другого лица (Y) исполнения своей просьбы или просит прощения») строки с криптограммой фамилии «Пастернак», где она соотносится с травой, растением: *И ползала, КАК ПАСыНоК, ТРАВа в Ногах у Ней*. На поверхностном же уровне мы обнаруживаем метафорическое олицетворение «травы». Интересно, что в романе «Доктор Живаго» мы имеем дело с прямым использованием фразеологизма «валяться в ногах» — так Лара рассуждает о Комаровском: *Как ему не стыдно валяться в ногах у нее и умолять* [6, т. 3, с. 150].

С еще одной образной трансформацией фразеологизма мы встречаемся в стихотворении «Смерть поэта» (1931), посвященном самоубийству Маяковского. Смерть здесь представлена как возможность «второго рождения»: *Ты спал, прижав к подушке щеку, Спал, — со всех ног, со всех лодыг Врезаясь вновь и вновь с наскоку В разряд преданий молодых*. Поскольку правильная версия фразеологизма — «бежать со всех ног», то «спать — со всех ног... врезаясь» выступает как своеобразный оксюморон, означающий то, что сон Маяковского — это на самом деле «бег к истокам» в «разряд преданий молодых». Для усиления Пастернак добавляет еще словосочетание «со всех лодыг», как раз рифмующееся с «молодых». Такое понимание «ухода» как прорыва в новое разъяснено в «Охранной грамоте»: *Он лежал на боку, лицом к стене, хмурый, рослый, под простыней до подбородка, с полукоткрытым, как у спящего, ртом. Горделиво ото всех отвернувшись, он, даже лежа, даже и в этом сне, упорно куда-то порывался и куда-то уходил. Лицо возвращало к временам, когда он сам назвал себя красивым, двадцатидвухлетним, потому что смерть закостенила мимику, почти никогда не попадающуюся ей в лапы. Это было выраженье, с которым начинают жизнь, а не которым ее кончают* [6, т. 4, с. 237].

Особенностью Пастернака является и то, что в ноге он метонимически выделяет «стопу», «ступню» как часть ноги, которая оставляет след: *Где что ни знак, то отпечаток Ступни, поставленной вперед* («Сегодня с первым светом встанут...», 1913, 1928); *По той же дороге чрез эту же местность Шло несколько ангелов в гуще толпы. Незримыми делала их бестелесность, Но шаг оставлял отпечаток стопы* («Рождественская звезда», 1947). Эта особенность узуса Пастернака вызвала критические замечания М. И. Шапира в статье «Эстетика небрежности в поэзии Пастернака (Идеология одного идиолекта)» [15] с эпиграфом «...А ты прекрасна без извилин...». В частности, анализируя строки Пастернака из стихотворения «Художник» (1936) *Как-то в сумерки Тифлиса Я зимой занес стопу*, он возводит словосочетание «занес стопу» к фразеологизму *ноги сами его туда занесли*, который фактически является конверсивом к пастернаковскому. Однако, как было нами показано в книге «Синтез целого» [12, с. 200—201], здесь Пастернак вполне естественно следует своему метонимическому принципу, который по внутренней форме скорее соотносит *Я занес стопу* с фразеологизмом *здесь не ступала нога человека* и

отсылает к более раннему стихотворению поэта «Метель» (1914, 1928): *В посаде, куда ни одна нога Не ступала, лишь ворожеи да вьюги Ступала нога, в бесноватой округе, Где и то, как убитые, спят снега.*

В заключение мы сосредоточимся на соматизмах — названиях артикуляционных органов, которые также достаточно зримо представлены в поэзии Пастернака: *горло, горлышко* (18), *горловые связки* (1), *горловая (полуда)* (1), *язык* (9), *гортань (гортанно)* (9), *глотка* (2), *глотательная впадина* (1), *кадык* (1).

Слова *горло, гортань* как наименования органов, где рождаются звуки, в первую очередь характеризуют певчих птиц, а они, как известно, метафорически привязаны к образу поэта-певца. Так, контексты, описывающие птичьи рулады и имеющие особую звукописную организацию (*Лес стянут по горлу петлею пернатых Гортаней, как буйвол арканом, И стонет в сетях, как стенает в сонатах Стальной гладиатор органа* («Весна», 1915); *И ночь полоскалась в гортанях запруд. Казалось, покамест птенец не накормлен, И самки скорей умертвят, чем умрут, Рулады в крикливом, искривленном горле* («Импровизация», 1915)), постепенно связываются со способностью поэта подражать птицам. Само пение уподобляется «питью», а звуки — звездам: *Пил, как птицы. Тянул до потери сознания. Звезды долго горлом текут в пищевод, Соловьи же заводят глаза с содроганьем, Осушая по капле ночной небосвод* («Осень», 1918). Затем способностью издавать звуки, подобно птицам, наделяется «осень» как метафора замирания природы перед зимним периодом и метафора затухания жизни: *И осень, дотоле вопившая вьюю, Прочистила горло; и поняли мы, Что мы на пиру в вековом прототипе — На пиру Платона во время чумы* («Лето», 1931). Согласно поэту, «осень» «прочистила горло», т. е. возобновила способность к пению в противовес «завываниям выпи», что в рамках символики всей книги «Второе рождение» означает возможность перехода к новому циклу поэтического творчества. В рамках этой же книги происходит отказ поэта от такой поэзии, которая приводит к болезни, смерти — метафорически к стихам с кровью, хлынувшей из горла: *О, знал бы я, что так бывает, Когда пускался на дебют, Что строчки с кровью — убивают, Нахлынут горлом и убьют!* (1930—1931).

Горло, точнее, его сжатие, спазм также является показателем нахлынувших чувств, волнения: *О женщина, твой вид и взгляд Ничуть меня в тупик не ставят. Ты вся — как горла перехват, Когда его волнение сдавит* («Ева», 1956).

Таким образом, мы рассмотрели наиболее релевантные группы лингвосоматизмов у Пастернака. Анализ позволил отметить, что человек часто обозначен у Пастернака метонимически, через перечисление отдельных органов, представляющих и замещающих его целиком (ср.: *Душа не береглась, И память — в пятнах икр и щек, И рук, и губ, и глаз; Когда бы, человек, — я был пустым собраньем Висков и губ и глаз, ладоней, плеч и щек!*). Одновременно и весь мир персонифицируется путем присвоения ему частей человеческого тела, которые выступают как олицетворяющие детали (*Плитняк раскалялся, и улицы лоб Был смугл, и на*

небо глядел исподлобья Бульжник; Холодная рука ландшафта Вела домой, вела со сборища и др.). Часто соматизмы представлены в составе фразеологизмов, как трансформированных (*Спал со всех ног*), так и не трансформированных (например, на 84 использования соматизма *глаз* приходится 30, а на 45 соматизмов *нога* – 11 фразеологически связанных сочетаний), но в обоих случаях порождается новый образный смысл, часто не заложенный в их идиоматику.

Мы также попытались указать на поэтические функции соматизмов как центров притяжения поэтических приемов – в частности, связанных с паронимической аттракцией и аллитерацией (*Заплети этот ливень, как волны, холодных локтей И, как лилии, атласных и властных бессильем ладоней; Рулады в крикливом, искривленном горле*), положением слова в рифменной позиции (*лодыг – молодых*), ритмом и метром (*А я пред чудом женских рук, Спины, и плеч, и шеи И так с привязанностью слуг Весь век благоговею*), однако это только предварительные замечания, развитие которых может вылиться в новое исследование.

Список литературы

1. Голованевский А.Л. Фразеология с соматическими компонентами в языке поэзии Ф.И. Тютчева как отражение русской языковой картины мира // Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии : сб. науч. ст. Брянск, 2011. С. 71 – 80.
2. Двизова А.В., Крюкова Л.Б. Лингвистические средства выражения ситуации зрительного восприятия в поэтических текстах Б. Пастернака // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. №3 (19). С. 21 – 29.
3. Двизова А.В. Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б.Л. Пастернака : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014.
4. Жолковский А.К. Инварианты и структура поэтического текста: Пастернак // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Поэтика выразительности. Wien, 1980. С. 205 – 244.
5. Миняева С.А. Соматическая лексика в поэзии М.И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
6. Пастернак Б. Собр. соч. : в 5 т. М., 1989 – 1992.
7. Пастернак Б. «Существованья ткань сквозная». Переписка с Евгенией Пастернак, дополненная письмами к Е. Пастернаку. М., 2017.
8. Переписка Бориса Пастернака. М., 1990.
9. Плужникова Д.М. Поэтика соматизмов в творчестве Беллы Ахмадулиной : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2017.
10. Сычева Е.Н. Соматизмы в поэтических текстах Ф.И. Тютчева и в составе фразеологических единиц // Вестник Брянского государственного университета. 2012. №2-1. С. 289 – 293.
11. Фарыно Е. Дешифровка // Russian Literature. 1989. № XXVI. P. 1 – 68.
12. Фатеева Н.А. Синтез целого. На пути к новой поэтике. М., 2010.
13. Харченко В.К., Плужникова Д.М. Лингвосоматика. Обозначение частей тела в поэзии Беллы Ахмадулиной. М., 2015.
14. Цветаева М. Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2 : Проза и письма.
15. Шапир М.И. Эстетика небрежности в поэзии Пастернака (Идеология одного идиолекта) // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 2004. Т. 63. №4. С. 31 – 53.

Об авторе

Наталья Александровна Фатеева – д-р филол. наук, гл. науч. сотр., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия.
E-mail: nafata@rambler.ru

The author

Prof. Natalya A. Fateeva, Senior Researcher, Vinogradov's Institute of the Russian language, RAS, Russia.
E-mail: nafata@rambler.ru

Е. Н. Стрельчук, Х. Х. М. Шакак

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ
ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-МУСУЛЬМАНКИ
В СПОРТИВНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ**

Актуальность исследования обусловлена недостаточно высоким уровнем знакомства российского этносоциума с мусульманской культурой и ее особенностями, которые находят освещение в средствах массовой информации. В связи с многомерностью образа мусульманской женщины в статье рассматривается один из аспектов ее коммуникативно-дискурсивной реализации, а именно лексические средства, используемые авторами для создания образа мусульманки-спортсменки. Фактический материал взят из российских интернет-источников, посвященных мусульманской проблематике. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в текстах спортивной тематики в качестве ключевой для создания образа мусульманской женщины используется лексическая единица «хиджаб». В анализируемых материалах лексема «хиджаб» подвергается ресемiotизации, характер которой зависит от ролевой идентификации участников наррации. Для нарратора, транслирующего ценности западного общества, хиджаб в спортивном дискурсе является лингвокультурным маркером эмансипации и преодоления гендерной асимметрии. Для мусульманских спортсменок хиджаб становится средством демонстрации своей культурной идентичности и свидетельством приверженности собственным этническим и религиозным традициям.

The relevance of the conducted research is determined by insufficient level of knowledge of the Muslim culture and its features, typical for modern Russian society. Due to the multidimensional nature of a Muslim woman image, the article considers one of the aspects of its discursive representation, which is the lexical means used by the authors to portray a Muslim woman athlete. The research material comes from Russian Internet sources devoted to Muslim issues. The results of the research indicate that the word hijab is used as a key element for creating the image of a Muslim woman in sports texts. In the analyzed materials, the hijab is subjected to resemiotization, which nature depends on the role identification of the participants in the narrative. For a narrator who promotes the values of Western society, the hijab in sports discourse is a lingo-cultural marker of emancipation and overcoming gender asymmetry. For Muslim women athletes, the hijab becomes a means of demonstrating their cultural identity and a way to prove the value of their own ethnic and religious traditions.

Ключевые слова: женщина-мусульманка, этностереотипы, лингвокультурные стереотипы, спортивный интернет-дискурс, хиджаб.

Keywords: a Muslim woman, ethnic stereotype, lingo-cultural stereotypes, Internet sports discourse, the hijab.

Введение

Выбор и актуальность рассматриваемой темы определяются возросшей ролью современной мусульманской женщины в многополярном мире, характеризующемся формированием мультиконфессиональных сообществ в большинстве стран, в том числе и в России. Активизация миграционных процессов мусульман вызвала рост интереса к исламу не только как религии, но и как общественно-политическому и социокультурному феномену. С конца 80-х гг. XX в. в мире отмечается значительный научный интерес к проблеме положения женщин в исламских обществах. Появляется термин «исламский феминизм», который позволяет рассматривать «требование уважать и защищать права женщин в соответствии с нормами ислама» [1, с. 98]. Данное требование во многом связано с массовым переселением мусульман в европейские страны, где в той или иной степени им приходится если не адаптироваться, то знакомиться с традициями эмансипации и феминизма. Как указывает Е.Н. Иноземцева, «в конце XIX — начале XX века в ряде стран исламского мира произошел процесс изменения традиционной исламской жизни из-за влияния Запада» [1, с. 98]. В условиях глобализации ислам подвергается разноаспектной модернизации, в том числе в области гендерного разделения ролей, что отражается в росте интереса к изучению феномена исламской эмансипации в российском историко-философском, социокультурном и политологическом дискурсе [2–4]. В то же время изучение коммуникативно-дискурсивных средств создания образа мусульманской женщины является новой задачей, решение которой способно выявить языковые маркеры, отражающие динамику социокультурных и гендерных изменений рассматриваемого феномена.

Методы и материал исследования. Общетеоретические основы исследования составляют концептуальные положения отечественной лингвокультурологии об уровнях языковой реализации этнических автостереотипов и гетеростереотипов [5–7]. Выявление и описание основных коммуникативно-дискурсивных средств создания образа мусульманки осуществлялось с использованием контент-анализа, а также коммуникативно-дискурсивного, прагмалингвистического и дефиниционного методов анализа. Источниками фактического материала послужили статьи из женского онлайн-журнала «Мусульманка», с порталов «Яндекс Дзен», «Исламский информационный и духовно-просветительский центр», сайтов «Ансар», «Islamplus.ru», «Islam.ru», «Islamtoday», «Islamosfera.ru», «Sputniknews.ru», «Wonderzine.com».

1. Социокультурные основы формирования стереотипа женщины-мусульманки

Этимология арабского слова *мусульманин* изоморфна всем остальным номинациям человека, осуществленным на основе признака его конфессиональной принадлежности (ср. христианин, буддист и т.п.).

Мусульмáнин (араб. مسلم [муслим], женская форма مسلمة [муслима(т)]) — последователь ислама. В отдельных толкованиях подчеркивается полная подчиненность последователя ислама Аллаху как верховному бо-жеству: 'тот, который покоряется (Аллаху)', или 'тот, который преда-ется (Аллаху)', что объясняется аналогией со словом *ислам* — «прими-рение», «принятие» [8].

Особое положение женщины в мусульманских странах, как прави-ло, связывается с предписаниями, которые изложены в учении ислама и определяют условия подчинения женщины мужчине, ее неаген-тивность и несамостоятельность. Многие исследователи Корана указы-вают, однако, что в исламском учении женщина наделена определен-ными правами. Подобно мужчине, она получает долю из богатства и имущества, оставленных в наследство ее отцом, матерью, братом, сест-рой или мужем. Женщина может вести социальную и экономическую деятельность, распоряжаясь доходами. Однако мужчина при этом дол-жен обеспечивать ее средствами для жизни соразмерно ее потребно-стям в плане жилья, одежды, еды и прочих жизненных нужд [8].

В то же время именно в Коране заложены указания, согласно кото-рым женщина обязана скрывать свою внешность от чужих взглядов, что становится основанием для ношения мусульманскими женщинами хиджаба. Под хиджабом (араб. حجاب — букв. *преграда, завеса*) в исламе по-нимается любая одежда от головы до ног, в то время как в западном мире хиджабом называют традиционный арабский женский головной платок [9]. Необходимость ношения хиджаба связывается с записями в 24-й и 33-й сурах Корана (Сура 24 «Свет», аят 31; Сура 33 «Сонмы», аят 59). В частности, в 24-й суре говорится: «Скажи верующим женщи-нам, чтобы они опускали свои взоры и оберегали свои половые органы. Пусть они не выставляют напоказ своих прикрас, за исключением тех, которые видны, и пусть прикрывают своими покрывалами вырез на груди и не показывают своей красоты никому, кроме своих мужей или своих отцов...» (цит. по: [8, с. 99]).

Однако в странах, чье государственное устройство опирается на предписания шариата, не существует единства по вопросу ношения женщинами хиджаба. В настоящее время его ношение является обяза-тельным в Афганистане, Иране, Йемене и Саудовской Аравии. Вместе с тем в бывших советских республиках (Азербайджан, Казахстан, Узбе-кистан, Таджикистан и Туркмения), населенных преимущественно му-сульманами, действует запрет на ношение хиджаба в государственных учреждениях, школах и университетах. Миграция мусульман в евро-пейские страны вызвала сложности, связанные с желанием детей араб-ских переселенцев носить хиджаб в учебных заведениях. В 2004 г. во Франции был принят закон, запрещающий носить в образовательных учреждениях символы или одежду, демонстрирующие религиозную принадлежность. Произошедшее было воспринято определенной ча-стью европейской общественности как отказ в праве на образование студенткам в хиджабе и как ущемление прав верующих в целом.

Подобные проблемы возникают и в Российской Федерации. В октябре 2012 г. в Ставропольском крае разгорелся скандал из-за запрета на ношение хиджаба в школах края, расположенных в районах с большинством мусульманского населения. В 2015 г. Верховный суд России признал законным запрет на демонстрацию религиозной атрибутики и ношение хиджаба в школах. При этом в 2017 г. парламент Чечни принял закон, разрешающий школьницам носить хиджаб в школах республики. Таким образом, в процессе регулирования ношения хиджаба не существует единой политики.

Для нашего исследования особенно важным представляется тот факт, что участие в спортивных состязаниях предусматривает использование комфортной и достаточно смелой одежды, ношение которой запрещается исламским учением. Долгое время ношение хиджаба спортсменками не допускалось спортивным законодательством, пока в 2012 г. на Летней Олимпиаде в Лондоне Международный олимпийский комитет не разрешил арабским и азиатским спортсменкам выходить на соревнования в хиджабах и полузакрытых нарядах. Данное разрешение стало импульсом для прорыва мусульманских женщин в мировой спорт.

2. Хиджаб как основное лингвосемиотическое средство создания образа мусульманской спортсменки

Общее количество проанализированных нами текстов составило 50, большая их часть относится к жанру репортажа (38 текстов), меньшая принадлежит к жанру интервью (12 текстов). Необходимо отметить, что элементы интервью содержатся в большинстве текстов-репортажей. Несмотря на принадлежность всех интернет-источников к российскому медиaprостранству, основная часть публикуемого в них контента является переводной или же представляет собой ренаррацию текстов, взятых из различных западных, чаще всего американских, источников информации. Гораздо реже встречаются репортажи или интервью, авторство которых принадлежит российским журналистам (8 текстов), а содержание связано с участием российских мусульманок в спортивных состязаниях различного уровня.

Контент-анализ рассмотренных текстов выявил, что основным средством формирования образа мусульманской спортсменки выступает лексема *хиджаб*. О ведущей роли данной лексической единицы в первую очередь свидетельствует ее высокочастотное использование в текстах репортажей и интервью. В сущности, каждый текст в обязательном порядке содержит минимум одно употребление данной лексемы. Максимальное выявленное нами количество случаев ее использования в рамках одного текста составило 8.

Важнейшая концептуальная роль, которую *хиджаб* играет в наррации о спортивных событиях с участием женщин-мусульманок, в еще большей степени подтверждается регулярным использованием слова в заголовках и подзаголовках. Как указывает О. Ю. Богданова, «заглавие в

плане лингвистическом является именем текста, а в плане семиотическом — первым знаком текста. Заголовок особенно ясно иллюстрирует множественность интерпретаций и играет важную роль в создании интегрированного единства текста» [10, с. 117].

Данное положение представляется в полной мере релевантным для названий анализируемых нами текстов. Из 50 заголовков и подзаголовков 23 содержат лексему *хиджаб*: «Спортсменки в хиджабах», «8 спортсменок, которые доказали, что спорт и хиджаб совместимы», «Спортсменка в хиджабе вошла в список 100 влиятельных людей Time», «Самые яркие спортсменки в хиджабе» и др.

Функции данной лексики в составе заголовков различны и определяются контекстуальным окружением. Отдельные заголовки, такие как «Спортсменки в хиджабах» или «Спортсменки-мусульманки стартуют на Олимпиаде в хиджабах», выполняют исключительно номинативную функцию, указывая на конфессиональную принадлежность спортсменок. Значительная часть заголовков содержит указание на то, что участие мусульманских женщин в спортивных состязаниях стало абсолютно новым феноменом. Так, заголовок «8 спортсменок, которые доказали, что спорт и хиджаб совместимы» прочитывается не просто на уровне поверхностной референции с предметом одежды и носящими его мусульманками, — он имплицитно связывает с устоявшимися религиозными, социокультурными и гендерными стереотипами. Использование в данном контексте речевого глагола ментального воздействия *доказать* обусловлено не только процессом каузации нужного восприятия у читателя, но и явной семантической ретроспекцией, обращением к знаниям о том, что ранее участие мусульманских женщин в спорте было невозможным. В результате у читателя формируется образ мусульманской женщины, современной и сильной, преодолевающей предрассудки и осваивающей ранее закрытые для нее области самореализации.

В значительной части заголовков содержится дополнительный оценочный элемент. Так, в названии «Хиджаб занял почетное место на Берлинском марафоне» [11] положительная оценка главного атрибута мусульманской женщины выражается с помощью сочетания *почетное место*. При этом текст, основанный на информации из немецкой прессы, отражает как особенности свойственной западным странам идеологии межкультурной интеграции, так и стремление преодолеть гендерную асимметрию среди арабских мигранток и подчеркнуть достигнутые на этом поприще успехи.

Представление об участии мусульманских женщин в спорте как средстве достижения ими жизненного успеха (своего рода социальном лифте) эксплицитно в заголовке «Спортсменка в хиджабе вошла в список 100 влиятельных людей Time» [12]. Примечательно, что в данном материале цитируется фрагмент текста из Time, описывающий путь в спорте героини репортажа, американской фехтовальщицы Ибтихадж Мухаммад, и подчеркивающий ее приверженность традиционным мусульманским ценностям, в том числе в вопросах одежды и ношения хиджаба:

Большая часть видов спорта, которыми она пробовала заниматься, требовали откровенной одежды, что резко контрастировало со скромностью, обязательной в ее мусульманской вере. Тогда она открыла для себя фехтование. Этот спорт позволил ей раскрыть свой талант, а его униформа позволила ей следовать своей религии [12].

Как видим, речь идет не о принятии мусульманской фехтовальщицей европейских трендов все большего экспонирования женщинами различных частей тела. Напротив, влиятельная спортсменка остается приверженной мусульманским традициям и, более того, испытывает в связи с этим чувство гордости и счастья, что подтверждается следующим высказыванием:

«Когда большинство людей представляет себе олимпийского фехтовальщика, они явно не представляют такого человека, как я. К счастью, я не такая, как большинство», — говорит девушка [12].

Следует отметить, что ношение хиджаба в спорте, как и в других социальных учреждениях, не всегда воспринимается положительно самими европейцами или американцами. Так, в репортаже под названием «Судьи дисквалифицировали спортсменку в хиджабе» рассказывается об эмоциях лишенной награды спортсменки:

«Это похоже на худший кошмар: соревноваться, а потом выяснить, что тебя дисквалифицировали из-за того, что ты любишь. Почему ты должен жертвовать своей религией и частью себя ради бега или любого другого увлечения?» — недоумевает Александрия Абукарарам [13].

Примечательно, что в перепечатанных переводных репортажах участие спортсменок в хиджабе однозначно интерпретируется американскими или европейскими авторами как прорыв в преодолении гендерной и социокультурной дискриминации. В то же время анализ высказываний самих мусульманских спортсменок обнаруживает, что они, в свою очередь, рассматривают свое участие в спортивных состязаниях в хиджабе как форму борьбы с предубеждениями, сложившимися на Западе. В комментарии пятикратной чемпионки Германии Зейны Нассер по поводу изменений в правилах, разрешающих спортсменкам носить хиджаб, говорится:

Я борюсь с предрассудками, боксирую в платке. Мне всегда приходилось с ними бороться, так как я часто сталкивалась с мнением, что хиджаб носят необразованные, не имеющие свободы женщины. Я доказываю, что это всего лишь клише [14].

Весьма симптоматичными выглядят в этой связи авторские комментарии из материала на портале «Sputniknews.ru»:

Спортсменки привлекают внимание широкой публики смелостью: они доказывают, что своей религии не надо стесняться и жертвовать ею ради карьеры. Религиозный атрибут — это признак твоего достоинства, выделяющий тебя на фоне других [15].

Автор репортажа не отдает себе отчета в том, что своим утверждением («...своей религии не надо стесняться») он имплицитным образом указывает на существование в обществе негативных стереотипов об исламе. В еще меньшей степени он осознает тот факт, что участие мусульманок в соревнованиях в хиджабе вызвано не стремлением преодолеть запреты исламского учения и вытекающего из него неравноправного разделения гендерных ролей, а вызовом, который бросают мусульманские спортсменки европейской цивилизации, выходя на спортивную арену в атрибутах мусульманской религии.

О распространенности негативных стереотипов об исламе и том положительном «месседже», который несут мусульманские спортсменки, свидетельствуют и такие заголовки, как «"Распространение мира через баскетбол": женская баскетбольная команда студенток-мусульманок в Америке» [16]. Неоднозначное восприятие хиджаба еще более отчетливым образом проявляется в названии интервью «Стыдные вопросы про хиджаб и паранджу. Зачем женщины носят мусульманскую одежду? Подавляет ли она их волю?». Данный заголовок эксплицитным образом указывает на сложившиеся в обществе стереотипы о ношении хиджаба как не только о чем-то постыдном, но и влияющем на волевую сферу женщины. В то же время мнение отвечающего в этом интервью на «стыдные вопросы» научного сотрудника Института международных исследований МГИМО А. Ярлыкапова полностью созвучно с теми выводами, которые вытекают из анализа приведенных нами выше высказываний мусульманских спортсменок. Согласно ученому-историку, «в современных западных странах в него [хиджаб] облачаются не забытые бесправные женщины, но, как правило, гражданки этих государств. Они подчеркивают, что носят хиджаб, потому что сами этого хотят. Для таких мусульманок хиджаб – это способ их самоидентификации и символ их свободы...» [17].

О неразрывной связи хиджаба и мусульманских спортсменок свидетельствуют и факты регулярного использования данной лексики в метонимических конструкциях. В таких контекстах, как «Хиджаб занял почетное место на Берлинском марафоне», метонимическое употребление не только репрезентирует мусульманскую женщину, но и становится символом ее интеграции в глобализационное пространство. Из семиотического маркера гендерного неравенства *хиджаб* преобразуется в вербальный знак социокультурного и гендерного прорыва, преодоления двойного стереотипа – внутреннего (запрет на показ определенных частей тела) и внешнего (запрет на ношение хиджаба при участии в различных видах профессионального спорта).

Ведущую роль хиджаба в идентификации современной мусульманской женщины отражают и примеры креативного использования прецедентных текстов. Особо значимым представляется в этой связи обыгрывание библейской цитаты «Не хлебом единым жив человек» в заголовке «Не хиджабом единым: как ислам уживается с феминизмом» [18]. Данное соотнесение указывает на ключевую роль хиджаба в мусульманской религии и в то же время включает его в новые общественные тенденции.

Кроме лексемы *хиджаб* к числу наиболее высокочастотных лексических средств создания образа мусульманской женщины относится существительное *стереотипы* или его синонимы *предвзвешивания* и *предрассудки*, используемые в текстах в сочетаниях с акциональными глаголами деструктивного воздействия:

Мусульманки разрушают стереотипы.

Они ломают стереотипы: самые яркие спортсменки в хиджабе.

Мы ломаем множество стереотипов.

Хиджаб в спорте – это важный пример того, как мусульманские женщины успешно преодолевают всевозможные преграды, ломают стереотипы о мусульманской культуре.

Во всем мире мусульманки бросают вызов культурным барьерам и стереотипам.

Учет ролевого дейксиса позволяет более глубоко и отчетливо понять, что содержание разрушаемых стереотипов не является единым, что интенции нарратора зачастую отличаются от интенций самих спортсменок. Для авторов репортажей участие в соревнованиях спортсменок в хиджабе представляет собой доказательство их вовлеченности в процесс эмансипации женщин, в систему европейских ценностей, в то время как для самих спортсменок чаще всего становится подтверждением ценности их религии и верности ее базовым положениям. Как видно из приведенных выше примеров, мусульманские спортсменки доказывают, что хиджаб не является знаком необразованности или отсутствия свободы, что он представляет символ их веры, которая делает их другими, отличными от большинства, и следование которой приносит им чувство удовлетворения.

Об интенциях западного общества, транслируемых нарратором, свидетельствует активное употребление лексики, конституирующей дискурс, привычный для рыночного общества, основанного на принципах индивидуальной конкуренции. В различных текстах встречаем такие сочетания, как *мусульманки конкурируют и преуспевают в различных видах спорта; оттачивают жизненные и лидерские навыки, умение распоряжаться временем и способность работать в команде*.

Необходимо признать, что те мусульманки, которые представляют собой не первое поколение мигрантов, постепенно усваивают западные лингвокультурные образцы поведения. Так, в одном из интервью юная мусульманская спортсменка дублирует идеи, озвученные ранее тренером женской баскетбольной команды «Леди Старс» при исламской школе в Милуоки (США):

Надира Али, одна из участниц, чьи родители эмигрировали из Сомали до ее рождения, говорит: «Мой отец вначале был против – это больше из-за культурного влияния, а не религиозных представлений. Мне удалось убедить его, что колледж – это нечто большее, чем оценки. Они должны быть заинтересованы в воспитании лидерства, которое важно для дальнейшей жизни [16].»

Стремление к прямому вовлечению мусульманок в реализацию идеи самостоятельного строительства индивидуального успеха находит свое материальное воплощение в коммерциализации главного атрибута скромности и целомудренности мусульманской женщины. Фирма Nike начала выпуск хиджабов Nike Pro и пригласила стать лицом новой продукции Захру Лари, первую фигуристку, надевшую хиджаб. В своем интервью посол Nike Pro Hijab рассказала, что выпуск хиджабов для спорта очень важен «для огромного числа мусульманок по всему миру... Я стала получать множество сообщений вроде: “Теперь моя дочка может заняться таким-то или таким-то видом спорта”. Люди увидели, что крупный бренд поддерживает нас, женщин. Почему же нам не попробовать свои силы?» [19].

В данных размышлениях прослеживается принятие мусульманами идеологии коммерческого успеха. Они пишут не о том, что теперь участие в спорте не противоречит традициям учения Аллаха, а о том, сколь важна для них поддержка мирового магната в области производства спортивной одежды. В одном из цитированных выше материалов отмечается, что, высказываясь на темы, связанные с прорывом мусульманок в новые для них сферы самореализации, «девушки проявляют сверхосторожность» [16].

Более смелой в своих высказываниях предстает вице-президент рекламного агентства Ogilvy Noor мусульманка Шелина Джанмохамед. В своей книге под названием «Поколение М: молодые мусульмане меняют мир» она пытается доказать, что хиджаб — свободный выбор женщины, своего рода манифест исламского феминизма, и в нем «женщина может все то же, что и без платка: играть в волейбол на Олимпиаде, совершать научные открытия, встречаться с друзьями и даже флиртовать» [20].

Выводы

Мы выяснили, что основным средством создания образа мусульманской спортсменки является лексема *хиджаб*, используемая в качестве главного символа преодоления стереотипов и предрассудков. Употребление данной лексемы в текстах спортивной проблематики отражает разнонаправленные тенденции ресемантизации прежде единого в своем прочтении символа бесправия исламской женщины. Для нарратора, транслирующего ценности западного общества, хиджаб выступает лингвокультурным маркером эмансипации и преодоления мусульманками гендерной асимметрии. Для большинства мусульманских спортсменок хиджаб и его ношение рассматривается как вызов, который они бросают западному обществу, требуя признать их право на собственные мировоззренческие позиции и формы их внешнего выражения. Данное понимание не является консолидированным, так как идеи эмансипации, философия лидерства и индивидуального успеха оказывают воздействие на проживающих в Европе или США мусульманских спортсменок. Поскольку процесс вовлечения мусульманских женщин в спор-

тивные состязания и другие формы самореализации находится на ранней стадии, дальнейшие исследования в данной сфере представляются весьма актуальными.

Список литературы

1. *Иноземцева Е.Н.* К вопросу о правах женщин в исламе // *Власть*. 2009. №12. С. 98–100.
2. *Федорова Ю.Е.* «Женский вопрос» в исламе: дискурс о статусе женщины в современном исламском обществе // *Философская мысль*. 2015. №10. С. 102–128.
3. *Вента Р.* Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX–XXI вв. // *Женщина в российском обществе*. 2012. №1. С. 81–88.
4. *Вагабов М.В.* Ислам и женщина. М., 1968.
5. *Кобозева И.М.* Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 1995. №3. С. 102–117.
6. *Крысин Л.П.* Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. Екатеринбург, 2003. С. 450–455.
7. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура. М., 2007.
8. *Бекирова Л.С., Ильченко И.А.* Женщина в исламе: история и современность // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: Философия. Культурология. Социология*. 2013. №4. Т. 26 (65). С. 97–103.
9. *Кушев В.В.* Хиджаб // *Ислам : энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прохоров*. М., 1991. С. 278.
10. *Богданова О.Ю.* Заголовок как элемент текста // *Вестник Костромского государственного университета*. 2007. №1. С. 116–119.
11. *Хиджаб занял почетное место на Берлинском марафоне* // *IslamNews: информ. агентство России* : [сайт]. URL: <https://islamnews.ru/news-hidzhab-zanjal-pochetnoe-mesto-na-berlinskom-marafone> (дата обращения: 30.11.2019).
12. *Спортсменка в хиджабе вошла в список 100 влиятельных людей Time* // *Ансар: информационно-аналитический канал* : [сайт]. URL: <http://www.ansar.ru/sobcor/sportsmenka-v-hidzhabe-voshla-v-spisok-100-vliyatelnyh-lyudej-time> (дата обращения: 11.02.2020).
13. *Судьи дисквалифицировали спортсменку в хиджабе* // *Мусульманка: женский журнал* : [сайт]. URL: http://musulmanka.su/index.php/dosug/sport/item/sudidiskvalifitsirovali-sportsmenku-v-khidzhabe.html?category_id=77 (дата обращения: 11.02.2020).
14. *Спортивные ассоциации меняют правила* // *Исламосфера: культура как образ жизни* : [сайт]. URL: <http://islamosfera.ru/sportivnye-associacii-menyayut-pravila-razreshaya-sportsmenkam-nosit-xidzhab/> (дата обращения: 12.02.2020).
15. *Они ломают стереотипы* // *Sputnik Таджикистан* : [сайт]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/sport/20200201/1030632633/samye-yarkie-sportsmenki-khidzhab.html> (дата обращения: 15.02.2020).
16. *Распространение мира через баскетбол* // *Мусульманка: женский журнал* : [сайт]. URL: http://www.musulmanka.su/index.php/dosug/sport/item/rasprostranenie-mira-cherez-basketbol-zhenskaya-basketbolnaya-komanda-studentok-musulmanok-v-amerike.html?category_id=77 (дата обращения: 20.02.2020).

17. Ярыкапов А. Стыдные вопросы про хиджаб и паранджу // Медуза : [сайт]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/01/stydnye-voprosy-pro-hidzhab-i-parandzhu> (дата обращения: 03.03.2020).

18. Догдина Е. Не хиджабом единым // Wonderzine : [онлайн-издание]. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/236435-islam-and-feminism> (дата обращения: 03.03.2020).

19. Ярошевский А. «Надеюсь посостязаться с Медведевой»: арабская фигуристка о своих кумирах, катании в хиджабе и поддержке властей ОАЭ // RT на русском : [онлайн-издание]. URL: <https://russian.rt.com/sport/article/617952-zahra-lari-uae-figurное-katanie> (дата обращение: 20.02.2020).

20. Под покровом. Почему хиджаб стал популярным по всему миру и кто на этом зарабатывает // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/articles/2019/09/10/islamic_fashion/ (дата обращения: 21.02.2020).

Об авторах

Елена Николаевна Стрельчук – д-р пед. наук, доц., Российский университет дружбы народов, Россия.

E-mail: Strelchukl@mail.ru

Хайят Хассан Мергани Шакак – асп., Российский университет дружбы народов, Россия.

E-mail: hayat.shakak@gmail.com

The authors

Prof. Elena N. Strelchuk, Associate Professor, RUDN University, Russia.

E-mail: Strelchukl@mail.ru

Khayyat Hassan Mergani Shakak, PhD Student, RUDN University, Russia.

E-mail: hayat.shakak@gmail.com

Л. Г. Дорофеева

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА
В. МАКСИМОВА «ПРОЩАНИЕ ИЗ НИОТКУДА»:
К ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ**

56

Жанровая форма автобиографического романа В. Максимова анализируется в контексте духовной традиции и в связи с типологией литературных героев. Выявляется близость романа-исповеди «Прощание из ниоткуда» к смысловой форме исповеди-поступка (М. Бахтин), воплощенной в древнерусском «Поучении» Владимира Мономаха. Тип героя-протагониста определяется совершаемым им духовным движением по пути личного покаяния и обретения внутренней свободы. Мотив прощания соединяется в романе с формой исповеди и становится со стороны автора поступком, делом. Это характеризует жанр романа «Прощание из ниоткуда» как связанный с национальной духовной традицией при органичном включении жанровых форм, присущих роману XX в.

The article analyses the genre of the autobiographical novel by V. Maksimova in the context of the spiritual tradition and in connection with the typology of literary heroes. The study reveals closeness of the novel-confession "Farewell from Nowhere" to the semantic form of "confession-deed" (M. Bakhtin), embodied in the ancient Russian "Teachings" by Vladimir Monomakh. The type of hero-protagonist is determined by the spiritual movement he makes along the path of personal repentance and gaining inner freedom. The motive of farewell is combined in the novel with the form of confession and becomes an act on the part of the author. This characterizes the genre of the novel "Farewell from Nowhere" as connected with the national spiritual tradition and the organic inclusion of genre forms inherent in the novel of the twentieth century.

Ключевые слова: Владимир Максимов, роман, духовная традиция, жанр, автобиография, исповедь-самоотчет, типология героев, аксиология.

Ключевые слова: Vladimir Maksimov, novel, spiritual tradition, genre, autobiography, self-confession, character typology, axiology.

Творчество Владимира Максимова, известного писателя русского зарубежья третьей волны эмиграции, активно исследуется на протяжении последних десятилетий в самых разных аспектах. Одним из ключевых, если не сказать центральным, является вопрос об отношении творчества В. Максимова к национальной духовной традиции. В произведениях Максимова неоднократно отмечалось сочетание новых эстетических тенденций, характерных для литературного процесса конца

XX в., с укорененностью в традиции [3; 15; 17]. Культурная традиция же всегда национальна и формируется в лоне религиозного предания, к которому она принадлежит и которое определяет ее тип, специфику, ее «лицо». Следовательно, правомерно говорить о традиции *духовной*. Нет необходимости сегодня доказывать мысль о том, что русская словесность своим основанием имеет восточное христианство, или Православие [5; 6; 19]. Именно эта принадлежность единому духовному пространству обеспечивает генетическое и типологическое сходство творчества разных писателей, делает продуктивным сопоставительный анализ текстов, разделенных между собой веками и относящихся к разным типам словесности.

Проблема традиции была и остается одной из центральных в литературоведении. И особенно велика ее актуальность при изучении литературы кризисных эпох национальной жизни, сопровождающихся ревизией жизненных устоев, ценностей, всего того, что «завязано» на религиозные основы жизни нации. Таков XX в. в русской истории, пережившей революцию 1917 г. и все, что за ней последовало. Русская литература XX в. осмысливает и отражает эти тектонические культурные сдвиги, самоопределяясь в отношении прежде всего духовной традиции с ее главным новозаветным вектором.

Тот факт, что творчество В. Максимова находится в контексте новозаветной традиции, отмечается практически всеми исследователями его прозы 1970–1980-х гг. Вместе с тем вопрос об органической связи его творчества с духовной традицией и обусловленной этим специфике поэтики его произведений нуждается в более аргументированной доказательной базе.

Одной из ключевых в истории литературы является проблема эволюции жанровых форм. Жанр, понимаемый как «содержательная форма» [9], обладает исторической устойчивостью, обеспечивающей формирование и существование литературной традиции. Как справедливо пишет В. В. Кожин, «жанр — это существенная закономерность, активно воздействующая на литературный процесс» [9, стб. 915].

Человек как «центральный объект литературного творчества» [10, с. 3] выступает одной из важнейших «скреп» литературного процесса и столь же активно влияет на формирование, сохранение и развитие национальной традиции. По мысли А. В. Михайлова, «образ человека, толкование человека... всегда находится в центре литературы, и человек есть то начало, благодаря которому и ради которого запускается в ход весь механизм морально-риторического словесного творчества» [13, с. 38]. Добавим: не только морально-риторического, но словесного творчества как такового.

Жанр тесно связан с типологией героя, особенно если дело касается художественной автобиографии, для которой характерно «единство в одном лице автора, рассказчика и протагониста» [18, с. 54–56], а ее структура организована вокруг главного героя-протагониста.

Роман В. Максимова «Прощание из ниоткуда» устойчиво определяется исследователями как роман автобиографический [4; 8; 16; 17].

При этом справедливо говорится о сложности жанрового состава романа, о своеобразии типа автобиографического героя, о влиянии «нового автобиографизма», формирующегося в современной прозе «постреализма», к которому порой относят прозу В. Максимова. Иначе говоря, специфику этого автобиографического романа связывают в основном с тенденциями постмодернизма или постреализма (см. напр.: [14, с. 87–92]). Такой взгляд представляется односторонним. По нашему убеждению, в «Прощании из ниоткуда» мы встречаемся с формой художественной автобиографии, в которой просматривается комплекс весьма различных влияний — от древнерусской традиции до художественных открытий последней трети XX в.

Для выявления особенностей жанровой природы романа «Прощание из ниоткуда», обусловленной связью с духовной традицией, обратимся к типологии персонажей романа, отразившей трансформацию общественного сознания эпохи, а затем к его сопоставлению с «Поучением» Владимира Мономаха.

Почему нельзя ограничиться рассмотрением одного главного героя, обеспечивающего в автобиографическом романе его жанровую определенность? Жизнь общества 1930–1970-х гг. требовала от каждого человека нравственного выбора, этот выбор приходится делать *каждому* персонажу романа. Специфика образа главного героя, определяющего жанр, может быть выявлена только в сопоставлении с теми жизненными выборами, которые совершают окружающие его персонажи, воплощающие разные типы сознания.

При всей «густонаселенности» романа «Прощание из ниоткуда» и многообразии представленных автором персонажных типов отчетливо выделяются три типа личности, появление которых обусловлено противоположными процессами в сознании людей, оказавшихся в условиях постреволюционной эпохи и новой идеологической системы. Заметим, что это историческое время осмысливается автором как глубоко трагическое.

Первый процесс — превращение человека в «вещь», его «сплошное овнешнение», лишение «внутреннего измерения», «немного и незримого ядра» личности [1, с. 285], собственно *души*, живущей по законам Духа. Второй — процесс самоосознания личности в этих новых условиях и ее «овнутрение», обретение «ядра», той внутренней свободы, которая делает человека личностью. И если первый связан с формированием «нового человека», внешне-завершенного по лекалам советской идеологии, то второй ему прямо противоположен и связан с покаянием человека, вырывающегося из этой завершенности, обретающего свой голос, отдельный от безликого «мы», и находящего себя в духовной традиции, в ее ценностной определенности.

И. А. Есаулов, размышляя о типе человека и принципах его изображения в советской литературе, отмечает «очевидное совпадение тоталитарной и античной ментальности, их *типологическую* идентичность» [7, с. 445–459]. Это проявляется, в частности, в том, что «реальный хронотоп», по словам И. А. Есаулова, «властно и решительно под-

чиняет себе внутренний, т. е. *художественный*» [7, с. 447], а также в принципиальной овнешненности героя и изображаемой действительности. Такого человека определяет отсутствие в нем «немых и незримых сфер бытия, которым человек был бы причастен и которыми он определялся» [1, с. 285].

Но наблюдения И. Есаулова позволяют увидеть и противоположные тенденции, свидетельствующие о *сопротивлении* художника тенденциям овнешнения и «овеществления» человека. Таков, на наш взгляд, основной конфликт в автобиографическом романе Максимова «Прощание из ниоткуда» – становление *внутреннего человека* в условиях государственной стратегии абсолютного подчинения жизни человека заданной модели «правильного» пути. В романе Максимова отражен и художественно осмыслен болезненный, тяжелый процесс «тотального обездушивания... на пути к овнешнению» [7, с. 454]. Изображение этого процесса и является ключевым, определяющим типологию героев, систему персонажей, структурированную по признаку меры *овнешнения*, степени либо внутренней свободы, либо внешней завершенности.

Один полюс составляют персонажи, порожденные тоталитарной Системой, цель которой – сделать человека полностью внешним и равным заданным Системой параметрам. Таковые герои сопровождают Влада на протяжении всего его пути. Например, директор школы, «вербовавший» Влада для доносов на своих товарищей по образцу Павлика Морозова:

- Ты любишь Павлика Морозова?
- Да... Люблю...
- Вот с кого тебе надо брать пример. <...> Верность делу Ленина-Сталина – прежде всего. <...> Если что почувствуешь или услышишь, не стесняйся, расскажи своей классной руководительнице. В крайнем случае – прямо ко мне, мы тебя в беде не оставим. Ты с нами, ты – наш! Понял? [11, с. 19–20].

Характерно, что именно в реакции Влада на этот призыв к предательству и проявляется процесс овнешнения человека, лишения его внутреннего *я* – души, взамен которой предлагается слияние с «мы» и радость от утраты своей личности:

Проникаясь ответственностью момента, они оба невольно вытянулись по стойке смирно. Влада охватило чувство приобщения к тайная тайных, святая святых, к чему-то огромному и непостижимому в своей запредельной значительности... <...> Сейчас он уже не был маленьким и беззащитным существом... за его спиной вдруг встала сила, способная смять, раздавить любого, кто посмеет на него замахнуться. Впредь ему не нужно будет мучительно раздваиваться между угрожающими «да» или «нет». Каждое его «да» и каждое его «нет» определены заранее потребностью и пользой Общего Дела и Единой Цели... [11, с. 20].

Такова и отрядная пионервожатая в пионерском лагере, которая невзлюбила Влада, интуитивно чувствуя в нем иную, скрытую, внут-

ренную жизнь: «Избегаешь здорового пионерского коллектива, Самсонов? Культивируешь в себе чуждый нам индивидуализм? В лес смотришь? *От нас не скроешься, Самсонов, у нас пролетарское зрение...*» (курсив мой. — Л.Д.) [11, с. 26]. И как часто в разные периоды жизни, на разных этапах его пути, вплоть до отъезда из России будет он слышать из уст подобного типа людей «от власти» в разных выражениях эту угрозу — «не скроешься». Будь то Демина, «секретарь партбюро судоремонтного», следившая за мерой его свободы в творчестве («Новогодний концерт готовите, товарищ Самсонов, а программки в партбюро до сих пор нет?» [11, с. 267]), или «партийный босс, ведавший пропагандой» [11, с. 404] в Краснодаре, в издательстве газеты, которой Влад был нужен только «в качестве идеологической изюмины для отчетных докладов» [11, с. 406] как молодой поэт-колхозник. И так далее: различные «товарищи в обкоме», сотрудники «Галины Борисовны» (именование Комитета госбезопасности в романе), как, например, Бардин Михаил Иванович, который в беседе-поединке «по душам» с героем произносит почти сакральную фразу: «...ведь вы же советский человек» [12, с. 108], предлагая ему, по сути, предательство.

И все же большая часть персонажей, с которыми главного героя сводила судьба, являются героями скорее трагическими, не находящими себя в этом мире тотальной овеществленности, но и неспособными вырваться из нее, тип которых условно можно определить как «потерянный». Это тип личности, уже «выпавшей» из традиции, утратившей ее мировоззренческие и ценностные основания, но в то же время не принявшей до конца новую систему ценностей, тип личности, порождаемой советской идеологией, но внутренне отчуждающейся от нее. Текст поражает обилием постоянно пьющих и пьяных людей, уходящих в пьянство как в некий алкогольный «футляр», впадающих в плотские страсти, безумные гульбища. Они периодически «прозревают» и тоскуют, уходя затем снова в запой. Показан мир, в котором утрачен смысл, безблагодатность которого рождает непреходящее чувство уныния, доводящее героев порой до самоубийства. И Влад их не судит, но сострадает, порой жалеет и, проходя сквозь покаянную память, с ними прощается, сохраняя в их образах лучшее, — способность к свету и любви. Таковым оказался в Красноярске кадровик Скапенко, «из синих глаз» которого, «из самой их дымчатой глубины, порою, в хмельную минуту, вдруг выплескивался такой белый цвет отчаяния, что хотелось отвернуться или зажмуриться» [11, с. 238–239]. Таков Борис Есьман, считающий себя «трухой искусства», как и других собратьев по перу, например Руммера, книгу которого он саркастически характеризует как «эпохальное произведение о проблемах колхозного улова в разрезе механизации трудоемких процессов» [11, с. 384], а самого автора — как «алкогольную развалину на двух ногах» [Там же]. Героев подобного типа в романе множество, и при всей их разности объединяющим этот тип героя является состояние уныния, или «потерянности», свидетельствующее об отсутствии в душе веры, надежды и утрате смысла

жизни. Так изображено в романе Максимова «тотальное обездушивание», которое совершалось «не естественным (дорефлексивным), а искусственным и всегда насильственным образом» [7, с. 454]¹.

При этом герои, не овнешненные до конца, предстают скорее трагическими: они сохраняют в себе тоску по Свету, но не находят в себе силы для обретения внутренней свободы, будучи оторванными от религиозных основ жизни. Главный автобиографический образ позволяет это утверждать. В нем явлен тип героя, глубоко традиционного для русской словесности, которого можно назвать «кающимся», в основе развития которого лежит архетипический сюжет о блудном сыне и традиционные для русской культуры архетипы Отчего дома и «дальней стороны». Все это уже было отмечено исследователями [16; 17].

Нас же интересует связь этого типа автобиографического героя с создаваемой автором жанровой формой, соединяющей духовную традицию и современные тенденции литературы. Пролить свет на эту связь позволяет сопоставление романа с первым памятником в русской словесности — «Поучением» Владимира Мономаха, в котором автор же и является, условно говоря, основным героем, в силу чего вторую часть «Поучения» с известной долей условности называют автобиографией — фактически первой в русской словесности.

В литературе уже отмечалась *многомерность* как характерная черта романов Максимова, присутствие в нем не одной, но по меньшей мере двух, а то и более точек зрения — автора-творца, автобиографического автора (который не равен образу автобиографического героя). Это раздвоение, даже «растроение» авторской интенции, реализуемое в разных формах, является особенностью художественного мышления XX в. и расценивается исследователями как знак синтеза «реалистических и постмодернистских тенденций» в прозе В. Максимова [14]. При этом, по верному высказыванию И. Поповой и Л. Хворовой, в романе «Прощание из ниоткуда» «автобиографический образ воплощает черты личности автора как феномена психической жизни, а не феномена эстетической реальности» (курсив мой. — Л.Д.) [14]. Но только эта черта, на наш взгляд, свидетельствует как раз не о *влиянии постмодернизма*, а о приближении к способу создания текста, характерному для древнерусской литературы, причем раннего периода, XI–XIII вв. Этот способ определяется М. Бахтиным как *поступок* или *исповедь-самоотчет* и ориентирован не на *художественное*, а на *реальное* пространство и время. Речь в данном случае у Бахтина идет о средневековом писателе, кото-

¹ Нельзя не согласиться с мыслью И. Есаулова, находящей подтверждение в романе В. Максимова: «В России, не имевшей, в отличие от некоторых других европейских христианских держав, эпохи Возрождения как необходимой “прививки”, смягчившей последующие волны секуляризации жизни (и последовательного размывания категорий “внешнего” и “внутреннего”, “телесного” и “духовного”), внезапный мощный удар по религиозному сознанию со стороны государства надолго определил для подавляющего большинства народа бывшей Российской империи потерю всяких нравственных ориентиров, а следовательно, тотальное овнешнение и деградацию жизни» [7, с. 455].

рый, как известно, не осознает себя автором и не воспринимает творчество как самоцель. Создание текста для него — это *способ жизни, деяние*, имеющее внехудожественную прагматику.

Памятник древнерусской словесности XII в., «Поучение» Владимира Мономаха, где Мономах выступает одновременно и автором и «героем», на наш взгляд, организован мотивом покаяния и представляет собой исповедь человека, стоящего перед Страшным судом [20, с. 205–208]. Памятник соединяет в себе разные жанровые формы — собственно поучения, «автобиографии» и письма, адресованного брату, и все они пронизаны покаянным чувством автора. Более того, эти формы, определившие собой трехчастность произведения, не являются в его целом ни собственно поучением, ни автобиографией (которой в то время не могло быть в силу неререфлексивности сознания), ни собственно письмом. Перед нами то, что М. М. Бахтин называет смысловой формой *поступка и исповеди-самоотчета*, которые зависят от «смысловой установки героя в бытии», от «ценностной позиции в нем» [2, с. 123]. Именно с этим качеством и связана жанровая специфика «Поучения» Мономаха, определяемая *способом создания текста*. Дело в том, что Владимир Мономах *вполне реально* совершает акт покаяния, одной из форм которого и является данный текст, сознательно помещенный его автором исключительно и только в «Повесть временных лет», т. е. в летопись. Это замечали многие ученые-медиевисты. Глубокую интерпретацию дал такому поступку Владимира Мономаха А. Н. Ужанков, исходивший из особенностей типа писательского мышления, свойственного книжности XII в.: «...основной посыл сочинения Владимира Мономаха: будучи смертными (тленными), следует думать не столько о сегодняшнем дне, сколько о грядущем Страшном суде и готовиться предстать пред Судьею. А для того, чтобы быть прощенным на Суде, необходимо простить и ближних своих, покаяться и проявить смирение» [20, с. 205–206]; «В летопись сочинение Мономаха попало не случайно. Писал он его не для широкой публики. И предназначалось оно не столько Олегу Святославичу, сколько Высшему Судье на Страшном суде, пред которым сам без обличителей обличался Мономах. И перечисляя свои деяния, надеялся, что по ним его и *судить* будут, или, во всяком случае, и его оправдательное слово зачтется» [20, с. 208].

Владимир Мономах не может являться для себя героем², потому что «в поступающем сознании, даже там, где оно дает отчет, высказывает себя, нет героя как значимого, определяющего фактора, оно предметно, но не психологично и не эстетично» [2, с. 123]. Отметим принципиальную разницу в ценностно-смысловом наполнении двух жанровых форм, по отношению к которым Бахтин употребляет понятие «самоотчет»: античной автобиографии-самоотчета [2, с. 234] с ее уста-

² Поэтому употребление литературоведческого понятия «герой», как и «образ», по отношению к фигуре Владимира Мономаха носит весьма условный характер, как, впрочем, и использование любых других литературоведческих терминов в отношении средневекового текста.

новкой на овнешненного «человека-вещь», и древнерусской исповеди-самоотчета [2, с. 123] с ее углублением во внутреннего человека и идеей покаяния и провиденциализма.

В обоих случаях тексты «самоотчета» — античной автобиографии или древнерусской исповеди — перед нами не «литературно-книжного характера», т.е. не художественные (впрочем, это универсальное свойство средневековой литературы); они осваивают «реальное историческое время и пространство и реального исторического человека» [1, с. 234]. При этом они принципиально отличаются позицией писателя в отношении к самому себе и к времени. Древнерусский писатель не нацелен на «граждански-политический акт публичного прославления или самоотчета» [1, с. 282], его исповедальное слово есть выражение жизни внутреннего человека, сосредоточенного на своей душе, предстоящей перед Богом. Хронотоп в религиозной книжности Древней Руси определяется христианским мировидением и потому всегда иконоичен, обладает духовным измерением. Биографическое время в «Почечении» обретае «вечное» измерение, так как с точки зрения вечности и представлено Мономахом. Именно поэтому описываемый им жизненный путь не может «всечело» определяться «государством», т.е. внешними историческими, политическими обстоятельствами, «соответствовать жестко заданным этим государством нормам» [7, с. 261].

Конечно, в романе Максимова перед нами предстает не древнерусский образ человека, и Максимов вполне осознает себя автором и одновременно создает образ героя, сливающийся с ним биографически. Но, как и для древнерусского творца «Почечения», для русского писателя конца XX в. главной становится идея Божьего суда, о чем он говорит напрямую:

Грянет час, и каждый, а в том числе и он, узнают, если им это будет дано узнать, что ест другой Суд, и у того Суда нет обвинителей или защитников. Человек начинает судить себя сам по Закону, дарованному ему от рождения, закону Совести. Дай же ему, Господи, вынести тот Суд! [11, с. 177].

Взгляд В. Максимова, безусловно, сосредоточен на современной ему эпохе. Основной конфликт романа определяется, с одной стороны, отношением автобиографического героя, Влада Самсонова, к России XX в., к истории становления советского государства, рождаемого революцией, и с другой — его отношением к самому себе, осознанием своей греховности и поиском Истины. Очень важно, что это своего рода роман-исповедь, о чем пишет И. М. Попова: «В романе-исповеди “Прощание из ниоткуда” Владимир Максимов обогащает жанровую форму, синтезируя эпические, драматические и лирические тенденции и осуществляя взаимодействие классических и неклассических художественных систем» [16]. Обратим только внимание на специфику функционирования этой жанровой формы — исповеди: здесь не «использование» ее автором, не игра и не художественный «ход», нужный для самораскрытия героя. В данном случае мы встречаемся с реальностью ис-

поведи писателя, с процессом его личного покаяния. А значит — с глубокой и устойчивой (как оказывается) традицией русской литературы, восходящей к древнерусской словесности.

Рассматривая с этой точки зрения жанр романа В. Максимова и понимая относительность сопоставления его с древнерусским текстом, отметим существенное для нас принципиально сходство авторской позиции в отношении к создаваемым ими текстам: для Владимира Максимова, как и для Владимира Мономаха, сам способ создания произведения есть прежде всего поступок, в котором главной является реальность покаяния, молитвы, осознания себя и своего пути в провиденциальном ключе. Несомненно, перед нами произведение, сотворенное «изнутри» религиозного христианского сознания.

64

Еще одна черта, роднящая этот роман со средневековым текстом, — его особая художественная структура, в которой духовная реальность определяет иерархию, и уже в отношении этой Высшей реальности самоопределяется центральный герой, Влад Самсонов. Игорь Виноградов одним из первых справедливо отметил теоцентризм художественной системы Максимова: «Бог в его прозе — это всегда и неизменно и есть единственный реальный центр, вокруг которого строится весь его художественный космос и вне которого в этом космосе не существует и не рассматривается ничего» [3, с. 288]. Образ мира, воссозданный автором в романе, — мира сложного, драматичного, трагичного, расколотого, больного — обладает неким единым, условно говоря, энергетическим центром. Это ощущаемый в глубине Свет, источник любви, тепла, Божественный Дух, в свете которого обнажается истинный смысл всего изображаемого в романе. И причастными этому Свету оказываются те герои, сердце которых способно любить, сострадать, жалеть. Так, рецидивист Серега, человек, по всем социальным параметрам пропавший, осужденный на смертную казнь за воровство, оказывается близким этому Свету, его носителем и его источником для Влада, который уже в конце, проходя памятью свой путь, мысленно обратится к своему товарищу: «Сквозь тьму и скверну Бытия ты нес в душе, не извращая и не расплескивая, Божественный Дар Совести» [11, с. 189]. Этот Свет и есть духовный центр романа, определяющий его целостность. Движение автобиографического героя организуется поиском этого Света, составляющего духовное пространство романа, что присуще и древнерусскому тексту.

Итак, автобиографический роман «Прощание из ниоткуда» можно назвать романом становления внутреннего человека и одновременно романом-самопознанием и исповедью. В нем внешние события имеют значение и раскрывают свой истинный смысл только с точки зрения внутреннего движения личности по своему провиденциальному пути. Герой чувствует и осознает действие Промысла в своей судьбе, присутствие Божественного замысла. По сути, все его испытания, все искушения, падения и восстания ведут к осуществлению этого замысла: «Это был его знак, его родовое тавро, его непогашенный вексель, с которым он пройдет через всю жизнь в поисках своего загадочного Господина,

Хозяина, Кредитора. <...> Лишь где-то на самом исходе лет его озарит сокровенный смысл этой неотвратимости, ее цель, ее предопределение» [11, с. 8].

Все вышесказанное позволяет утверждать, что в романе Максимова «Прощание из ниоткуда» мы встречаемся с необычным для автобиографии XX в. соединением смысловой формы поступка, исповеди-самоотчета с жанровыми формами современного романа. При этом, конечно, форма самоотчета в романе Максимова осваивается не в чистом виде, а определяет жанровую специфику автобиографии. Там есть и саморефлексия автора, и рефлексия героя, и психологизм, и прочие черты реалистической прозы нового времени.

Главным же является то, что Владимир Максимов создает роман, в котором обнаруживает себя в национальной духовной традиции, в родном ему «далеком контексте», всегда современном новозаветным пространству и времени благодаря внутреннему выбору главного героя, совершившего в условиях времени тоталитарного овнешнения и превращения человека в «вещь» подвиг обретения внутренней свободы жизни души, проходя свой личный путь покаяния. Владимир Максимов создает роман как форму исповеди-самоотчета, при этом оставаясь художником слова XX в.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Виноградов И.И. Мир и человек в творчестве В. Максимова // Материалы Международной конференции Картина мира и человека в литературе и мысли русской эмиграции = *Obraz świata i człowieka w literaturze i myśli emigracji rosyjskiej* / red. A. Dudek. Kraków, 2003. С. 287 – 296.
4. Дмитриева Ю.Л. Автобиографический герой в творчестве Владимира Максимова (на материале романа «Прощание из ниоткуда») // Научный потенциал регионов на службу модернизации. 2013. №1 (4). С. 68 – 77.
5. Дорофеева Л.Г. Русская словесность в контексте национальной духовной традиции: монография. Калининград, 2019.
6. Есаулов И.А. Христианская традиция и художественное творчество. Петрозаводск, 2005.
7. Есаулов И.А. Человек-вещь и христианское сознание // Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М., 2015. С. 445 – 459.
8. Зубарева Е.Ю. Проза русского зарубежья (1970–1980-е годы): в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М., 2000.
9. Кожин В.В. Жанр // Краткая литературная энциклопедия : в 8 т. Т. 2. М., 1964. Стб. 914 – 917.
10. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
11. Максимов В.В. Прощание из ниоткуда. Кн. 1 // Собр. соч. : в 8 т. М., 1991.
12. Максимов В.В. Прощание из ниоткуда. Кн. 2 // Собр. соч. : в 8 т. Т. 5. М., 1992.
13. Михайлов А.В. Методы и стили литературы. М., 2008.
14. Попова И.М., Хворова Л.Е. Проблемы современной русской литературы : курс лекций. Тамбов, 2004. URL: <https://tstu.ru/book/elib/pdf/2004/popova1.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).

15. *Попова И. М.* Символично-метафорический принцип изображения истории в прозе В. Е. Максимова конца XX века // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. №2. С. 263–270.

16. *Попова И. М.* Путь взыскующей совести. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Владимир Максимов : монография. Тамбов, 2008. URL: <http://window.edu.ru/resource/145/64145/files/popova4-a.pdf> (дата обращения: 19.07.2020).

17. *Савушкина Н. Н.* Роман Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда»: типология жанра : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002.

18. *Сапожникова Ю. Л.* Жанр автобиографии: понятие и особенности // Уч. зап. ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2012. №2 (43). С. 54–56.

19. *Теория* Традиции: христианство и русская словесность : монография / науч. ред. Г. В. Мосалева. Ижевск, 2009.

20. *Ужанков А. Н.* Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М., 2011.

Об авторе

Людмила Григорьевна Дорофеева – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

The author

Prof. Lyudmila G. Dorofeeva, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

А. А. Камалова, Е. А. Унгуриянова

«СВЕТТОМИЯ» Н. М. КОНОНОВА И «ПИР» ПЛАТОНА:
 ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Выявляется интертекстуальная связь рассказа Н. М. Кононова «Светотомия» с диалогом Платона «Пир», прослеживается логика поэтического функционирования платоновского интертекста в «младшем» произведении. Анализ установил диалогичность текстов на содержательном уровне: они объединены темами пира и любви. Пиршественный нарратив в диалоге Платона – это праздник элиты, он описан в традициях этики и философии Античности. Герои «Пира» – исторические личности, их дружеская беседа демонстрирует поиск истины, любовь понимается как стремление к прекрасному, к вечности. Дружеское застолье в рассказе Кононова – пир греховной плоти, «пир во время чумы», художественные образы рассказа – симулякры, привлекающие внешне, но безобразные нравственно.

The article is devoted to comparative analysis of N. M. Kononov's short story "Svetotomiy" and Plato's dialogue "The feast". The research aims at identifying intertextual links between these text while the analysis establishes the dialogic nature of the texts on a conceptual level and they are united by the motifs of Feast and Love. The feasting narrative in Plato's dialogue is a celebration of the elite, described in the traditions of ethics and philosophy of antiquity. The characters of "The feast" are historical figures, their friendly conversation demonstrates the search for truth, love is understood as a desire for beauty and for eternity. The friendly feast in Kononov's story is a feast of sinful flesh, "a feast during the plague". The artistic images of the story are simulacra, attractive in appearance, but morally corrupted.

Ключевые слова: Н. М. Кононов, Платон, диалог, интертекстуальность, пиршественный нарратив, Эрот, постмодернизм.

Keywords: N. M. Kononov, Plato, dialogue, intertextuality, feasting narrative, Eros, postmodernism.

Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности.

М. М. Бахтин

...Память читателя – главное средство распознавания интертекста.

Н. Пьеге-Гро

Введение

Проблема диалога художественных текстов представлена в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей XX в. — Л. Выготского, М. Бахтина, Ю. Лотмана, М. Бубера и др. При этом диалогичность понимается в двух аспектах: как культурный диалог и как диалог культур. Понятие диалогизма, тесно связанное с исследованиями М. М. Бахтина по философии и теории романа, лежит в основе генезиса интертекстуальности. Анализ теоретических концепций вопроса выявляет два подхода к трактовке этого понятия — узкий и широкий. Узкое понимание сводится к наличию формальных связей между текстами — символов, цитат, реминисценций, аллюзий [1; 7; 11]. Широкий подход к интертекстуальности предполагает взаимодействие текстов в двух планах — в плане содержания и/или в плане выражения, а интертекстуальность мыслится как способ диалога, при котором один текст воссоздает в своем внутреннем пространстве другой [20]. В XX в. в поэтике постмодернизма интертекстуальность приобретает принципиальное значение, становясь релевантным признаком литературы и искусства.

Обыгрывание прецедентных текстов характерно для творчества Николая Кононова (см., например, рассказы «Фланер», «Гений Евгении», «ЕГЭ в два этапа» и др.), что отмечается в работах М. А. Дмитриховской, Е. Т. Ивановой, Е. А. Лазаревой, С. В. Свиридова, Н. Е. Лихиной [3; 4; 12; 18] и др. Однако многие произведения Кононова в данном аспекте остаются малоизученными или не изученными вовсе.

Цель данной статьи — провести сопоставительный анализ рассказа Николая Кононова «Светотомия» (2002) и диалога Платона «Пир» (385–380 гг. до н. э.) на предмет комментирования культурного диалога. Отметим, что поставленная цель может быть реализована только на уровне плана содержания — тематических и сюжетных линий, поскольку сопоставляются тексты, относящиеся к различным культурам, отдаленные во времени почти на 2400 лет.

«Пир» Платона и «Светотомия» Н. Кононова: сопоставительный анализ

Прежде всего изложим сюжетную линию привлекаемых к анализу текстов, дабы выявить объекты для комментирования интертекстуальных отношений.

«Пир» Платона — это диалог в диалоге: Аполлодор пересказывает своему другу Главкону то, что ему рассказал некий Аристодем о пире у Агафона, который праздновал награду за свою первую комедию. На застолье у Агафона присутствовали философ Сократ, комедиограф Аристофан, политик Алкивиад и др. Участники застолья устроили дискуссию о любви, о боге Эроте (Эросе). Любовь, по мнению присутствующих, — примиряющее и гармонизирующее начало между враждебными силами как в человеке, так и во всем сущем. В речи Аристо-

фана комментируется миф о существах, обладавших одновременно феминным и маскулинным началом, — андрогинах, которые посягнули на власть богов. За свою дерзость они были рассечены на две части, и теперь вынуждены искать свою половинку и соединяться с ней при помощи любовного влечения — Эроса. Дискуссия заканчивается речью Сократа, в который говорится о любви как о высшем благе, как о стремлении к красоте и вечности, что воплощается в рождении детей и в результатах творческой деятельности.

«Пир» Платона, посвященный вечной теме любви, перешагнул границы своей эпохи, существуя уже, по М. Бахтину, в «большом времени». В Новой философской энциклопедии читаем: «“Пир” послужил источником многочисленных подражаний (Ксенофонт, Аристотель, Плутарх, Апулей, Афинея, Юлиан, Макробий, Мефодий Патарский). Комментарий к “Пиру” — одна из “Эннеад” (I. 5) Плотина. В эпоху Возрождения “Пир” стал особенно популярен благодаря комментарию М. Фичино. Исключительное влияние платоновская метафизика любви оказала на Вл. Соловьева и эстетику русского символизма» [17, с. 232]. Писатели разных эпох осмысливают идеи Платона сквозь призму своих философско-культурологических концепций. Так, например, «Пир Трималхиона» из романа Петрония «Сатирикон» (I в. н. э.) — это перевернутое отражение «Пира» Платона, где участники пиршества — бывшие рабы, а их рассуждения предстают как пародия на философские идеи героев Платона.

В «Светотомии» Николая Кононова повествование ведется от лица автора. Рассказ начинается с воспоминаний о двух сокурсницах-подружках — Свете и Томе. Тома была хорошо успевающей студенткой: «Все-то мне думалось тогда — и то в ней хорошо, и это вроде бы неплохо, спортсменка-комсомолка-отличница-почти-не-спит» [9, с. 411]. Света — полная ее противоположность: «лукаво-дебелая, созданная для потягиваний, сна на свежих простынях под розовым пуховиком, для пампушек и шанюшек» [9, с. 414]. И вот через «надцать» лет рассказчик на перроне Павелецкого вокзала сталкивается «двумя задорными торбочницами», оказавшимися Светой и Томой. Встреча становится поводом для гостевых визитов. В доме Тома его встречает богатое застолье, и каждая встреча заканчивается интимной близостью. Во время одной из встреч он знакомится с сыном Тома, девиантное поведение которого становится причиной ссоры и расставания бывших сокурсников.

План содержания данных текстов позволяет выделить две общие темы — пира и любви.

Известно, что одной из «вечных тем» мифологии и художественной литературы является пиршественный мотив, в большинстве случаев рассматриваемый сквозь призму противопоставленных друг другу понятий: Эрос — Танатос, жизнь — смерть, душа — тело, расцвет — упадок, свет — тьма и т.д. Символическое пространство пира привлекает многих исследователей. Д.М. Магомедова, например, рассматривает пир в качестве коллективного ритуального действия, отмечая, что в его контекст входят «древние метафоры еды и питья» [14, с. 73]; о коллек-

тивно-ритуальной природе пира пишет и О. Фрейденберг, понимая его как вкушение не только природных даров, но и даров духовных; это дар слова мудрости, дар слова знания, которые «связаны с поэтическим словом — застольной речью» [19, с. 62–63]. На карнавальную природу пира и его связь с застольной беседой указывает М. М. Бахтин, отмечая при этом органическую близость еды, основного пиршественного образа, с мотивом смерти [2]. О связи пира со смертью, движении от Эроса к Танатосу размышляет Ю. М. Лотман в работах, посвященных поздним произведениям А. С. Пушкина [13]. По мнению С. М. Козловой, в европейской культуре пир предстает, с одной стороны, как «средоточие праздничной утопии — социальной гармонии, изобилия, свободы, блаженства» [8, с. 5], как «праздничный пир», а с другой — как способ преодоления человеком фобий, связанных с осознанием своей смертности и греховности («пир во время чумы»).

Персонажи Кононова, как и персонажи Платона, объединены общим застольем. Праздничное застолье предполагает наличие гостей и множество блюд, оно длится долго — несколько часов, гости не только едят и пьют, но также произносят тосты, разговаривают, возможно поют и танцуют. В диалоге Платона не описываются подаваемые гостям блюда, но говорится о том, что все присутствующие единодушно решили «на сегодняшнем пиру допьяна не напиваться, а пить просто так, для своего удовольствия» [17], мы также узнаем, что гостей услаждала музыка арфа. У Кононова читаем: «Это был не ужин, а полный Молоховец. В трех томах» [9, с. 420]. Компания много ела и пила, танцевала, что вполне в духе русского застолья.

Застольные речи этого диалога Платона отражают идеи античной эстетики и философии. На пиру у Агафона тему беседы предложил Эриксимах: «Пусть каждый из нас, справа по кругу, скажет как можно лучше похвальное слово Эроту» [17]. Так, например, речь Федра была посвящена древнейшему происхождению Эрота. Восхваляя любовь и любящих, он говорит: «Чему же она должна их учить? Стыдиться постыдного и честолюбиво стремиться к прекрасному, без чего ни государство, ни отдельный человек не способны ни на какие великие и добрые дела» [17]. Заметим, что его рассуждения касаются мужских гомосексуальных отношений.

Описание застолья в рассказе Кононова задает пиршественный нарратив и также отсылает нас к Эроту. Дружеское застолье сокурсников началось уже в поезде — пили, ели, вели ни к чему не обязывающий разговор, что повторялось при последующих встречах. И если участники пира у Агафона рассуждают о любви — Эроте, то персонажи Кононова не говорят о любви, они вступают в интимную связь, находясь под властью Эрота. Как признается рассказчик, он стал объектом сексуальных игр в гомосексуальных отношениях подруг. Героини рассказа, как отмечают М. А. Дмитриевская и Е. Т. Иванова, отождествляются с Афродитой, постоянным спутником которой является Эрос [3]. А в диалоге Платона Павсаний говорит: «...не всякий Эрот прекрасен и

достойн похвал, а лишь тот, который побуждает прекрасно любить. Так вот, Эрот Афродиты пошлой поистине пошл и способен на что угодно; это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные» [17]. Скрытое отождествление с Афродитой и Эросом — одно из средств изображения «телесности» Светы и Томы; они утоляют свои плотские влечения гомосексуально, отсылая нас к младшей (пошлой) Афродите и сопутствующему ей Эросу.

Участники платоновского пира рассуждают о различных свойствах и ипостасях Эрота. Речь Аристофана посвящена Эроту как стремлению человека к изначальной целостности: «Прежде всего, люди были трех полов, а не двух, как ныне, — мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, и от него сохранилось только имя, ставшее бранным, — андрогини...» [17].

Идея андрогинности сохраняет актуальность для современной науки и искусства. В 70-е гг. XX в. американским психологом Сандрой Бем была предложена концепция андрогении, согласно которой андрогинная личность вбирает в себя все лучшее из обеих половых ролей. Сегодня андрогинность рассматривается в двух направлениях: андрогинность психическая, выявляемая при полоролевых опросах (субъект проявляет себя то как мужчина, то как женщина), и андрогинность, проявляемая во внешнем виде, когда в субъекте сочетаются мужские и женские признаки [10]. Андрогинные образы актуальны для эстетики постмодернизма, андрогинность — частотная тема в творчестве Николая Кононова. Отметим, что сочетание признаков обоих полов в героине встречается в нескольких рассказах Кононова: «Гений Евгении», «Мраморный таракан», «Воплощение Леонида» и др. Тема андрогинности присутствует и в рассказе «Светотомия». Обратимся к анализу андрогинных образов этого произведения — Светы, Томы и сына Томы.

Во многих культурных традициях женщина отождествляется с плодородной землей, дающей обильный урожай, богиней плодородия, и в этом случае, как правило, она предстает в образе взрослой женщины со здоровым и пышным телом (римляне богиню плодородия Цереру изображали пышной матроной с фруктами в руках). Подобными телесными свойствами обладает Света, что не единожды подчеркивается автором: «пышная, словно взбитая рисовой метелкой в сливочнике», «чудная... сливочная... женственная и обаятельно теплая, словно сошедшая с кустодиевского порнобезобразия», «лукаво-дебелая» [9, с. 414]. В тексте все говорит о том, что Света — «стоцентная женщина», обладающая эротической притягательностью. Но истинная женственность предполагает развитое чувство материнства, стремление к созданию семьи. Света — женщина только по внешним признакам. Ее женственность соответствует феминному гендерному стереотипу, но общественный и религиозный статус женщины предполагает, что она мать, жена, хранительница очага. Пышное тело Светы неспособно к оплодотворению и рождению; она не создала семьи, не является обще-

ственно значимой, поскольку не умна, не самостоятельна и безвольна. Автор сравнивает ее с куклой: «пухлые кукольные губы», «свою тупость [Света] осеняла почти детским ненаказуемым улыбчивым простодушием, как кукла» [9, с. 414], с Мальвиной, «вечно оправляющей рюши, кружево, блонды, оборки и оторочки» [9, с. 419]. Света — объект психологической манипуляции своей подруги: «Тома... ею крутила, как юлой, а безвольная Света — крутилась или делала вид» [9, с. 414], и можно трактовать ее эмоционально-психологическую зависимость как роль «двойника» Тома.

Волевая и самостоятельная Тома наделена автором маскулинными свойствами, она похожа на юношу: «стройная, с точеными долгими ногами, тонкокостная, по-особому изящная, с какой-то немного запинаящейся, стыдливой походкой», у нее «красиво прямые плечи, небольшая, но высокая плосковатая грудь, как у подростка-пловца, смущенная сутуловатость, узкие тугие бедра», она напоминает «ладный манекен, составленный при помощи искусных шарнирных сочленений из почти идеальных конструкций» [9, с. 409]. Мужская ипостась проявляется не только в описании внешности, но и в поведении героини, которую отличает «гладкий зализ, сокрытие примет» [9, с. 419]. Характеризуя Тому, автор использует «мужские» имена-характеристики: *шалопай, товарищ (2), хороший парень, свой парень, кавалерист-девица, андрогин-знаменосец*. С возрастом Тома все больше похожа на мужчину внешне и психологически. Но ее женское начало проявлено через репродуктивную функцию — она мать, родившая сына.

Героини Кононова воплощают в себе противоречивые начала: Света — женщина, но бесплодна, в Томе много мужского, но она мать. Создание образов по принципу дуализма сближает рассказ с космогоническим мифом, в котором восприятие мира выстраивается как система бинарных оппозиций: свет — тьма, день — ночь, добро — зло, жизнь — смерть, мужское — женское и т. д. На основе бинарной оппозиции строятся близнечные мифы разных народов (греческие Диоскуры, ведийские Ашвины, Ромул и Рем и др.). Света — пышная и легкая в своих мыслях, поступках, движениях. Тома — сухая, тонкая, но с жестким и глубоким характером, что проявляется во взгляде: «...какой-то глубокий волчий уголек в ее карих очах сигнализировал, что и вены себе порезать может, и в прорубь... Это всегда в людях чувствуется, так как идет из особенной глубины» [9, с. 413], взгляд отражает ее внутреннюю силу, характер: *с ненавистью на меня глядела* [9, с. 411], *щурится по-охотничьи* [9, с. 419].

Дуальность образов подчеркивается названием рассказа — *Светотомия* (Света + Тома). Заметим, что вторая часть композиты *Светотомия, Тома*, соотносится с древнегреческим корнем *τομή*, значение которого — «растерзание, рассечение, часть целого» [6, с. 1635], что позволяет усматривать в названии сознательное или неосознанное авторское указание на андрогинность образов.

Андрогинным следует признать и образ сына Тома. Писатель сравнивает молодого человека с девочкой, девушкой: «акушер должен быть по-девочки милостивым» [9, с. 422]. По мнению М.А. Дмитриевской и А.В. Скрябиной, писатель «играет на паронимическом сближении слов с корнем *dev* (*deva*) и лат. *devio* 'уклоняться в сторону, сбиться с пути' (откуда *deviatio* 'отклонение')», они подчеркивают принцип, который «сдвигает в сторону нормального распределения полов гомоэротические отношения между персонажами и, с другой стороны, ставит под сомнение девственность, то есть чистоту дев. В сумме этот прием работает на последовательное введение принципа андрогинности по отношению ко всем персонажам» [5, с. 86].

Следует отметить, что в рассказе сын Тома не нарекается, но существует в тексте под разными именами-характеристиками: *акушер*, *тезка*, *оно*. Личное местоимение среднего рода «Оно» в данном тексте выполняет неизосемическую функцию — андрогинную: «[оно] стояло», «сказало гнусно оно», «оно пристально снимало», «сказало... оно» [9, с. 422], «оно требовательно заказывало...» [9, с. 423]. Использование личного местоимения среднего рода можно трактовать как подчеркивание андрогинности героя. Эквивалентом местоимения *оно* является английское местоимение *it*, которое заменяет неодушевленные существительные, имеющие средний род. Представляется, что подобное языковое сравнение указывает на возможность диалога с романом Стивена Кинга «It», герой которого — злой дух, не наделенный какими-либо гендерными признаками. В этом образе сублимированы многие негативные явления современного общества. Мультиязыковой принцип прочтения текста позволяет предположить нейтрально-гендерную идентичность героя — агендерность.

Анализ текстов «Пира» Платона и «Светотомии» Кононова провоцирует ряд вопросов: как следует понимать любовь? какой она должна быть? Ответ находим в последнем застольном слове платоновского пира — в речи Сократа. Эта речь — также диалог в диалоге. Сократ вступает в дискуссию с Агафоном о свойствах Эроса, а затем пересказывает свой разговор с премудрой Диотимой. В ее рассуждениях выстраивается следующая смысловая цепочка: любовь — прекрасное — благо — беременность — рождение — бессмертность. «Дело в том, Сократ, — говорит премудрая Диотима, — что все люди беременны как телесно, так и духовно, и, когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени. Разрешиться же она может только в прекрасном, но не в безобразном. Соитие мужчины и женщины есть такое разрешение. И это дело божественное, ибо зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном» [17]. И далее поясняет: «А почему именно родить? Да потому, что рождение — это та доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу. ...А значит, любовь — это стремление к бессмертию» [17]. Рассуждая о рождении, премудрая Диотима имеет в виду не только дитя человеческое, но также плод ума и творчества. Сократ принимает убеждения Диотимы.

Героиня рассказа Кононова Тома произвела на свет дитя, подруги его любят и опекают, как могут. Но к этому молодому человеку нельзя отнести высказывание «прекрасный плод прекрасных отношений». Внешне он по-девичьи мил, однако плохо воспитан, груб, страдает вуайеризмом — психологическим отклонением, проявляющимся в непреодолимом желании подсматривать за обнаженными людьми. В диалоге Платона Диотима говорит о зачатии и рождении так: «...приблизившись к прекрасному, беременное существо проникается радостью и весельем, родит и производит на свет, а приблизившись к безобразному, мрачнеет, огорчается, съеживается, отворачивается, замыкается и, вместо того чтобы родить, тяготится задержанным в утробе плодом» [17]. Сын Тома безобразен социально и нравственно, это существо без определенного пола. Его образ прорисован в полном соответствии с канонами российского постмодернизма: это «пародийный симулякр “сверхчеловека” — взбесившегося “маленького человека”, циника, хама, хулигана и жертвы одновременно — неблагородного героя» [15, с. 296].

Заключение

Связь рассказа «Светотомия» Кононова с «Пиром» Платона, неочевидная при беглом прочтении, выявляется при прочтении внимательном. Оба произведения строятся по одной схеме, их объединяет пиршественный нарратив и вечная тема — любовь. Застолье в диалоге Платона — это пир духа как гармония тела, ума, души, осмысленная в канонах этики и философии Античности, это пир-творчество, удовольствие от общения с друзьями. Застолье в рассказе Кононова — это пир греховной плоти, «пир во время чумы», выстроенный по канонам эстетики постмодернизма. Герои «Пира» поклоняются Афродите небесной и ее прекрасному сыну Эроту, герои «Светотомии» находятся под влиянием Афродиты пошлой и ее пошлого сына.

Темы пира и любви в рассказе «Светотомия» прорисованы в скепτικο-ироническом тоне, путем театрализации безобразного. Подобная позиция характеризуется Н. Маньковской как «постоянные колебания между мифом и пародией, непреходящим смыслом и языковой игрой, архетипическими экзистенциальными сюжетами и сюрреалистически-абсурдистским автобиографизмом...» [15, с. 294]. Примечательно, что рассказ входит в сборник «Магический бестиарий». Под бестиарием (от лат. *bestia* «зверь») понимается распространенная в Средние века книга, описывающая реальных и вымышленных существ. Герои «Пира» — это исторически реальные личности, их дружеская беседа — стремление к познанию, к истине. Художественные образы рассказа Кононова — симулякры, привлекательные и безобразные одновременно; рассказ представляет собой аллюзивный код, демонстрирующий эрудицию, ироничность и изобретательность автора. Примечательно, что раскодированию текста «Светотомии» помогает внимательное прочтение живущего в веках произведения Платона.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
3. Дмитриовская М.А., Иванова Е.Т. От экфрасиса к автобиографии (рассказ Николая Кононова «Светотомия») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. № 1. С. 51–60.
4. Дмитриовская М.А., Лазарева Е.А. Роль интертекста в формировании оппозиции «Душа-Тело» в рассказе Н. Кононова «Гений Евгении» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. № 4. С. 49–55.
5. Дмитриовская М.А., Скрыбина А.В. Андрогинность «Гения чистой красоты»: об одном концепте у Николая Кононова // LITERATŪRA. Vilnius. 2013. № 55 (2). С. 75–89.
6. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / под ред. Ф.А. Петровского. М., 1958.
7. Женнет Ж. Палимпсесты: Литература второго уровня. М., 1982.
8. Козлова С.М. Эстетика пиршественного нарратива в классической традиции и современной литературной версии // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 5–10.
9. Кононов Н.М. Светотомия // Кононов Н.М. Саратов. М., 2012. С. 409–423.
10. Красова Е.Ю. Андрогиния // Словарь гендерных терминов. М., 2002. С. 8–9.
11. Лахманн Р. Память и литература. Интертекстуальность в литературе русского модернизма. М., 2011.
12. Лихина Н.Е. «Остров Цейлон» Н. Кононова: поэтика мистификации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. 2020. № 1. С. 88–97.
13. Лотман Ю.М. Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 2.
14. Магомедова Д.М. Мотив пира в поэзии О. Мандельштама // Мотив вина в литературе : матер. науч. конф. (27–31 октября 2001 г., Тверь). Тверь, 2001. С. 27–31.
15. Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000.
16. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 3.
17. Платон. Пир. Апполодор и его друг / перевод С.К. Апта // Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. М., 1993 // Knijki.ru : [онлайн-библиотека]. URL: <https://knijki.ru/books/pir> (дата обращения: 25.05.2020).
18. Свиридов С.В. «Трехчастный сиблинг» Н. Кононова: Предпосылки интертекстуальности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 8: Филологические науки. С. 51–58.
19. Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра М., 1997.
20. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М., 2007.

Об авторах

Алла Алексеевна Камалова — д-р филол. наук, проф., Варминьско-Мазурский университет, Польша.
E-mail: aaka46@rambler.ru; allakamalova1@wp.pl

Елена Александровна Унгуриянова – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: elena.lazareva-el@yandex.ru

The authors

Prof. Alla A. Kamalova, University of Warmia and Masury, Poland.

E-mail: aaka46@rambler.ru; alla.kamalova1@wp.pl

Elena A. Unguryanova, PhD Student, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: elena.lazareva-el@yandex.ru

В. В. Малащенко

**ТЕМА СУДЬБЫ ХУДОЖНИКА В ЭССЕ С. ДОВЛАТОВА
«ВЕРХОМ НА УЛИТКЕ»**

С. Довлатов в жанре эссе обращается к судьбе художника и скульптора М. Шемякина. В статье рассматривается центральная для Довлатова тема судьбы творческой личности в условиях тоталитарного «застоя» СССР, драма вынужденной эмиграции. Юмористически-иронический стиль позволяет писателю со всей серьезностью поставить вопрос о судьбах М. Шемякина, И. Бродского, своей собственной и, обобщенно, о трагических судьбах писателей-нонконформистов в СССР. Выявляется общая доминанта бескомпромиссного служения идеям искусства, а не государства. Анализируется прагматика текста и средства ее реализации, среди которых выделяются использование эмоционально-оценочной лексики и приемы поэтического синтаксиса.

Having chosen the essay as the primary genre, S. Dovlatov, addresses the fate of the artist and sculptor M. Shemyakin. The article examines the central theme for the writer of the fate of a creative personality in the conditions of the totalitarian USSR regime in the era of stagnation and subsequent forced emigration. The humorous-ironic style is shown to have allowed the writer to raise the question of the fate of M. Shemyakin, I. Brodsky, his own fate and, in general, of the tragic fate of non-conformist writers in the USSR. The author reveals the shared dominant of the uncompromising service to the ideas of art, rather than the state. The pragmatics of the text is analyzed, which is achieved by S. Dovlatov through expressive, emotional-evaluative vocabulary and syntax.

Ключевые слова: Довлатов, Шемякин, эссе, судьба художника, свобода личности, эмиграция, юмор, ирония.

Keywords: Dovlatov, Shemyakin, essay, the fate of the artist, personal freedom, emigration, humor, irony.

Русский зарубежный поэт Лев Лосев однажды назвал Сергея Довлатова «одним из самых продуктивных и популярных эссеистов эмиграции» [13, с. 369]. Изученная слабее, чем его художественное наследие, эссеистика С.Д. Довлатова, несомненно, заслуживает особого, пристального внимания, поскольку позволяет читателю не только наслаждаться великолепным литературным даром рассказчика, которым мастерски владел Довлатов, но полнее и глубже узнать личность творца.

В качестве отправной точки наших последующих суждений обратимся к лаконичному и точному, на наш взгляд, определению судьбы из Философского энциклопедического словаря: «Судьба — предопределенность событий и поступков, совокупность всего сущего, которое влияет и не может не влиять на бытие человека, народа и т.д.» [17, с. 442].

Эссе Довлатова «Верхом на улитке», посвященное современнику-эмигранту, русскому художнику Михаилу Шемякину, было опубликовано в 6-м номере еженедельной газеты «Новый американец» в марте 1980 г. Практически в самом начале текста Довлатов акцентирует важную для понимания его позиции мысль: «Меня, откровенно говоря, волнует не живопись Шемякина, а его судьба» [8, с. 114]. Данная фраза выступает программным заявлением, которое определяет семантику всего небольшого по объему (две с четвертью страницы) эссе. Предельно точно эту особенность, одну из главных особенностей прозы Довлатова, отмечает близкий друг писателя Петр Вайль. Он подчеркивает глубокое погружение Довлатова «в человеческие связи, с подлинной, ненадуманной, настырной, честной заинтересованностью в чужой судьбе» [4, с. 219]. Довлатова волнует *судьба творческой личности* в условиях тоталитарного режима СССР эпохи застоя. Тема судьбы напрямую связана с темой свободы, и особенно — творческой свободы личности творящей. Ведь, как точно отмечает Н. Бердяев, «творчество неотрывно от свободы. Лишь свободный творит» [1, с. 368]. На прочную связь судьбы и свободы обращает внимание и Мартин Бубер: «Судьба и свобода вверены друг другу. Только тот встречается с судьбой, кто претворил в действительность свободу» [3, с. 45]. Судьба, свобода, смысл жизни художника — эти три философские категории определяют движение мысли автора эссе.

Иван Ильин, рассуждая в «Аксиомах религиозного опыта» об индивидуальной судьбе религиозного человека, говорит, что в «личной "судьбе", которую безвольные и бездуховные люди напрасно считают раз навсегда неизменно и неотвратимо предопределенной, каждый из нас призван стать определяющим фактором, свободным двигателем, решающим духом» [12, с. 257]. Пример жизни и судьбы Михаила Шемякина, над которой задумывается Довлатов, как раз и показывает силу духа, силу человеческого и гражданского мужества художника. В жизни своего героя автор эссе рассматривает философскую, онтологически-аксиологическую, знаковую для XX в. «проблему существования человека в мучительных размышлениях о смысле бытия, в осознании временности своего пребывания в мире [16, с. 3].

Довлатов кратко, «пунктиром» [8, с. 114] обозначает основные штрихи судьбы М. Шемякина и важные этапы формирования его личности: рождение, учеба в средней школе, в художественной школе при Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, «пренебрежение соцреализмом» [8, с. 114], исключение из СХШ, самообразование, дважды — насильственное помещение в психиатрическую лечебницу. Далее — работа грузчиком, оформителем книг, конфликт с КГБ, «эмиграция, слава» [8, с. 115]. Автор рассказывает также о личном знакомстве и встречах с М. Шемякиным в Ленинграде. В этой эскизно очерченной Довлатовым судьбе М. Шемякина фрагментарно обозначены лишь отдельные этапы жизни художника и скульптора с мировым именем.

Для автора эссе судьба Шемякина, путь через трудности, лишения и испытания к последующему мировому признанию и славе, — это повод задуматься вообще над судьбой творческой личности в СССР:

Я часто думаю, откуда такие берутся?! Эти голодные недоучившиеся российские мальчишки?! С невероятными философскими реформами?! С гениальными картинами?! С романами вроде «Москва — Петушки»?! [8, с. 115].

За мыслями о судьбе М. Шемякина и судьбах творческих личностей явно проступают и размышления писателя над собственной судьбой. Автобиографичность художественных произведений Довлатова, подчеркиваемая литературными критиками, — устойчивый маркер, тоpos его поэтики, а в жанре эссе — тем более. Подобная черта прозы Довлатова дает полное право П. Вайлю и А. Генису говорить о том, что у Довлатова возникает совершенно особый и практически неповторимый «сложный жанр — автопортрет» [5, с. 232].

Эссе «Верхом на улитке» создано в начале 1980 г. На момент его написания герой и все писатели, которые упомянуты в эссе, как и сам Довлатов, находились в расцвете физических и творческих сил. В основном это поколение ровесников-ленинградцев, близко и тесно знакомых друг с другом. Шемякину (род. в 1943 г.) — 37 лет, И. Бродскому (1938—1996) — 42 года, Довлатову (1941—1990) — 39. Исключение составляет (только по месту проживания) москвич Венедикт Ерофеев (1938—1990), которому, как и Бродскому, 42 года. Всех их объединяет сложная и драматическая судьба, непримиримый конфликт с официальной идеологией и тоталитарным режимом СССР эпохи Л. И. Брежнев. Следствием этого конфликта является путь страданий и испытаний, через который прошли все эти творцы, и одновременно их ничем не поколебимая верность себе и искусству.

Реакция со стороны официальных властей в отношении этих творческих личностей проявляла себя в разных формах — всевозможные ограничения, запреты, скрытая и явная травля, психиатрические лечебницы, показательные процессы, ссылка. Трое, включая автора эссе, под давлением властей вынужденно эмигрируют из СССР: Михаил Шемякин в 1971 г. в возрасте 28 лет — во Францию, Иосиф Бродский в 1972 г. в возрасте 34 лет — сначала в Австрию, а затем в США, Сергей Довлатов в 1978 г. в возрасте 37 лет — в Америку.

Можно вспомнить трагическую судьбу и конфликт с официальной идеологией Венедикта Ерофеева, чьи произведения увидели свет лишь после его смерти и чья бессмертная поэма «Москва — Петушки» упоминается Довлатовым в эссе. Кроме Венедикта Ерофеева, все «действующие лица» эссе — изгнанники. Это вынужденная властями эмиграция, насильственное лишение Родины.

В контексте наших рассуждений становится понятным очевидное и закономерное появление эпиграфа к эссе с еще одним именем поис-

тине народного поэта с трагической судьбой — Владимира Высоцкого. Во фрагменте из стихотворения 1978 г. «Открытые двери больниц, жандармерий...» Высоцкий дает высокую оценку всему творчеству М. Шемякина, акцентируя доминантные черты личности своего друга — гениальность, твердость характера, волю, целеустремленность, безудержное стремление к правде.

...А все, что друг мой сотворил, —
От Бога, не от беса,
Он крупного помола был,
Крутого был замеса!.. [8, с. 114]

80

Выбор эпиграфа к эссе не случаен. Шемякина и Высоцкого связывали не только прочные дружеские и творческие отношения, о которых было хорошо известно Довлатову, но и общность судеб. Начало дружбы между ними датируется 1974 г. К сожалению, в июле 1980 г. она была прервана преждевременной смертью Высоцкого. Сам Шемякин говорил в интервью:

Меня с Володей связывала глубокая и длительная дружба. У нас было много общего как в биографии, так и в мироощущении. Отцы прошли войну, оба служили в Германии, где порознь проходило наше детство, дослужились до полковников. Оба мы впитали ужас руин побежденной великой страны. Потом был уют и теснота коммуналок на родине, где воочию предстала нам чудовищность режима Совдепии. Сближало и сходство характеров — устремленность в сферу искусства, а главное — желание найти правду, непримиримость и даже радикализм в поисках справедливости [10].

Особо подчеркнем, что ничто оказалось не способно сломить дух и волю этих творцов, никто из них не шел на сделку с совестью, никто не предал своих идеалов и стремления к красоте и гармонии, несмотря на вынужденное отчуждение от Родины. Стремление творческой личности к гармоническому универсуму, выраженное и закрепленное языком искусства, стремление осмысленное, последовательное и свободное, сближает творческие судьбы М. Шемякина, В. Высоцкого и самого С. Довлатова. Русский философ Сергей Булгаков, рассуждая о природе искусства, в которой, по его мнению, и коренится духовная телесность художника, отмечает, что искусство осуществляется «не как совокупность технически-виртуозных приемов, но как жизнь в красоте», «весь мир есть постоянно осуществляемое произведение искусства, которое в человеке, в силу его центрального положения в мире, достигает завершенности, ибо лишь в нем, как царе творения, завершается космос» [2, с. 221]. Бескомпромиссное следование своим идеалам, в том числе художественным, служение искусству вопреки каким бы то ни было ограничениям — таков жизненный и творческий путь Шемякина, Высоцкого, Бродского и автора эссе.

По мнению Довлатова, именно жизненные трудности, и в первую очередь советская власть и ее давление, формируют характер и волю человека искусства в современной России, определяют его трагическую судьбу:

На голове у каждого художника лежит металлическая плита соцреализма. И давит многотонной тяжестью. Художник тоже напрягается, мукает. Кто-то, сломленный, падает. Кто-то превращается в атланта [8, с. 115].

Трагические судьбы настоящих творцов — М. Шемякина, Вен. Ерофеева, И. Бродского, В. Высоцкого (и, как показало время, самого С. Довлатова) — противопоставляются в эссе по контрасту судьбе официально признанного российского художника Ильи Глазунова (1930—2017), облащенного властью, пожалованного званиями: на момент написания эссе — «Заслуженный деятель искусств РСФСР», «Народный художник РСФСР», позже — полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством». Здесь уместно вспомнить завет К.С. Станиславского, которому следовали все «действующие» лица эссе «Верхом на улитке», за исключением, по мнению С. Довлатова, И. Глазунова: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве».

Имя Михаила Шемякина встречается у Довлатова не только в эссе «Верхом на улитке». Он упоминается в двух частях «Записных книжек» в иронико-юмористическом, но одновременно уважительном ключе. В первой части, «Соло на Ундервуде (Ленинград. 1967—1978)», случай из жизни Шемякина представлен как анекдотическая миниатюра:

Молодого Шемякина выпустили из психиатрической клиники. Миша шел домой и повстречал вдруг собственного отца. Отец и мать его были в разводе.

Полковник в отставке спрашивает:

— Откуда ты, сын, и куда?

— Домой, — отвечает Миша, — из психиатрической клиники.

Полковник сказал:

— Молодец!

И добавил:

— Где только мы, Шемякины, не побывали! И в бою, и в пиру, и в сумасшедшем доме! [9, с. 269].

Явный юмористически-иронический дискурс — а это один из характерных маркеров стиля и поэтики писателя — сохранен Довлатовым и в анализируемом эссе. Здесь он представлен в эпатажно-юмористическом, ироническом, парадоксальном вступлении:

Лично я воспринимаю успех Михаила Шемякина на Западе как персональное оскорбление. Его успех оглушительен до зависти, мести и полного твоего неверия в себя.

Молодой, знаменитый, богатый, талантливый, умный, красивый и честный... Можно такое пережить без конвульсий? Не думаю... [8, с. 115].

Подобный тон повествования настраивает читателя на определенную рецепцию. Ирония и юмор сохраняются автором на протяжении всего эссе, пусть и в смягченной форме:

Короче, привычный советский детектив, без выстрелов, но с жертвами. Затем эмиграция, слава, назойливые корреспонденты...

В Ленинграде я Шемякина знал мало. А теперь знаю еще меньше. Хотя вспоминается и наше знакомство, и какие-то разговоры... [8, с. 115].

Иронико-юмористический стиль нужен писателю для того, чтобы поставить и со всей серьезностью рассмотреть ключевую тему судьбы художника и проблему его взаимоотношений с властью. Таким образом, мы встречаемся с характерным приемом, используемым автором эссе, — приемом обманутого ожидания. Автор говорит юмористически о серьезном, иронически о драматическом. Или наоборот.

Подчеркнем характерную прагматику эссе Довлатова. Речь идет и о прямом, и о подразумеваемом, косвенном обращении автора к реципиенту. Писатель активно «подключает» читательскую аудиторию к собственным рассуждениям о судьбе М. Шемякина и — обобщенно — к драматическим, а порой и трагическим судьбам творческих личностей в СССР. Эта установка достигается в эссе двумя основными способами: при помощи экспрессивной и эмоционально-оценочной лексики, а также особой синтаксической организации текста. Обилие вопросительных предложений, в частности риторических вопросов, — характерная черта рассматриваемого эссе. Его финал — это гимн мужеству художника и преклонение перед творцом, противостоящим власти, вопреки любым ограничениям и запретам стремящимся к достижению цели и в конце концов, путем страданий и утрат, побеждающим.

Вы спросите, а при чем тут улитка? Улитка при том:

Можно всю жизнь, подобно Илье Глазунову, копировать русские иконы. И всю жизнь провалиться в материалистической луже. А можно — по-другому. Оседлать, как Шемякин, метафизическую улитку и в безумном, ошеломляющем рывке пробить небесный купол...

И что тогда? А тогда — разговор с Небожителем.

И тут мы, непосвященные, умолкаем... [8, с. 116].

Тоталитарная система эпохи Брежнева не поняла и не смогла оценить по достоинству творчество Венедикта Ерофеева. Она же исторгла «чуждых» ей Шемякина, Бродского и Довлатова из страны. Но, став эмигрантами, все трое не перестали быть великими деятелями русского искусства с мировыми именами.

Согласно наблюдению Владимира Вейдле, «чтобы создать что-нибудь, надо себя отдать. Искусство — в человеке, но чтобы его найти, надо всего человека переplавить, перелить в искусство» [6, с. 287]. Именно это сделали упоминаемые в эссе творцы, отдавшие искусству себя без остатка. Владимиру Высоцкому суждено было 42 года жизни, Венедикту Ерофееву — 52, Иосифу Бродскому — 58 лет, Сергею Довлатову — 49. Но в искусстве все они, как и здравствующий Михаил Ми-

хайлович Шемякин, — несомненные победители. Как тонко отметил В. Попов, «тоталитарная система не погубила Довлатова. Скорее, он ее погубил» [15, с. 443]. Но, рассуждая о судьбе художника в условиях тоталитарной системы и, соответственно, о своей собственной судьбе, Довлатов тактично и скромно ставит себя в один ряд с «непосвященными».

Прошедшие десятилетия показали, что неослабевающая популярность и глубокая рецепция произведений Довлатова в России и за рубежом, как в читательской среде, так и среди литературоведов, являются высокой объективной оценкой его блестящего таланта и творческих достижений. И, как совершенно справедливо замечает один из ближайших друзей Довлатова Александр Генис, размышляя о жизни и судьбах И. Бродского и С. Довлатова в России, а затем в эмиграции, оба «сумели воспринять свою судьбу с достоинством и даже благодарностью. Они превратили изгойство в авторскую точку зрения, отчуждение — в стиль, одиночество — в свободу» [7, с. 234].

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 254 — 607.
2. Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М., 1994.
3. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 16 — 92.
4. Вайль П. Без Довлатова // Петрополь: Альманах №5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994. С. 217 — 222.
5. Вайль П., Генис А. Искусство автопортрета // Петрополь: Альманах №5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994. С. 227 — 232.
6. Вейдле В. Умирание искусства: размышления о судьбе литературного и художественного творчества // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С. 268 — 292.
7. Генис А. Бродский и Довлатов // Петрополь: Альманах №5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994. С. 233 — 234.
8. Довлатов С. Верхом на улитке // Петрополь: Альманах №5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994. С. 114 — 116.
9. Довлатов С. Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1993. Т. 3.
10. Дружили два Таланта. Высоцкий и Шемякин // URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5130314/post364170716/> (дата обращения: 28.08.2020).
11. Егеров В. В. Нас свет столетний юбилей вождя // Следствие продолжается... : кн. 10. СПб., 2016. С. 143 — 148.
12. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993.
13. Лосев Л. Русский писатель Сергей Довлатов // Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1993. Т. 3. С. 363 — 371.
14. Малоизвестный Довлатов : сб. СПб., 1996.
15. Попов В. Кровь — единственные чернила // Малоизвестный Довлатов. СПб., 1999. С. 438 — 443.
16. Федотова Ю. В. Проза С. Довлатова: экзистенциальное сознание, поэтика абсурда : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2006.
17. Философский энциклопедический словарь. М., 2001.

Об авторе

Владимир Владимирович Малащенко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

The author

Dr Vladimir V. Malashchenko, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

Т. Жилина-Элс, Н. П. Жилина

УЧЕНИЕ КАК ПУТЬ В РОМАНЕ ДЖ. ДЖОЙСА
«ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В ЮНОСТИ»

Путь взросления Стивена Дедала, героя первого романа Дж. Джойса, показывается как результат разносторонних влияний: домашнего образования, учебных заведений различного типа, а также самообразования. Период обучения в школах, находящихся под опекой ордена иезуитов, отмечен конфликтом между ценностями, привитыми домашним воспитанием и навязанными системой британского образования. Школьное обучение не ведет к формированию у героя полноценного идеала, которому он мог бы следовать. В то же время родной дом в его сознании утрачивает значимость, что приводит к полному изменению мировоззренческих установок героя. В эти условиях важным фактором развития личности героя становится самообразование, которое не только помогает Стивену добиться успехов, но и пробуждает в нем желание оставаться вечным студентом в университете Жизни.

The article, dedicated to the first novel of James Joyce, a famous Irish writer, shows the protagonist's path to maturing considering the impact that home tutoring, educational institutions of various types as well as self-education had on him. In the schools under the tutelage of the Jesuit Order the values instilled by home education appear to conflict with those imposed by the British educational system. A study of the school system features shows that it is unable to lead Stephen to the creation of a full-fledged ideal which he could follow. At the same time the home loses its significance to him which leads to a complete change in ideological attitudes. An analysis of the hero's inner world reveals that self-education does not only help Stephen to achieve success but also awakens the desire to remain an eternal student at the University of Life.

Ключевые слова: Стивен Дедал, роман воспитания, образование, учение, самообразование.

Keywords: Stephen Dedalus, Bildungsroman, education, tutoring, self-education.

Первый роман Джеймса Джойса «Портрет художника в юности», увидевший свет в начале XX в., представил читателю современного молодого человека, проходящего путь ученичества в поисках новых ценностей. Сюжетной основой произведения стали не события окружающей героя действительности, а значимые эпизоды его жизни, раскрывающие эволюцию внутреннего мира и рисующие таким образом портрет души героя.

Доброжелательные отзывы критиков, появившиеся вскоре после публикации романа, получили продолжение лишь после Второй мировой войны, когда стали предприниматься попытки основательного

анализа этого произведения. Главное внимание исследователей занимало прежде всего сопоставление биографии писателя и фактов жизни его героя [6; 16], а также освещение социального и политического контекста [12]. Кроме того, изучалась связь «Портрета» с европейской традицией романа воспитания, анализировался процесс формирования в герое качеств художника [2; 3]. Не был обойден вниманием и вопрос об отношении писателя и его героя к религии [22], включая влияние Фомы Аквинского на искусство Джойса и на эстетическую теорию Стивена Дедала [20]. Поскольку описание жизни героя в учебных заведениях занимает огромный объем повествования, эта проблематика является непременной частью каждого исследования. Она специально ставится в статье А. Джонстона [10], где рассматривается роль образования и социального окружения во взрослении героя-художника, а также в работе Дж. Мюллер [18], представляющей Стивена наследником и продолжателем идей Джона Генри Ньюмена. В то же время остается неизученным вопрос о формировании личности главного героя романа под влиянием всех разновидностей образования: домашнего, школьного и самостоятельного, представленных в произведении.

Жизнь Стивена Дедала начинается в фешенебельном доме со старинными портретами предков на стенах, расположенном в небольшом городке Брее, недалеко от Дублина. Все разнородные элементы этого пространства (теплая и ласковая мама, сухая и приятно пахнущая постелька, лимонный леденец, цветные щетки) вызывают у героя лишь положительные эмоции. В этот период мир, окружающий малыша, отражается в его чистом восприятии как идиллия [15, р. 82], и домашнее образование являет собой часть идиллического пространства дома. Участие в обучении и воспитании малыша принимают все домочадцы, хотя в семье Дедалов есть для этого специальный человек — миссис Риордан. Тетя Дэнги, как зовет ее мальчик, учит его мировой истории и географии, вместе с ней и матерью он читает интересные книги с красочными иллюстрациями. В систему домашнего образования входит и музыка, занимающая значительное место в поддержании ирландских национальных традиций. На рояле мама играет не только для мальчика, танцующего матросский танец, но и для взрослых, которые поют ирландские песни. Связь с традицией прививают ребенку и мужчины (отец, двоюродный дед и друг семьи м-р Кейси) — от них он узнает легенды их семьи и Ирландии, неразрывно связанные друг с другом. Рассказанная отцом сказка о прекрасных давних временах, героем которой выступает сам мальчик, хорошенький малыш, встречающий на дороге коровушку Му-му, — это глубоко укорененная в ирландской традиции история о «некой чудесной (белой) корове, которая забирает детей... в королевство на острове» [7, р. 131]¹. В сознании мальчика происходит мифологизация мира, в котором он чувствует себя продолжателем традиции, героем из семьи героев, обязанным, как учат родные, следовать кодексу чести, быть джентльменом. Книжные образы, портреты пред-

¹ Перевод цитат здесь и далее везде наш. — Т. Ж. -Э.

ков, герои легенд и реальные люди, а также правила поведения вписаны в эту действительность и представляют собой различные атрибуты единого мира.

Необходимость получить прекрасное образование и статус джентльмена становится причиной определения мальчика в закрытый иезуитский колледж Клонгоуз — одно из элитных учебных заведений Ирландии. С этого момента его целостный прежде мир раскалывается на два противоположных: *родной* — дом и *чужой* — колледж. Теперь он обязан жить в незнакомом месте, в холодных и темных комнатах, носить школьную форму и подчиняться строгому расписанию, где каждому предмету отведено особое время и особый учитель. Пытаясь определить свое положение в этих новых реалиях, Стивен пишет на внутренней стороне обложки учебника географии свое имя и местонахождение:

Стивен Дедал
Приготовительный класс
Клонгоуз Вуд Колледж
Сэллинз
Графство Килдер
Ирландия
Европа
Земля
Вселенная [11, р. 13]

Интересно, что в этой надписи отсутствует упоминание о Соединенном Королевстве, частью которого была Ирландия, — на это впервые обратил внимание Джейсон Мизи [17, р. 134–135]. Таким образом в сознании мальчика проявляется конфликт приоритетов между домашним образованием, сопряженным с патриотическими идеями о независимости Ирландии, и обучением в школе, где господствовала британская система и такие мысли не приветствовались.

Обучение дома часто происходило в игровой форме и имело целью активизацию интереса Стивена, в то время как школьное образование основывалось на четкой организации и беспрекословном повиновении. Система авторитарного воспитания, изложенная в детально разработанном своде педагогических правил ордена иезуитов «*Ratio Studiorum*», была направлена на развитие индивидуальных способностей учащихся, но также их честолюбия и духа соперничества при точном следовании установленным правилам. Возможно, именно поэтому с домом у мальчика ассоциируются география и история — предметы, вдохновляющие воображение и полные приключенческих историй, а с колледжем — латынь и математика, требующие дисциплины ума.

Развитие индивидуальности сочеталось в колледже со строгой регламентацией не только деятельности и поведения учеников, но и всего воспитательного и образовательного процесса, и потому любые игры и развлечения проводились в строго определенной форме. Прежде всего педагоги укрепляют дух соперничества и превосходства: «разделяют

класс на группы под именем красной и белой розы и во время опросов науськивают их друг на друга, Йорка на Ланкастера, делают образованные агрессивной игрой, копирующей военные действия, в которой студенты, как солдаты, лишаются индивидуальности под надзором, осуществляемым данным учреждением» [8, р. 58–59]. Это же относится и к такому исключительно клонгоузскому виду спорта, как футбол «на гравии», для которого требовались большие ловкость и умение, чем для обычного футбола или регби [4, р. 12]. Стивену состязательные игры неинтересны, хотя он является лидером Йорков и претендует на звание лучшего ученика. И вместо того чтобы решить математическое задание как можно быстрее и победить, он думает о розах и маминых песнях. Разноцветные розы и «песенка газа» – тихий свист, который слышен в комнате для игр только ему, противопоставлены строгому регламенту и жесткой дисциплине в школе.

Конфликт между внутренним миром мальчика и чужеродным для него пространством еще сильнее обостряется в ситуации со старшеклассником задирой Уэллсом, столкнувшим Стивена в сточную канаву из-за пустяковых разногласий. Такое полнейшее нарушение всех неписаных правил поведения, которые, как учил его отец, должны царить в этом особом локусе, подводит черту испытанным до этого словесным и физическим унижениям, выбивает героя из душевного равновесия, доводит до болезни и мыслей о смерти. При этом в его воображаемой смерти С. Хенке справедливо видит явную параллель со смертью героя-современника Парнелла, которому, по словам м-ра Дедала, люди из ближайшего окружения разбили сердце и тем свели его в могилу. «Оба – и Стивен, и Парнелл – были преданы, их столкнули в сточную канаву (одного буквально, второго – фигурально) и разорвали крысы из агрессивных ирландских масс. Несправедливо наказанные, с разбитым сердцем (или с болью в сердце), страдающие от гриппа или пневмонии, они оба выходят из этой ямы победителями и возрождаются, как феникс» [9, р. 56]. Действительно, обидчик в дальнейшем извиняется перед Стивеном, восстанавливая его статус и самоощущение.

Вторая ситуация, поставившая под сомнение правила поведения, царящие в его мире, более серьезна, поскольку это столкновение с представителем властей колледжа. Когда классный инспектор наказывает одного из мальчиков за невыполненное задание штрафной линейкой, Стивена охватывает парализующий ужас. Последовавшие затем удары, заставившие содрогаться все его тело, прибавляют к душевным страхам физические страдания первого в жизни мальчика телесного наказания. Однако не боль, а именно несправедливость терзает Стивена и заставляет сделать свой выбор, чтобы стать сильным, настоящим «предводителем Йорков», таким же героем, как великие люди, описанные в книгах. Он приходит к мысли, что истинный героизм заключается не в жалобах, а в том, чтобы добиться справедливости у представителя верховной власти – у ректора.

Кабинет ректора не случайно расположен в испещренных пулями стенами замка Клонгоуз, перешедшего в руки иезуитов в 1814 г. Каждая

деталь неприступного и внушающего ученикам трепет локуса замка несет на себе отпечаток героических деяний. Всем обитателям школы хорошо известно, что в библиотеке замка нашел убежище герой XVIII в. Арчибальд Гамильтон Роуэн, а последний его владелец, маршал, погиб во время наполеоновских войн. Всего пятьдесят лет назад прадед Стивена преподнес поздравительный адрес Освободителю О'Коннеллу, связывавшему большие надежды с колледжем в Клонгоузе, а значит, по мысли мальчика, и он сам может быть наделен героическим началом и должен это доказать своим поступком. На пути к кабинету ректора Стивен изображен терзаемый сомнениями и страхом в темных коридорах, где на стенах висят портреты основателей колледжа Клонгоуз и святых, принадлежавших к ордену иезуитов. Само посещение «сакрального» пространства и снисkanie защиты ректора приобщает его к сонму исключительных людей, рыцарей без страха и упрека, которых объединяют неписанные, но незыблемые законы поведения, и дает ему возможность вернуться домой победителем.

Оставшись на летних каникулах без воспитательницы и часто предоставленный самому себе, Стивен обращается к художественной литературе, предпринимая первые шаги в самообразовании. Примеры исторических и литературных героев подпитывают его веру в свою исключительность, придают силы и уверенность в себе и учат, как следует поступать в различных обстоятельствах. Он становится командиром шайки мальчишек, «Наполеоном», совершает набеги на окрестные сады, организует «битвы» на холмах и в старом замке над морем — в башне, построенной для защиты от вторжения Бонапарта. А вечером его принимает в свои объятия теплый и приветливый дом, где на стенах гостинной почетное место занимают портреты отважных предков — членов тайной организации «Белые братья», боровшихся за независимость Ирландии. Его домашнее образование теперь сводится к долгим воскресным прогулкам с отцом и дядей, которые обсуждают политику современной Ирландии, борьбу за независимость, жизнь в Корке — на малой родине Дедалов, восстания с участием предков Стивена и семейные легенды.

Укрепившееся в сознании подростка ощущение нерушимости основ этого мира и незыблемости правил, на которых он зиждется, полностью меняется с переездом в Дублин. Дом в его ценностном воплощении не переносится в иной город, как это было при предыдущих переездах, а разбивается на составные части, которые уже не могут быть собраны воедино, не могут составить целостного пространства; они все больше дисгармонируют друг с другом, пока не становятся кучей осколков, сваленных вместе. Такое качественное изменение локуса дома наносит удар по всему мироустройству в глазах мальчика. В новом непривычном мире тает уверенность взрослых в своем положении, меркнет ореол героизма вокруг портретов, которые оказываются на грязном дощатом полу вместе с остальной утварью. Ни дом, ни семья, ни имя не дают пищу гордости Стивена, как прежде, и образ клана ге-

роев, последним из которых он считал себя, затуманивается в его сознании. Убогость внешнего мира и полное отсутствие внимания и поддержки со стороны взрослых усиливают внутреннее недовольство, заставляющее Стивена углубиться в чтение художественной литературы, которая становится основой его самообразования. Произведения писателей-романтиков, обостряя его негативное отношение ко всему окружающему, подпитывают дух мрачного бунтарства и презрительной молчаливости.

Необходимость обеспечить детям образование при полном отсутствии средств заставили мать задуматься о бесплатной школе Христианских братьев. Однако отец противился этой идее, предпочитая платные школы под патронажем ордена иезуитов, поскольку «иезуиты были учителями для молодых джентльменов, а Христианские братья — для низших слоев общества, крестьян и городских рабочих» [14, р. 66]. Разговор родителей о преимуществах образования в иезуитском колледже становится вехой в жизни мальчика. Отец подчеркивает необходимость хорошего социального и финансового положения, а не покорения духовных высот — не случайно он определяет сам орден экономическим термином «корпорация»:

— К черту христианских братьев! — сказал м-р Дедал. — Пусть держится иезуитов, Бога ради, раз уж он у них начал. Они ему позднее сослужат неплохую службу. Уж эти-то ребята обеспечат тебе положение.

— И ведь это очень богатый орден, не правда ли, Саймон?

— Еще бы! Ты видела, какой у них стол в Клонгоузе? Ей-богу, кормятся как бойцовские петухи! <...> Кто займет его место в корпорации? [11, р. 74–75].

Этот диалог, где форма (выражения, связанные с религией) полностью противоположна сути (завоеванию положения), становится для Стивена очередным неприятным открытием, новым ударом по его системе мироустройства.

Саймон Дедал, кичащийся своими патриотами-предками, считает недостойным учиться в школе Христианских братьев, которые «не получали никакой поддержки от правительства и разрабатывали собственные учебники, где большое место занимала ирландская история и ирландский язык» [16, р. 351]. Будучи активным борцом за независимость Ирландии, соратником реформатора Парнелла, он тем не менее посылает сына в иезуитский колледж, где «из ирландских учеников растят добротных англичан... дети учатся по английским учебникам, играют в английские игры, изучают английскую историю, соревнуясь в классе как Йорк и Ланкастер» [17, р. 351]. Его поведение соответствует формулировке ирландского педагога и революционера Патрика Пирса, осуждавшего современных ему ирландских обывателей: «Наши дети — это “сырье”; мы жаждем “современных методов” для их образования, которые должны быть “эффективны”, но “недороги”; мы высылаем их в Клонгоуз, чтобы их “отполировали”; в процессе “полировки” их

“выворачивают наизнанку”; специалисты “обтачивают” их для английского аппарата мелких чиновников и так называемых либеральных профессий...» [21, р. 5–6].

Сильнейшее влияние на духовное развитие Стивена оказывает также иная – ироническая – интерпретация его похода к ректору после незаслуженного наказания. Снисходительное подшучивание над его героическим поступком превращается для подростка в осмеяние самого джентльменского кодекса, который до этого момента продолжал существовать в его сознании.

По протекции ректора и благодаря своим школьным успехам Стивен получает бесплатное место в другом иезуитском колледже – Бельведере, находящемся в Дублине. В новой школе он вновь становится одним из лучших учеников и занимает лидирующие позиции по сочинению, однако это не приносит ему ни удовлетворения, ни дружбы, ни признания. Обвинение в ереси, замеченной учителем в сочинении Стивена о душе, которая затянута в болото убогой жизни и унижена до пребывания в этом недостойном ее мире, вызывает у одноклассников лишь ехидное злорадство над его промахом. А после уроков его ждет неравная драка с одноклассниками, когда он осмеливается открыто выступить в защиту своих литературных кумиров, столь непохожих друг на друга бунтарей – кардинала Ньюмена и еретика Байрона, отсутствующих в школьном каноническом списке. Как отмечают исследователи, вольнодумство вытравлялось из учеников в любой из школ (будь то колледж ордена иезуитов или государственная школа), принадлежавших к британской системе образования, которую некоторые ученые даже саркастично сравнивали с «указом об общей кастрации ирландцев мужского пола» [17, р. 340].

Во время учебы в Клонгоузе школьное образование дополнялось домашним, в Бельведере же возникает четкая оппозиция *школьное обучение* – *свободное самообразование*. Воплощением этой оппозиции становится любовное стихотворение Стивена «К Э.М.», в котором формулы начала (A. M. D. G. – ad majorem Dei gloriam – к вящей славе Божией) и конца (L. D. S. – laus Deo semper – вечно восхваляет Бога) являются внешними ограничителями, навязанными школьным образованием. Они подчиняют себе содержание, эмоционально передающее волнения брошенной и мятущейся души юноши, подпитываемой сочинениями писателей-романтиков. Именно их поэзия становится для Стивена главным учебником, некоей светской библией, которая способна, по словам поэта М. Арнольда, помочь найти объяснение жизненных перипетий, утешение и поддержку [1].

В описании этого периода жизни героя создается образ души, изнывающей в холодном мире, полном фальши и неискренности, от которого ей остается лишь отгородиться спокойным повиновением и невозмутимостью, отбрасывая джентльменский кодекс и вопросы чести как нечто пустое и незначительное, сродни мелочной горячности его одноклассников. Отрешенность Стивена находит свое отражение и в

учебе — кажется, что он занимается «параллельно учебному плану, иногда даже в пику ему, следуя некоему альтернативному курсу обучения, который становится не менее важным, чем тот, которым его ведут святые отцы» [10, р. 234].

Отголоски домашнего образования, легенды их семьи ненадолго оживают во время поездки Стивена с отцом в Корк. Вся атмосфера малой родины напоминает его последние счастливые каникулы: солнечное лето, цветущие деревья, шутки и песни отца, легкая музыка и как дополнение — его рассказы. Показывая родину предков, отец пускается в воспоминания и ведет Стивена в свою «альма матер» — Куинз колледж. Отец и сторож очень долго идут через дворик, обсуждая новости и знакомых, и никак не могут прийти до аудитории, а когда наконец доходят, то оказывается, что образование сводилось для Саймона Дедала к веселому времяпрепровождению в кругу таких же, как он, «хороших парней» и не имело никакого отношения к учебе: «Каждый из нас что-то умел. У одного был хороший голос, другой был хорошим актером, третий мог спеть хорошую шуточную песню, четвертый был хорошим гребцом или теннисистом, другие хорошо рассказывали истории и так далее» [11, р. 97]. Стивен так и не узнает, на каком факультете учился его отец и чему же он научился, кроме того чтобы быть «хорошим парнем», который теперь распродает остатки своего наследства. Сын «видит в Корке не райские кущи из отцовских рассказов, а падший мир выпивки и напыщенности, в котором люди предпочитают проживать псевдогероические роли из придуманного прошлого» [14, р. 69].

Расточительность отца, приведшая к потере положения и имущества, противопоставлена солидной премии и призу, полученным сыном за лучшее сочинение. Используя выигранные деньги, чтобы возродить устои клана, вернуть тень героического прошлого, Стивен стремится противопоставить себя отцу, хотя незаметно становится его зеркальным отражением. В детстве он видел себя героем из клана героев, теперь он оказывается мотом из семьи мотов, который перенимает отцовскую модель транжирства, лишь несколько облагораживая ее формы. Получив денежный приз, Стивен воплощает дома ирландскую мечту в миниатюре: устанавливает республику, каждого наделяет правами и обязанностями, забавляет и угощает. Приз и стипендия становятся признанием его достижений в самообразовании, но отсутствие правильного домашнего примера поведения в области финансов разбивает мечту, подаренную образованием школьным.

Как лучший ученик, достигший успехов в школьных дисциплинах и скрупулезно исполняющий религиозные обряды, он получает предложение вступить в орден, что является отзвуком его собственных гордых мечтаний. По мнению П. Дорси, его отталкивает слишком высокая цена за пребывание на вершине среди немногих избранных [5, р. 67] — «угрюмая и бесчувственная жизнь по регламенту» [11, р. 171]. Ведь заслуженное членство в братстве и право на непререкаемую и неограниченную власть над видимым и невидимым миром важны для Стивена лишь в качестве подтверждения его исключительности. Приняв это

предложение, он должен будет присоединиться к иезуитам, занятым на педагогическом поприще (основная миссия ордена в то время), полностью подчиниться системе и превратиться в очередного холодного, серого, вечно раздраженного учителя.

Слово «университет», прозвучавшее для Стивена как «призыв жизни к его душе, а не понурый и вульгарный голос мира долга и безысходности» [11, р. 184], становится для него синонимом свободы. Вдохновленный «Идеей Университета» кардинала Джона Генри Ньюмена, Стивен жаждет влиться в ряды студентов, которые получают «свободное образование, изучая отдельные дисциплины, дополняющие, корректирующие и уравновешивающие друг друга. Ведь свободное образование является знаком “джентльмена” и должно отличаться, с одной стороны, от интенсивной теологической подготовки, необходимой для тех, кто готовит себя к религиозной жизни, а с другой — от узко прикладной “полезной науки”, подходящей для выходцев из низших слоев» [19, р. 41]. Университетский колледж Дублина, по замыслу его основателя, кардинала Ньюмена, должен возвращать истинного джентльмена духа, который объединит обучение в колледже и свободное самообразование. Однако, по точному замечанию Дж. Мюллер, «католики-джентльмены из видения Ньюмена, искавшие “знания для самого знания и ничего больше”, были давно заменены реальными дублинцами из нижнего слоя среднего класса, со склонностью к прикладной науке и заботой о делах мирских» [18, р. 596]. Стивен чувствует полную ненужность для него прикладной науки и пропускает занятия в университете, погруженный в философию прекрасного. Эта проблема является ключевой не только для эстетической теории Стивена, но и для его жизни в целом. Результатом раздумий становится состояние полной неудовлетворенности, в котором Стивен и покидает университетский колледж — он уходит в неизвестность, чтобы искать и ошибаться, учиться под влиянием чужих творений, оставаясь вечным студентом в «университете Жизни».

Список литературы

1. Arnold M. The Study of Poetry // Poetry Foundation : [сайт]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/articles/69374/the-study-of-poetry> (дата обращения: 20.07.2020).
2. Buckley J. Season of Youth: the Bildungsroman from Dickens to Goldberg. Cambridge, 1974.
3. Castl G. Reading The Modernist Bildungsroman. Gainesville, 2015.
4. Cullen B. A Short History of Clongowes Wood College. Dublin, 2011.
5. Dorsey P. From Hero to Portrait: The De-Christification of Stephen Dedalus // James Joyce Quarterly. 1989. Vol. 26, №4. P. 505—513.
6. Ellmann R. James Joyce. N. Y., 1959.
7. Gifford D. Joyce Annotated: Notes for *Dubliners* and *A Portrait of the Artist as a Young Man*. Berkeley, 1982.
8. Henke S. Stephen Dedalus and Women: A Portrait of the Artist as a Young Misanthrope // James Joyce's *A Portrait* / ed. by A. Bloom. N. Y., 1988. P. 55—75.
9. Henke S. James Joyce and the Politics of Desire. L. ; N. Y., 1990.

10. Johnston A. The Education of Stephen Dedalus // Proceedings of the Midwest Philosophy of Education Society, 1999–2000. Chicago, 2001. P. 233–241.
11. Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man. L., 1992.
12. Kain R., Scholes R. The Workshop of Daedalus: James Joyce and the Raw Materials for “A Portrait of the Artist as a Young Man”. Evanston, 1965.
13. Kaye J. B. Simony, the Three Simons, and Joycean Myth // A James Joyce Miscellany. N. Y., 1976. P. 20–36.
14. Kearney C. The Joycead // Coping with Joyce: Essays from the Copenhagen Symposium / ed. by Morris Beja and Shari Benstock. Columbus, 1989. P. 55–72.
15. Lanham J. The Genre of *A Portrait of the Artist as a Young Man* and the rhythm of its structure // Genre. 1977. Vol. 10, №1. P. 77–102.
16. Mahon J. W. Joyce Among the Brothers // Christianity and Literature. 2004. Vol. 53, № 3 P. 349–359.
17. Mezey J. H. Ireland, Europe, the World, the Universe. Political Geography in *A Portrait of the Artist as a Young Man* // Joyce and the Joyceans / ed. by M. P. Levitt. N. Y., 2002. P. 337–348.
18. Muller J. John Henry Newman and the Education of Stephen Dedalus // James Joyce Quarterly. 1996. Vol. 33, №4. P. 593–603.
19. Newman J. H. The Idea of a University / ed. Ch. Fr. Harrold. N. Y., 1947.
20. Noon W. T. Joyce and Aquinas. Yale University Press, 1957.
21. Pearse P. H. The Murder Machine. Dublin, 1916.
22. Sullivan K. Joyce Among the Jesuits. N. Y., 1958.

Об авторах

Татьяна Жилина-Элс – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: tzematerials@gmail.com

Наталья Павловна Жилина – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: nzhilina@rambler.ru

The authors

Dr Tatiana Zhilina-Els, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: tzematerials@gmail.com

Prof. Natalya P. Zhilina, I. Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: nzhilina@rambler.ru

А. А. Короткевич, А. Б. Ларина

**К ВОПРОСУ
О РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБУЧЕНИЯ**

95

Федеральные государственные стандарты для обучающихся, имеющих особые образовательные потребности, закрепили в качестве одного из важнейших постулатов дифференцированный подход к разработке адаптированных образовательных программ. Адаптация программ предполагает их своеобразное выстраивание и формирование в их рамках особой системы оценки с учетом особенностей протекания мыслительных операций, восприятия, памяти, развития речевых функций, темпа учебной деятельности, а также специфических образовательных возможностей каждого конкретного ребенка. В статье рассмотрен потенциал применения рейтинговой оценки на уроках и во внеурочной деятельности в начальных классах для школьников, имеющих глубокие нарушения зрения и обучающихся по адаптированным программам. В результате сделано заключение о необходимости разработать систему условий в составе модели рейтинговой оценки процесса освоения адаптированных программ для учащихся с нарушениями зрения начиная с первого года обучения.

Federal standards, developed for students with special educational needs, have secured a differentiated approach as one of the most important postulates. In practice, when assessing the educational results of students with disabilities, teachers are faced with many problematic situations. Adaptation of such programs involves certain alignment, and a special evaluation system, which considers the specifics of the mental operations, perception, memory, development of speech functions, the pace of educational activity, as well as the specific educational capacities of each specific child. The article focuses on the potential use of rating in lessons and in extracurricular activities in primary-school classes, where students with severe visual impairments are taught in adapted programs. The study concludes it is necessary to develop a system of conditions as part of a rating model for the development of adapted programs for students with visual impairments starting from the first year of study.

Ключевые слова: оценка, рейтинговая оценка, дифференциация и индивидуализация оценки образовательных результатов, инклюзивное образование.

Keywords: pedagogical assessment, rating assessment, differentiation and individualization of educational results assessment, inclusive education.

Включаясь в любое исследование вопросов оценки индивидуальных результатов школьников, необходимо, с одной стороны, представлять специфику образовательных возможностей учащихся, с другой — четко определять используемые понятия. За последнее десятилетие по-

явилось достаточно много исследований, освещающих проблемы инклюзии слабовидящих детей, индивидуализации образования, реализации дифференцированного подхода. Оценке учебных достижений уделено внимание в работах [1; 14; 21; 22; 28; 33], вопросы дифференциации и индивидуализации обучения освещены в исследованиях [4; 19; 25; 32], особенности обучения детей с нарушениями зрения описаны в [3; 5; 9; 10; 13; 27; 29].

Однако интересующая нас тема системы оценки достижений детей с глубокими нарушениями зрения в научной литературе представлена недостаточно. Попробуем коротко охарактеризовать основные индивидуальные особенности, которые создают трудности в обучении у школьников с глубокими нарушениями зрения и требуют дифференцированного подхода к оценке результатов обучения. Приведем некоторые из них:

- ограничение в зрительном восприятии при изучении любого объекта;
- сложности ориентировки в пространстве на собственном теле, относительно окружающих предметов (тетради, учебного стола) и пространства (класса, улицы, города, стран на карте);
- особенности вербализации визуальных впечатлений, своеобразие освоения письменной речи;
- своеобразие протекания процессов внимания, памяти, мышления;
- недоразвитие моторной сферы, сниженный темп деятельности, быстрая истощаемость, утомляемость, которые приводят к невозможности выполнения заданий в короткий срок.

Очевидно, что скорость получения доступной информации, ее объем и работоспособность у детей с тяжелыми нарушениями зрения обусловлены не только своеобразием зрительного нарушения. Вышеперечисленные особенности связаны с перестройкой ориентировочных реакций и нервных процессов вследствие дефекта зрительной составляющей сенсорной системы [7]. Развитие интеллектуальной, предметно-практической, мотивационной, эмоциональной, волевой, экзистенциальной сфер индивидуальности также в целом нуждается в строгом построении образовательного процесса с учетом индивидуальных технических средств, диагностике образовательных возможностей, определении индивидуальных норм зрительной нагрузки и объема выполняемых работ, использовании средств наглядности, в том числе информационно-коммуникационных технологий. Педагогу необходимо не только знать и обеспечивать все эти условия, но еще и контролировать их соблюдение в ходе работы.

«Особые образовательные потребности» в настоящий момент связываются с системой, спектром специальных условий (включающих специальные программы, технологии их реализации, методы, приемы, средства) для развития возможностей обучающихся [9, с. 18]. Описание особых образовательных потребностей применительно к образованию слабовидящих детей приведено в обновленных программах [26, с. 22], в

Концепции развития образования обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья [17, с. 48], в научных и ориентированных на практику специальных статьях [2, с. 132; 10, с. 22]. При этом в каждой отдельной педагогической ситуации для учителя проблемным моментом является выстраивание для себя и обучающегося единых ориентиров исходя из общего представления о его потребностях (необходимых условиях, характерных для большинства школьников с нарушениями зрения) и конкретных образовательных возможностей – условий для целенаправленного развития и формирования индивидуальности.

Актуальность поиска и разработки различных моделей системы оценки обусловлена, с одной стороны, требованиями Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья [24, с. 7] и необходимостью конкретизации Примерной адаптированной основной общеобразовательной программы начального общего образования для слабовидящих обучающихся [26, с. 26], а с другой – проблемными ситуациями, связанными с образовательными потребностями и возможностями слабовидящих обучающихся.

Существуют как общие закономерности получения образования обучающимися с особыми образовательными потребностями, так и специфические [26]. При создании специальных условий освоение программ требует от особого ребенка дополнительных временных и энергоемких затрат особого характера, имеющих индивидуальную ценность. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что содержательное наполнение понятия «педагогическая оценка» [23, с. 152] включает не только «установление степени, уровня, качества» освоения в данном случае адаптированной программы, но и «мнение о ценности, уровне или значении» [31]. Умения адекватно представлять и оценивать свои возможности и ограничения, сообщать о необходимости помощи входят в состав жизненной компетенции ребенка с особыми образовательными потребностями и должны формироваться в процессе образовательной деятельности [26, с. 56].

Далее при выстраивании системы оценки необходимо разграничить дифференциацию и индивидуализацию оценочной деятельности учителя, которые рассматриваются вместе, поскольку предполагают комплексную систематическую диагностическую работу по выявлению успехов и трудностей ребенка, постоянное внесение коррективов в индивидуальную траекторию реализации программы, рефлекссию промежуточных результатов и построение нового целевого ориентира.

Индивидуализация оценки предполагает установление качества освоения программного материала при создании условий для стимуляции формирования познавательной самооценки школьника с учетом его индивидуальных особенностей (для ребенка с ограниченными возможностями здоровья – его особых образовательных потребностей), формирования навыков рефлексии, дальнейшего целеполагания и самостоятельности [6; 16; 18]. Индивидуализацию оценки можно прово-

дить изоморфно индивидуализации обучения [23, с. 68] при демонстрации общих критериев оценки и содержания программы с установлением дополнительных условий (продолжительности сроков выполнения индивидуального задания, дозирования предоставляемого объема работы, распечатки текстов крупным шрифтом, использования необходимых технических средств).

Дифференцированная оценка подразумевает установление качества выполнения задания с учетом его особенностей (по степени творчества, самостоятельности). Подбор заданий и разработка критериев дифференцированной оценки для ребенка с ограниченными возможностями здоровья осуществляются также с учетом особых образовательных потребностей и индивидуальных особенностей. Может разграничиваться не только степень сформированности того или иного предметного и метапредметного результата, но и сложность, объем работы, количество ошибок и правильных ответов. Создание системы диагностических заданий разного уровня (продвинутого, базового), включающей конкретные критерии и показатели оценки диагностики предметных и метапредметных результатов [1; 7; 11; 21; 26; 33; 34], позволит провести объективную качественную и количественную оценку, на основе ее содержательного анализа, наметить стратегию дальнейшего обучения.

Разработка такой системы имеет важное значение для успешности освоения программ школы еще и потому, что существуют проблемы формирования готовности к школе детей с глубокими нарушениями зрения, приводящие к тому, что на момент поступления в первый класс уровень их развития не соответствует общепринятой норме. Например, современные исследования эмоционально-волевой сферы и психологической готовности дошкольников с нарушениями зрения [3, с. 86–90; 29, с. 95–101] демонстрируют, насколько детям с особыми потребностями трудно даже при создании для них всех условий показать результаты, приближающиеся к установленной норме. Дифференцированная диагностическая входная оценка позволяет предотвратить неудачи и создать ситуацию успеха путем внесения изменений в адаптированные программы. В результате каждый обучающийся получит возможность заниматься активной познавательной деятельностью и сможет оценить свои возможности. Таким образом, индивидуализация оценки при сохранении общих ее критериев поможет предупредить стрессовые ситуации, вызванные диссонансом между обучающей ситуацией и образовательными возможностями, не соответствующими нормативным.

К примеру, оценка проектной деятельности позволит ученику самостоятельно распределять время работы и отдыха, решать, представлять проект только в классе, на предметной неделе или на конкурсе (региональном, всероссийском). Оценка в данном случае демонстрирует не только практическую значимость выполненного задания, но и перспективу продвижения достигнутого результата от минимума к максимуму, перехода от школьной оценки (по нескольким предметам и

метапредметным результатам) к внешкольной. Так, дифференцированная оценка индивидуального мультипредметного проекта «Климат Калининградской области и его изменение» характеризует степень интеграции таких предметов, как математика, информатика, окружающий мир, и может способствовать развитию познавательных процессов, самоконтроля, самооценки по заданным критериям, мотивации к изучению данных предметов, а также самостоятельной творческой деятельности [22].

Представляется, что ориентиры, описанные в Концепции развития образования обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья до 2030 г., имеют огромный потенциал для выстраивания оценочной программы учителя в части накопительной предрейтинговой и рейтинговой системы оценки [17, с. 49–61]. Модель рейтинговой оценки как форма контроля достижения планируемых результатов адаптированных программ, реализуемая путем фиксации динамики учебных достижений с использованием расчета рейтингового балла, способна включать шкалу, охватывающую множество показателей [20, с. 49; 22, с. 585]. В рамках рейтинговой системы производится регулярное выставление баллов при пошаговом освоении учебных знаний, умений и навыков, а также при оценке общественной, творческой активности, научно-исследовательской деятельности, спортивной деятельности, результативности выполнения мероприятий школьной жизни в течение учебного года [15, с. 41–45]. При такой системе происходит оценивание с использованием баллов, которые вносятся в таблицы и суммируются в процессе обучения с 1-го по 5-й класс. Помимо знаний данная система поощряет продвижение в освоении жизненных компетенций, что в целом крайне важно для обучающихся со специфическими образовательными возможностями.

На наш взгляд, рассматривая оценочные действия учителя в совокупности его профессиональной деятельности по реализации адаптированной программы, необходимо установить не только объективные, но и субъективные критерии оценки и показатели для обучающихся с особыми образовательными потребностями, которые демонстрировали бы постепенное пошаговое движение к планируемым результатам (предметным, метапредметным), фиксировали мотивацию, активность, самостоятельность и т.д. Такая постепенная парциальная оценка в итоге к концу начальной школы приобретала бы вид общей интегрированной оценки результативности освоения обучающимися программ.

Существует множество подводных камней, мешающих проведению успешной инклюзии обучающихся с особыми образовательными потребностями. Одной из проблем инклюзивного образования выступает построение внутри адаптированных программ системы оценки, адекватной современным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и индивидуальным возможностям слабовидящих обучающихся.

Каждый обучающийся с особыми возможностями нуждается в индивидуализированной системе оценки. Как в случае инклюзии внутри системы специального обучения в образовательных организациях, имеющих интернат, так и в случае инклюзии внутри большой общеобразовательной школы решение вопроса о создании положительных условий для творческого развития, адаптации и эффективной социализации личности тесно связано с оценкой образовательных результатов.

Использование модели накопительной рейтинговой системы оценок позволяет дифференцировать критерии и показатели, индивидуализировать ситуацию оценки, тем самым решив вопросы усиленного продвижения в освоении программ, мотивации обучения, стремления к успешности, создания достаточных условий для каждого ученика в инклюзивном образовании, при которых у особенного ребенка будут сформированы адекватная познавательная самооценка, самостоятельность и ответственность за свои решения.

Таким образом, некоторые проблемные ситуации, существующие в современном инклюзивном образовании [2; 12; 27; 30], можно решить в том числе и модернизацией системы оценки.

Список литературы

1. *Аверкин В.Н., Зайченко О.М.* Использование результатов оценки учебных достижений школьников: комплексный подход // Народное образование. 2013. №4. С. 89 – 94.
2. *Алехина С.В., Мельник Ю.В., Самсонова Е.В., Шеманов А.Ю.* К вопросу оценки инклюзивного процесса в образовательной организации: пилотажное исследование // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11, №4. С. 121 – 132.
3. *Бардасова И.В., Ильина И.Ю.* К постановке проблемы изучения эмоционально-волевой готовности к школе детей старшего дошкольного возраста с нарушениями зрения // Альманах научно-исследовательских работ студентов и молодых ученых. Пермь, 2016. С. 86 – 90.
4. *Байбородова Л.В.* Индивидуализация образовательного процесса как проблема педагогической науки // Педагогика и психология современного образования: теория и практика : матер. 73-й науч.-практ. конф. Ярославль, 2019. Ч. 3. С. 75 – 81.
5. *Викторова О.Е.* Развитие мелкой моторики детей дошкольного возраста с нарушением зрения // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №59-3. С. 428 – 431.
6. *Голенко Н.В., Анисимова Т.С.* Педагогические условия формирования познавательной самооценки у младших школьников // Молодой исследователь: вопросы науки и практики : матер. региональной науч.-практ. конф. Киров, 2018. С. 27 – 30.
7. *Гребенюк О.С., Гребенюк Т.Б.* Основы педагогики индивидуальности : учеб. пособие. Калининград, 2000.
8. *Гуружапов В.А.* К проблеме оценки метапредметной компетентности испытуемых // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. Т. 4, №1. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50747.shtml (дата обращения: 30.04.2020).

9. Денискина В.З., Комова Н.С. Выбор образовательного маршрута для детей с нарушением зрения, поступающих в 1 класс // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2016. №7. С. 8–19.

10. Денискина В.З. Образовательные потребности детей с нарушением зрения // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2013. №6. С. 4–14.

11. Зволейко Е.В. Промежуточная оценка метапредметных результатов обучения по адаптированной основной образовательной программе начального общего образования для детей с ЗПР // Образование и воспитание. 2015. №4. С. 71–75.

12. Наумов А.А., Ворошникова О.Р., Аюпова Е.Е. и др. Инновационные модели инклюзивного образования детей с ОВЗ // Мир науки, культуры, образования. 2019. №6 (79). С. 170–172.

13. Каракулова Е.В. Организация логопедической работы по преодолению системного недоразвития речи с учетом индивидуально-типологических особенностей дошкольников с функциональными нарушениями зрения // Специальное образование. 2016. №4. С. 16–17.

14. Кривобороденко О.Д., Харланова Г.А., Котова Н.В. Оценка достижений обучающихся // Специалист. 2016. №3/4. С. 21–24.

15. Крючкова Т.А. Рейтинговая система оценивания обучающихся в начальной школе // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. №1 (41). С. 41–45.

16. Короткевич О.В., Кулаченко М.П. Психолого-педагогические подходы к рассмотрению взаимосвязи школьной тревожности и самооценки младших школьников // Проблемы личности в современном мире : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2017. С. 210–212.

17. Концепция развития образования обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья до 2030 г. / под общ. ред. Н.Н. Маloffеева. М., 2019.

18. Ларина А.Б. Закономерности и принципы формирования познавательной самооценки младшего школьника // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып.11: Сер. Педагогические и психологические науки. С. 138–143.

19. Рослова Л.О., Краснянская К.А., Квитко Е.С. Концептуальные основы формирования и оценки математической грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, №4 (61). С. 58–79.

20. Маряшина И.В. Модель балльно-рейтинговой системы контроля и оценки образовательных результатов по физике в средней школе // Современные средства оценивания результатов обучения в условиях внедрения компетентностного подхода. Казань, 2016. С. 39–45.

21. Нежнов П.Г. Психологические проблемы оценки образовательных результатов // Развитие теории и практики учебной деятельности: научная школа В.В. Давыдова. Волгоград, 2016. С. 164–171.

22. Молдованова Е.А., Рожкова В.И., Шахматов В.М., Янущик О.В. Опыт использования балльно-рейтинговой системы оценивания знаний // Современные наукоемкие технологии. 2016. №5-3. С. 585–589.

23. Новиков А.М. Педагогика : словарь системы основных понятий. М., 2013.

24. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья [Электрон. ресурс] : приказ Министерства образования и науки РФ от 19.12.2014 г. № 1598. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

25. *Перевозный А.В.* Дифференциация школьного образования: психологические основания и педагогические предпосылки реализации // *Личность в современном обществе: образование, развитие, самореализация* : матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию доктора психологических наук, профессора А.И. Крупнова. М., 2019. С. 217–224.

26. *Примерная адаптированная основная общеобразовательная программа начального общего образования для слабовидящих обучающихся.* URL: <https://fgosreestr.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).

27. *Ремезова Л.А., Ковалева Т.А.* Индивидуализация образовательного процесса в инклюзивной практике дошкольной образовательной организации // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета.* 2017. №6. С. 99–107.

28. *Селиванова О.Г., Гасникова Н.В.* Управление процессом достижения школьниками метапредметных результатов образовательной деятельности // *Вестник Вятского государственного университета.* 2018. №4. С. 119–129.

29. *Скрябина Н.В.* Психологическая готовность к школе детей с нарушением зрения // *Специальная педагогика и психология: традиции и инновации* : матер. Всерос. науч. конф. молодых ученых и студентов с междунар. участием. М., 2019. С. 95–101.

30. *Суворова А.В.* Проблема внутренней и внешней личностной инклюзии (на примере Сергиево-Посадского детского дома для слепоглухих) // *Психологическая наука и образование.* 2013. №3. С. 99–103.

31. *Толковый словарь Ожегова онлайн.* URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 30.04.2020).

32. *Шамарина Е.В.* Особенности выполнения учебных заданий первоклассниками с задержкой психического развития на основе дифференциации детей // *Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.* Сер.: Педагогические и психологические науки. 2016. №26 (45). С. 151–157.

33. *Шишмарева С.Л.* Система оценки качества планируемых результатов освоения образовательной программы среднего общего образования // *Практика административной работы в школе.* 2016. №6 (117). С. 3–15.

34. *Чудинова Е.В., Санина С.П.* Экспресс-диагностика основных метапредметных образовательных результатов в начальной и основной школе. М., 2016.

Об авторах

Александра Андреевна Короткевич — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: stefa49@mail.ru

Александра Борисовна Ларина — канд. пед. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ALarina@kantiana.ru

The authors

Alexandra A. Korotkevich, PhD Student, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: stefa49@mail.ru

Dr Alexandra B. Larina, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ALarina@kantiana.ru

И. С. Карась, А. А. Лукина, В. И. Пушкарева

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

Исследование посвящено выявлению специфики профессиональной и непрофессиональной психологической помощи, осуществляемой в Instagram. Контент-анализу было подвергнуто содержание аккаунтов 50 блогеров (25 профессиональных психологов и 25 парапсихологов), ведущих каждодневную работу в Instagram и имеющих от 19 тыс. до 2,5 млн подписчиков. Определены и качественно проанализированы следующие виды психологической помощи: психологическое информирование, индивидуальные консультации и групповые тренинги в режиме онлайн, а также обратная связь, осуществляемая в аккаунтах испытуемых обеих групп. При оценке различий в показателях названных групп использовался U-критерий Манна – Уитни. Определены достоверные различия в качестве и масштабах оказания психологической помощи профессиональными психологами и парапсихологами. Представлены сильные и слабые стороны реализуемой психологической помощи. Отмечается, что при организации психологической помощи в Instagram наибольшее распространение получили следующие методы психотерапии и психологического консультирования: когнитивно-поведенческая психотерапия, телесно-ориентированная терапия, гештальттерапия, НЛП, семейная системная терапия, арт-терапия. Некоторые психологи практикуют отдельные техники гипноза, треть психологов включают в работу эзотерическую рамку. Большой интерес у пользователей сети Instagram достоверно зафиксирован к работе профессиональных психологов, нежели парапсихологов. Полученные результаты подтверждают огромный спрос на психологические знания и констатируют актуальность реализации корректной и корректирующей психологической помощи в интернет-сети.

The research is devoted to identifying the specifics of professional and non-professional psychological assistance provided in Instagram. The authors carried out content analysis of the accounts of 50 bloggers, 25 of whom are professional psychologists and 25 parapsychologists working on the Instagram every day. Each blogger has from 19,000 to 2,500,000 subscribers. The study identified and qualitatively analyzed certain types of psychological assistance: psychological information, individual consultations and online group trainings, feedback is provided in the accounts of both groups. The Mann-Whitney U-test was used to assess differences in the indicators of these groups. The quality and scale of psychological care provided by professional psychologists and parapsychologists differed significantly. The research considered strengths and weaknesses of the implemented psychological assistance. It is noted that when organizing psychological assistance in Instagram, the following methods of psychotherapy and psychological counseling are most widely used: cognitive behavioral psychotherapy, body-oriented therapy, Gestalt therapy, NLP, family system therapy, art therapy, some psychologists practice certain hypnosis techniques, a third of psychologists include an esoteric framework in their work. Instagram users are more interested in the work of

professional psychologists than parapsychologists. The results confirm the huge demand for psychological knowledge and confirm the urgency of the correct and corrective psychological support in the Internet.

Ключевые слова: психологическая помощь, методы психотерапии и психологического консультирования, интернет-сеть, Instagram, качество жизни, психолог, парапсихолог.

Keywords: psychological assistance, methods of psychotherapy and psychological counseling, Internet network, Instagram, quality of life, psychologist, parapsychologist.

Введение

Интернет-сеть стремительно захватывает мир и погружает его в новую реальность цифрового существования. В настоящее время практически любой вид деятельности так или иначе взаимодействует с интернет-сетью, и психологическая помощь — не исключение. Современные реалии интернет-общения предъявляют новые требования к профессиональной деятельности психолога. С каждым днем психологи набирают все большую популярность в интернет-сети, а пользователи активно интересуются психологическими знаниями, предоставляемыми в режиме онлайн. Помимо представителей профессионального сообщества, свою нишу в сети занимают и парапсихологи различного толка, также оказывающие психологическую помощь не менее обширной аудитории и клиентской базе. Проблема популяризации научных психологических знаний в этих условиях становится особенно актуальной. Вопрос о допустимости распространения психологических знаний в оболочке бытового и эзотерического подходов сегодня как никогда злободневен уже и для интернет-пространства. Представители как научного, так и ненаучного направлений, по сути, удовлетворяют схожие клиентские запросы, связанные с личностными и семейными трудностями, решением кризисных ситуаций в отношениях, профессиональными и финансовыми вопросами.

Проблема реализации качественной профессиональной психологической помощи в интернет-среде активно обсуждается многими исследователями [2–5; 8; 9; 11 и др.], также возможностям онлайн-консультирования и психотерапии посвящены зарубежные работы [14–16]. В ряде работ [7; 12; 13] выделены психологические особенности интернет-коммуникаций в социальных сетях.

В настоящем исследовании психологическая помощь рассматривается как система профессиональных мер, профессиональное сопровождение и содействие, оказываемое одному человеку либо группе людей посредством организации особого вида межличностного взаимодействия. Профессиональная психологическая помощь оказывается психологическими средствами при решении проблем и затруднений психологического характера. Основная цель психологической помощи заключается в том, чтобы помочь человеку модифицировать отношения и поведение, которые интеллектуально, социально или эмоционально являются негативными [1; 6].

Рассматривая виды психологической помощи, можно утверждать, что они качественно различаются по целям и задачам, теоретическому наполнению, уровню профессионализма человека, оказывающего такую помощь [1; 6]. В свою очередь, внутри каждого вида психологической помощи имеются существенные отличия, начиная с возраста и заканчивая половым аспектом. Вид психологической помощи определяется ее целями, которые могут быть следующими: психологическое консультирование, психотерапия, психологическая коррекция, кризисное вмешательство, психологическая реабилитация, психологический тренинг [1].

Цель исследования заключается в выявлении специфики профессиональной и непрофессиональной психологической помощи в социальной сети Instagram.

Процедура исследования

Исследование проводилось в период с сентября 2019 по май 2020 г. Для контент-анализа были отобраны 50 популярных аккаунтов 50 блогеров (8 мужчин и 42 женщины) из Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени, Калининграда – 25 представителей профессионального сообщества и 25 парапсихологов, имеющих от 19 тыс. до 2,5 млн подписчиков. Требования к профессиональным психологам включали наличие высшего профильного образования (подлинность дипломов проверялась экспертами), подготовку на курсах повышения квалификации (что подтверждалось экспертами), возраст старше 36 лет, опыт работы не менее 8 лет. Рассматривались также аккаунты парапсихологов-блогеров, работающих в направлении урегулирования семейных, детско-родительских отношений, проблем саморазвития, разрешающих карьерные и финансовые трудности. Представители этой категории блогеров не имеют высшего психологического образования, позиционируют себя как экспертов в эзотерике, старше 35 лет.

Предварительный обзор отобранных аккаунтов психологов и парапсихологов на предмет многообразия психологической помощи позволил выделить наличие следующих ее видов: индивидуальное и групповое психологическое консультирование, информирование, а также профилактика и предотвращение трудных жизненных ситуаций. Не представлены как самостоятельные виды психологической помощи психологическая коррекция, кризисное вмешательство и психологическая реабилитация. Возможно, они и предлагаются в сети Интернет, но, очевидно, не пользуются спросом у потребителей Instagram, поскольку, вероятно, не могут полноценно осуществляться в подобном формате.

Таким образом, в процессе исследования были выделены для анализа следующие категории помощи: информирование, индивидуальные консультации в режиме онлайн, групповые тренинги в режиме онлайн, обратная связь.

В категории «структура и содержание индивидуального консультирования в режиме онлайн» выделены следующие единицы анализа,

которые рассматривались на предмет их наличия и содержания: этап знакомства; беседа с клиентом (расспрос); этап формирования и проверки консультативных гипотез; приемы оказания психологического воздействия; этап завершения консультирования.

В категории «психологическое информирование» выделены следующие единицы анализа: количество и содержание лекций, видеовыступлений (IGTV-контент, stories), публикаций (постов), в том числе включающих психодиагностические методики, тесты, техники, а также превенцию, публикаций с рассмотрением проблемы конфликтов (по запросу подписчиков), объемы и содержание обратной связи.

106

В категории «групповые тренинги в режиме онлайн» выделены следующие единицы анализа (также отмечалось их наличие): организационный этап, для которого фиксировались степень благоприятствования при регистрации пользователя, наличие знакомства с ним, создание атмосферы открытости, позитивная мотивация и взаимодействие в психологических марафонах; основная часть тренинга, которая оценивалась по таким параметрам, как качественный уровень теоретической и практической составляющих информационного наполнения (объяснение или раскрытие нового информационного материала, наличие и содержание практических упражнений), наличие рефлексии, сила ее проявления (осознание, осмысление, эмоциональное реагирование на полученную информацию, ее интерпретация), наличие домашних заданий, качество выполнения домашних или офлайн-заданий (апробация новых способов поведения, закрепление новых приемов поведения, их поддержание); завершающий этап тренинга, на котором оценивалась степень проявления активности в процессе обратной связи (количество сообщений в чате, оценка марафона).

Категория «обратная связь (отзывы и комментарии после осмысления постов)» включила в себя такие единицы анализа, как смысловое содержание отзывов (темы, обозначения, факты), позитивные и негативные комментарии (оценка явлений, действий значимых персон, подтекст сообщения).

Математико-статистическая обработка проведена в программе Excel.

Общий объем материала по психологическому информированию, подлежавшего анализу, во всех 50 аккаунтах составил 45 082 единицы вербальных средств (лекции, видео в IGTV, посты), единицы обратной связи не учитывались. Число просмотров подписчиками интересующих видеоматериалов в IGTV-формате или в stories варьировалось от 50 до нескольких миллионов в день.

Общее число отзывов (комментариев) после постов на момент их фиксирования насчитывало у профессиональных психологов 467 172, у парапсихологов 21 656 единиц.

Общее количество тем групповых тренингов (марафонов) в 50 аккаунтах составляет 100. В среднем каждый блогер запускает от 2 до 50 марафонов, длительность марафонов варьируется от недели до нескольких месяцев, у некоторых психологов после марафона идет психологическое сопровождение клиентов.

Результаты исследования

Анализ категории «*психологическое информирование*» на страницах блогеров позволил выявить значимые различия между выборками психологов и парапсихологов.

Подавляющее большинство психологов и только половина парапсихологов размещают видео-выступления и лекции, темы которых делятся на четыре основных направления: психология отношений в паре, детско-родительские отношения, продвижение в профессии или карьере и материальное благополучие. Менее востребованными являются темы: саморазвитие, детская психология, глубинная психология, сексология, психология развития. Обследованные парапсихологи предлагают своей аудитории материалы по обширному спектру тем эзотерического характера. В их арсенале гадание на Таро, медитации и духовные практики, нумерология и астрология. Как у профессиональных, так и у парапсихологов актуальны метафорические карты.

Треть психологов и парапсихологов размещают на своих страницах проективные тесты, опросники, методики, объединяющие общее направление: диагностику типов личности, специфики межличностных отношений, поиска предназначения. Психологи публикуют техники, посвященные саморазвитию, развитию ассоциативного мышления, памяти. Парапсихологи представляют в своих аккаунтах техники работы с подсознанием, по поиску предназначения, эзотерические техники (прокачка энергии, чакр, карма).

Подавляющее большинство психологов и половина парапсихологов имеют публикации, включающие превенцию, общими темами для всей выборки являются профилактика психологического и физического насилия в семье. Кроме того, психологи активно выкладывают материалы по профилактике и специфике проявления созависимых и зависимых отношений, отношений с абьюзером, по вопросам психологического насилия над детьми, профилактики тревоги и паники, неполной семьи, манипуляций и лжи в семье. Парапсихологи просвещают подписчиков по вопросам профилактики измен в отношениях, стрессов, гнева, отношений с абьюзером, токсичных, свободных, детско-родительских отношений.

Подавляющее большинство психологов и чуть более половины парапсихологов размещают на личной странице публикации, где рассматриваются проблемы конфликтов. Подписчики выносят для дискуссии свои конкретные истории либо специалист предлагает для обсуждения варианты решения проблем, отвечая тем самым на группу однотипных запросов. Наиболее часто запрашиваемыми темами на интернет-страничках профессиональных психологов являются токсичные отношения, личностные границы, роль жертвы, измена, психология отношений и сексология. На страничках парапсихологов чаще всего встречаются следующие темы: манипуляция, сценарии отношений, детско-родительские отношения, свободные отношения, роль жертвы, созависимые отношения, психологическое насилие, физическое насилие.

Исследование позволило выявить достоверные различия по широте психологического информирования в группах психологов и парапсихологов ($p \leq 0,05$), что может свидетельствовать о сформированных и устойчивых информационных каналах дипломированных специалистов, об объемном и широкомасштабном информационном оповещении подписчиков в их аккаунтах. По всем критериям у профессиональных психологов на порядок больше информационного материала, обращений обратной связи, консультаций – как индивидуальных, так и публичных и групповых. Профессиональные психологи расположены к живому общению и чаще делятся в прямых эфирах и stories своими достижениями.

Личные страницы психологов, имеющих высшее профессиональное образование, содержат большой объем необходимой информации (в сравнении со страницами парапсихологов), а также отличаются простотой представления материала для пользователей исследуемой социальной сети. Личные страницы психологов без профильного образования, напротив, не располагают достаточным количеством нужной информации, что усложняет ее поиск и является следствием непрофессионализма. Отметим, что треть психологов и все парапсихологи обращаются к религиозной тематике. Обоснованность вкрапления религиозного мировоззрения в сомнительной интерпретации блогеров-самоучек прокомментировать невозможно.

Необходимо указать также на зависимость широты психологического информирования от возрастного показателя. Представление информации у старшего поколения отличается от предлагаемого молодыми блогерами. Научное и публицистическое наполнение статей явно конкурируют друг с другом, но у каждого вида публикаций есть своя целевая аудитория, что является огромным плюсом. По показателю обратной связи можно сделать вывод о том, что публицистические статьи пользуются большей популярностью, им отдает предпочтение преимущественно молодое поколение. Нецензурная лексика отмечена у половины блогеров, нередко ее употребление подвергается критике в прямых эфирах и подогревает интерес к блогеру.

Обратная связь с подписчиками присутствует и у профессионалов, и у парапсихологов, что указывает на заинтересованность целевой аудитории в конкретной теме, независимо от образования и опыта участника исследования.

Анализ различий в *специфике индивидуального консультирования в режиме онлайн* проводился на материале самоотчетов студентов-психологов, обучающихся на 4-м курсе, и трех привлеченных к работе экспертов – практикующих психологов со стажем работы более 15 лет, имеющих ученую степень кандидата психологических наук, которые согласились пройти консультации у некоторых блогеров. В результатах анализа учитывались видеоматериалы консультаций, выложенные в stories.

Основные этапы психологического консультирования наличествуют у всех блогеров, работающих в рассматриваемой сфере: знакомство,

беседа с клиентом / распрос, формирование и проверка гипотез, оказание воздействия на клиента, завершение. Существенные различия обнаруживаются в содержании этапов консультирования. Анализ этапа формирования и проверки консультативных гипотез оказался затруднительным по причине неясности и эклектичности размышлений парапсихологов и трети психологов.

Однако лишь чуть более половины профессиональных психологов проводят индивидуальные консультации в режиме онлайн. Выделены методы психотерапии и консультирования, перечисленные в порядке значимости, от часто используемых к эпизодическим: когнитивно-поведенческая психотерапия, телесно-ориентированная терапия, гештальттерапия, НЛП, семейная системная терапия, арт-терапия, психодрама, игропрактика в терапии и психологическом консультировании, транзактный анализ, религиозно-ориентированная психотерапия, системно-феноменологическая психотерапия (консультирование) и клиентцентрированные расстановки, перинатальная и репродуктивная психотерапия, эриксоновская психотерапия и эриксоновский гипноз. Из 49 модальностей психотерапии и психологического консультирования, получивших профессиональное признание в Российской Федерации по состоянию на 1 июня 2019 г. [10], блогерами используются 12. Один психолог используют в онлайн-терапию EMDR, и один психолог проводит консультации на картах Таро. Среди респондентов популярны метафорические карты. В арсенале у профессионалов активно задействованы закрытые и открытые вопросы, рекомендации, директива, отражение чувств, резюме, логическая последовательность, интерпретация, обратная связь, пересказ, проговаривание проблемы. Таким образом, методы консультирования психологов и парапсихологов отличаются разительно. Лишь арт-терапия используется обеими группами исследуемых психологов.

Только треть парапсихологов проводит индивидуальные консультации в режиме онлайн, используя в ходе консультирования эзотерические технологии воздействия на клиента, чтение мантр, молитв, религиозные обряды, «психодуховную» интерпретацию событий в жизни клиента, биоэнергетические комментарии, гадания, предсказания, суггестивные религиозные обряды и космобиоэнергетическое воздействие, изготовление программных свечей, внесение эзотерических корректировок в текущую жизненную ситуацию, медитации, чистку психологического и энергетического пространства, нумерологию, карты Таро, изготовление браслетов (исходя из запроса клиента), составление матрицы жизни. В работе парапсихологов закрытые и открытые вопросы, советы, директива, отражение чувств, резюме, интерпретация, обратная связь, проговаривание проблемы вплетены в эзотерическую рамку.

Точное число проводимых-онлайн консультаций не представляется возможным зафиксировать. Информация, предъявляемая в прямых эфирах, свидетельствует о том, что в среднем каждый обследуемый блогер проводит от одной до пяти консультаций в день. Подавляющее

число обследуемых психологов предоставляют такую услугу, как экстренное консультирование. Услуги на плановые консультации тарифицируются от 6000 до 140 000 рублей за 50 мин.

Отметим, что треть парапсихологов на личной странице не указывают свои данные (имя и фамилию), обеспечивая себе анонимность, однако это не смущает многих подписчиков. Вместе с тем клиенты досконально просматривают профили психологов в социальных сетях, их фотографии и информацию об образовании, что подтверждается исследованием А. Е. Воробьевой и С. И. Скипор [2].

У половины обследуемых профессиональных психологов выявлены следующие негативные тенденции: стремление манипулировать и привлекать к себе клиента с целью получения коммерческой выгоды, назначать неадекватное количество сессий, навязывать диагноз, не имея для этого соответствующей квалификации. Кроме того, ряд специалистов склонны нарушать конфиденциальность отношений, осуждать и оценивать клиентские истории. Замечена и неадекватная супервизия (обсуждение в диалоге с другим специалистом в прямом эфире клиентских историй) и, более того, предоставление фальшивой информации о себе и своей практике, например о численности своих клиентов и качестве работы, преувеличение своих показателей. И наконец, практически всем респондентам периодически изменяет выдержка и чувство такта в отношении клиентов.

Анализ результатов проведения *групповых тренингов в режиме онлайн (марафонов)* показал, что профессиональные психологи используют групповые тренинги в два раза чаще, чем парапсихологи.

Отметим самые распространенные и простые способы организации групповой работы. Запись производится по ссылке в шапке профиля, на почту участника приходит ссылка для входа в конференцию и комнату вебинара. Практикуется добавление в группу на базе приложений WhatsApp, Telegram. Доступ к записи публичной групповой консультации открывается после покупки билета на официальном сайте. Обеспечивается атмосфера открытости, оказывается помощь в освобождении от напряжения словами поддержки и проявлением эмпатии, создается позитивная мотивация на взаимодействие в комнате конференции или в приложении. Возможны варианты правил и ограничений в работе группового чата.

В ходе марафонов ведущий рассказывает о себе и о том, как он пришел к знаниям, которыми делится. В марафонах психологами используются интерпретация возможных точек зрения, противопоставление, интерпретация позиций, интерпретация способов и приемов восприятия и поведения. Происходит наращивание информации, осознание и оценивание участниками альтернатив нежелательному поведению. В ходе работы подписчики испытывают любопытство и стремятся понять слова ведущего. Более содержательной становится рефлексия. Активно поощряется общение между участниками. Одобряется эмоциональная поддержка друг друга при выполнении заданий. Задания включают проигрывание реальных и задуманных жизненных

ситуаций и их анализ. Участники марафонов отмечают в ходе работы, что ощущают собственную независимость и способность изменить свою жизнь в важных вопросах, осознают влияние собственного нежелательного поведения на непосредственное социальное окружение (семьей, коллег по работе), с одобрением отмечают процесс научения новым способам решения личных и профессиональных проблем и изменение отношения к событиям и людям.

Участники марафонов апробируют новые способы поведения с помощью домашних заданий. Применяются разнообразные творческие задания. Успешное выполнение такой программы в еще большей степени способствует сплочению группы и в то же время создает чувство самореализации. Треть блогеров открывают общие чаты, чтобы обсудить свои трудности, проблемы, получить открытое и доверительное сочувствие, понимание, помощь, поощрение за осуществление намерения изменить свое поведение. Способность к позитивным изменениям в поведении порождает чувство самодостаточности.

В ходе исследования выявлены достоверные различия по размаху проведения групповых тренингов (марафонов) в группах психологов и парапсихологов ($p \leq 0,05$): групповые тренинги в режиме онлайн у психологов поставлены на широкий поток, причем к помощи в их проведении психологи-блогеры привлекают от двух до пяти помощников (администраторов) для обработки письменных заданий. Одновременно в марафоне могут принимать участие от 20 до 1000 подписчиков.

Что касается объема, содержания и динамики *обратной связи* в аккаунтах профессиональных психологов и парапсихологов, то ее частота у первых существенно выше. Обнаружены значимые различия между выборкой психологов и парапсихологов по количеству обратной связи ($p \leq 0,05$), что может свидетельствовать о большей популярности дипломированных специалистов. Вся обратная связь отражена в письменном виде, в комментариях прослеживаются специфический язык общения, отсутствие языковых барьеров, использование коротких фраз (пространные отзывы отправляют не многие подписчики), эмоциональная атмосфера общения (смайлики, символы), отмечается некоторая беспорядочность и мозаичность коммуникации. Отдельные подписчики совершают эгоцентричные коммуникативные акты. У всех блогеров подписчики оставляют записи об изменении различных сторон жизни, качества жизни примерно с одинаковым содержанием, например о выходе из депрессии, знакомстве со своей второй половиной, обретении внутренней гармонии и гармонии в отношениях с окружающими, эмоциональной разгрузке, открытии нового в себе, о вере в достойное будущее, осмыслении и оценке своих действий. При этом употребление оборотов речи с положительной семантикой, включающих такие фразы, как «достиг просветления», «понял смысл мироздания», «... Бог», «... молюсь», встречаются единично.

Отметим, что на страничках блогеров представлены исключительно позитивные отзывы: много восторга, благодарностей, восхищения, переложения техник на бытовой язык, например «осознаешь чувство —

проживаешь его — стыд — и в новый смысл». Негативные отзывы сразу же удаляются администраторами аккаунтов, поскольку они портят репутацию блогера, а докучливые подписчики блокируются. Это наводит на мысль о фейковых подписчиках, в связи с чем необходима более точная проверка на наличие таковых. Услугой прикрепления «мертвых душ» может воспользоваться каждый блогер. Но в любом случае следует отметить, что активность подписчиков у профессиональных психологов выше, чем у парапсихологов. Можно предположить, что такое распределение нуждающихся напрямую связано с актуальностью информации, способом ее подачи и интригующими темами в публикациях. Подчеркнем, что количество отзывов и комментариев непосредственно коррелирует с численностью новых подписчиков и потенциальных клиентов. Как уже отмечалось, профессиональные психологи дают своим подписчикам больше разнообразной и проверенной информации, что также повышает активность аудитории.

Выводы

Таким образом, в оказании психологической помощи в социальной сети Instagram между выборками психологов и парапсихологов обнаружены значимые различия. Существующий ныне охват по наблюдению за работой в сети профессионалов и парапсихологов еще 20 лет назад был бы невозможен. В настоящее время спрос на психологическую информацию среди пользователей Instagram крайне велик. Работа блогера-психолога объемна, это жизнь со смартфоном в руках. Instagram может стать ежедневным источником психологической информации для многих, но ее качество оставляет желать лучшего, так как возникает немало дискуссионных вопросов и в профессиональной среде, и у потребителей. Психологические знания как никогда нуждаются в обогащении и корректных способах трансляции. Харизматичные блогеры увлекают подписчиков психологическим стендапом, а также искренними рассказами о собственной жизни и своих способах проживания трудностей. В ряде случаев наблюдается грубое редуцирование психологической информации, и это остается незаметным для большинства пользователей.

Подчеркнем, что подавляющее большинство отзывов подписчиков свидетельствует о решении проблемы и улучшении качества жизни. Важно заметить, что негативные отзывы сложно отследить, их могут заметить только постоянные пользователи Instagram. Блогеры молниеносно удаляют и адекватную, и неадекватную негативную информацию из эфира, оставляя красивую картинку успешной работы. Высоко одобряемой подписчиками формой онлайн-поддержки является мгновенный обмен сообщениями.

Интернет-сеть открывает колоссальные возможности для реализации психологической помощи. Не выходя из дома, можно получить консультацию, присоединиться к марафону, просмотреть трансляции на волнующие темы. Получение психологического комфорта здесь

очевидно, но отметим еще один риск — угрозу личной безопасности. В сети довольно сложно сохранить конфиденциальность сведений о клиенте, а это грубое нарушение этического кодекса психологической работы. Трудность заключается в том, что аккаунты в Instagram являются уязвимыми и часто подвержены кибератакам. Сторонние пользователи могут просматривать действия, комментарии и другие данные учетной записи любого подписчика. Вопрос о том, насколько доверительно может вести себя клиент в таких условиях, остается открытым.

Способна ли интернет-среда заменить общение с психологом? Это еще один вопрос, который на сегодняшний день не имеет однозначного ответа. Полученные данные об осуществляемой психологической помощи в Instagram позволяют делать оптимистичные прогнозы в плане развития просветительской, индивидуальной и групповой психологической работы в рамках этой платформы и открывают новые перспективы научных исследований профессиональной деятельности психолога в интернет-сети.

Список литературы

1. *Абрамова Г. С.* Практическая психология М., 2018.
2. *Воробьева А. Е., Скипор С. И.* Психолог в социальных сетях: этика, безопасность и приемлемость // Экопсихологические исследования — 6: экология детства и психология устойчивого развития. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholog-v-sotsialnyh-setyah-etika-bezopasnost-i-priemlemost> (дата обращения: 15.08.2020).
3. *Гартфельдер Д. В.* Дистанционная психологическая помощь: обзор современных возможностей и ограничений // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2016. Т. 12, №3. С. 77–96.
4. *Донцов А. И., Донцов Д. А., Донцова М. В.* История и тенденции развития психологического консультирования в информационной сети Интернет // Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение) : матер. межведомственной науч.-практ. конф. М., 2011. С. 14–34.
5. *Иванов В. Г., Николаев Е. Л.* К вопросу о психологическом консультировании в сети Интернет // Проблемы современного педагогического образования. 2017. №54-5. С. 326–332.
6. *Карвасарский Б. Д.* Психотерапия : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. СПб., 2002.
7. *Куликова А. В.* Особенности интернет-коммуникаций // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2012. №4. С. 19–24.
8. *Меновщиков В. Ю.* Интернет-консультирование и психотерапия: современное состояние проблемы // Интернет-консультирование и психотерапия в России. 2013. №1. С. 6–15.
9. *Меновщиков В. Ю.* Консультирование и психотерапия в Интернете: «за» и «против» // Психологический журнал. 2010. Т. 31, №3. С. 102–108.
10. *Отчетный доклад* о деятельности комитета направлений и методов (модальностей) психотерапии ОППЛ (2018–2019 годы) XXI съезду общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги и общему собранию национальной СРО «Союз психотерапевтов и психологов» // Профессиональная психотерапевтическая газета. 2019. №9 (202). С. 8–9. URL: https://oppl.ru/up/files/ppg/2019_9.pdf (дата обращения: 15.08.2020).

11. Полянский А.И., Быковская Л.И. Актуальность психологической помощи в сети Интернет // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений : сб. науч. тр. / под общ. ред. И.М. Ильинского. М., 2019. С. 368–374.

12. Чумакова В.А. Психологические особенности интернет-коммуникаций в социальных сетях // Молодой ученый. 2013. №3. С. 451–453.

13. Шевченко И. Некоторые психологические особенности общения посредством Internet // Флогистон : [сайт]. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko> (дата обращения: 15.08.2020).

14. Hadjistavropoulos H.D., Alberts N., Nugent M., Marchildon G. Improving access to psychological services through therapist-assisted, Internet-delivered cognitive behaviour therapy // Canadian Psychology. 2014. Vol. 55. P. 303–311.

15. Frost M., Casey L., Rando N. Self-injury, help-seeking, and the Internet: Informing online service provision for young people // Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention. 2016. Vol. 37 (1). P. 68–76.

16. Owens V.A.M., Hadjistavropoulos H.D., Schneider L.H. et al. Transdiagnostic, Internet-delivered cognitive behavior therapy for depression and anxiety: Exploring impact on health anxiety // Internet Interventions. 2019. Vol. 15. P. 60–66.

114

Об авторах

Инна Сергеевна Карась — канд. психол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: innakaras@mail.ru

Анна Андреевна Лукина — канд. психол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: annikey@mail.ru

Виолетта Игоревна Пушкарева — психолог, Калининград, Россия.

E-mail: wilochka1@mail.ru

The authors

Dr Inna S. Karas, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: innakaras@mail.ru

Dr Anna A. Lukina, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: annikey@mail.ru

Violetta I. Pushkareva, psychologist, Kaliningrad, Russia.

E-mail: wilochka1@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ ИМ. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук — 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов — не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее и внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>

Порядок рецензирования рукописей статей

116

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

2020

Серия

Филология, педагогика, психология

№4

Редактор *Д. А. Малеваная-Митарджян*. Корректор *С. В. Ильина*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 22.12.2020 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,2
Тираж 1000 экз. (1-й завод 49 экз.). Цена свободная. Заказ 69
Подписной индекс 20098

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6